Николай Ядринцев

том второй

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

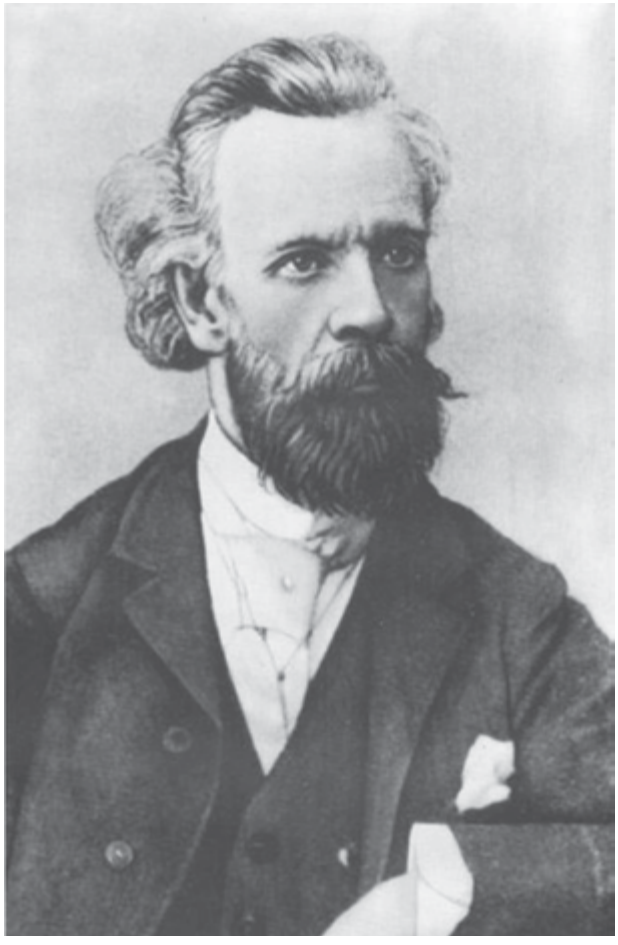
Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Литературное
наследие
Алтая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru



Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Министерство культуры Алтайского края
Алтайская краевая универсальная научная библиотека
им. В. Я. Шишкова
Алтайский государственный университет

Ядринцев Николай Михайлович

Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении

ТОМ ВТОРОЙ

Барнаул · 2019

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ББК 84(2Рос-Рус)6
Я-377

16+

Издание подготовлено по заказу и при финансовой поддержке
Правительства Алтайского края
в рамках губернаторского издательского проекта
«Литературное наследие Алтая»

Ядринцев, Н. М.

Я-377 Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Т. 2 / Н. М. Ядринцев ; [ред.-сост. С. А. Мансков] ; Министерство культуры Алтайского края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. — Барнаул; Новосибирск : Типография Колорит, 2019. – 336 с. : [1] л. порт., ил.

ISBN 978-5-90363-311-1

Ядринцев Николай Михайлович (18(30).10.1842 – 7(19).6.1894) – сибирский публицист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии, один из основоположников сибирского областничества, первооткрыватель древнетюркских памятников на реке Орхон, столицы Чингисхана Каракорума и Орду-Балыка — столицы Уйгурского каганата в Монголии.

Книга посвящена русской колонизации Сибири. В ней детально описываются все сферы жизни обширной страны и их особенности. Автор в своих рассуждениях о перспективах и успехе колонизации стоит на расовых и националистических позициях, что было характерно для идеологии того времени. Книга богата ценной информацией по географии, экономике, демографии, этнографии Сибири, о взаимоотношениях колонизаторов и коренных народов.

© Н. М. Ядринцев, 2019
© С. А. Мансков, 2019
© А. Н. Шелепов, 2019
© КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2019

ISBN 978-5-90363-311-1

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Управление Сибирью и реформа Сперанского
стр. 7

Потребность знания на Востоке
и образование в Сибири
стр. 109

Будущность страны и условия ее преуспевания
стр. 211

Статистические сведения
о современном состоянии Сибири
стр. 239

Библиография
стр. 267

Приложения
стр. 291

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Управление Сибирью и реформа Сперанского[1]

[1] *Большая часть настоящей главы была помещена особой статьей в «Вестнике Европы», 1875 г.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

IX

Затруднения в деле управления Сибирью за отдаленностью края. — Эпоха воеводского управления, ее недостатки. – Воеводский произвол и злоупотребления. – Петровский период. — Ревизия в Сибири. — Нравы чиновничества. Пестель и Трескин в Сибири. — Борьба с городскими. Сибирский донос. — Назначение Сперанского, его ревизия, открытие злоупотреблений. – Взгляд Сперанского на управление Сибирью. – Законодательные работы.— Сибирские учреждения 1822 г. — Достоинства и недостатки учреждений. — Результат 50-летней практики сибирских учреждений. — Новые административные проекты. — Современные задачи управления.

Управление Сибирью было сопряжено всегда с громадными затруднениями, так как она представляла собою завоеванный край, в котором приходилось удерживать новоприобретенные земли, усмирять инородцев, вести дипломатические сношения с азиатскими странами, заводить торговлю, отыскивать промыслы, колонизировать страну и обеспечивать ей продовольствие. К этому еще присоединялась чрезвычайная отдаленность Сибири от Москвы и Петербурга на целые тысячи верст, а следовательно — и от правительственного надзора. В этом и состояла всегда «особенность управления» этим краем. С одной стороны, свойство деятельности в крае вызывало особые полномочия, быструю распорядительность и обозрение дел на месте, с другой — отдаленность края требовала особенного контроля и надзора за правителями, так как в этом крае

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

всего легче могли развиться злоупотребления, произвол и самовластие. В преобладании того или другого из этих начал, в борьбе их и трудности соединить обе эти задачи заключается вся история сибирского управления и до Сперанского, и после него.

В древнее время посылались сюда воеводы, облеченные громадною властью, им предоставлялось неограниченно заведывать всеми частями управления: войском, судом, сбором ясака, ссыльными[2]; кроме того, им поручались промышленные казенные монополии: торговля мехами, вином, табаком, ревенем, мамонтовой костью и проч. Сначала правительство во взгляде на Сибирь руководствовалось завоевательными соображениями, потом — фискальными. Управление вверялось совершенно усмотрению воевод: «Делати по тамошнему делу и по своему высмотру, как пригоже и как Бог вразумит», — говаривалось в инструкциях. Воеводы определялись почти в каждый из городов, причем воеводы тобольские назывались иногда сибирскими, они не были подчинены друг другу и не имели между собою никакой связи на месте, сносясь с «Сибирским приказом» непосредственно. Воеводы переменялись очень часто, «независимо от смены отдельных воевод вследствие открывавшихся злоупотреблений по челобитным и доносам товарищей или дьяков, были еще общие раскассирования воевод, применявшиеся с воцарением нового государя или при иных обстоятельствах, — пишет г. Фойницкий, изучавший сибирские дела этого времени. — Кажется, это было сознательной мерой политики, направленной к тому, чтобы воеводы долго не засиживались и не делались слишком смелыми в злоупотреблениях»

[2] Полн. собр. закон. № 561.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

(Управление ссылки. И. Я. Фойницкий). Полная перемена воевод повторяется в 1629-м, в 1635 г. и позднее.

Другая мера обеспечения власти против чрезмерного усиления и неправильных действий воевод состояла в назначении им помощников, товарищей и дьяков. Несмотря на то, что они могли доносить на воеводу, дела не улучшились, и соревнование властей вело только к интригам, не устраняя произвола и беззаконий. В первое же время бесконтрольность воевод породила такие злоупотребления, что высшее московское правительство должно было начать борьбу с ними. Чтобы предупредить злоупотребления воевод, им запрещалось иметь мехов и имущества более, чем необходимо; по возвращении их из Сибири их обыскивали с женами, детьми и домочадцами; но столь наивные меры, конечно, не помогали злу. Воеводы наживались, да и на самое назначение они смотрели как на наживу. Сами нажива и хищничество считались совершенно законными, естественными в новозавоеванном крае и вырабатывались постепенно историей и жизнью этой страны.

Военный побор и контрибуции постепенно переходили во взятку при гражданском управлении; «полон» переходил в кабалу, и рабство инородца с татарина переносилось на русского; военачальническая власть со всеми привычками оставалась и при гражданском управлении, резкой черты между ними не было; абсолютное повиновение, требуемое завоевателем, переносилось и на колониста; промышленная монополия в пользу правительства возбудила дух той же промышленной наживы и в воеводах; эксплуатация всякого рода практиковалась как частными лицами, так и воеводами. Взгляд на край, как на место наживы, был твердо усвоен

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

сверху донизу. Страна эта не имела и тени гражданского полноправия и потому вплоть до настоящего столетия славилась громадным взяточничеством. Строгие указы против грабителей посылались сюда постоянно, воевод часто сменяли, отдавали под суд, иногда даже били кнутом, но все это не помогало делу. Разные «конфузии» и беспорядки в Сибири не прекращались, и от позднейших управителей обыватели терпели по-прежнему «несносное разорение». Петровская эпоха представляет дезорганизацию прежних учреждений и замену их новыми[3]. «В течение почти всего XVIII ст. ведение судьбами Сибири представляло пеструю и постоянно изменяющуюся картину.

Сибирский приказ с подчинением сенату утратил всякое значение. Со своей стороны, сенат, обремененный массою дел, не мог иметь времени для разрешения текущих вопросов сибирского управления. Множество самостоятельных центральных ведомств, друг от друга не зависимых, решавших сибирские дела, породили разрозненность и спутанность в управлении. Власть, потеряв единство, не нашла гармонии и в Сибири. Вначале местное управление раздвоилось: подле тобольского губернатора явился независимый от него иркутский вице-губернатор. В 1764 г. Сибирь разделяется окончательно на два губернаторства. «Введение губернского управления умножило в Сибири число

[3] Петр I в 1708 году учредил должность губернатора. До этого существовала воеводская система управления, при которой города с уездами находились в ведении воевод, подчинявшихся Сибирскому приказу. Губернатор был проводником государственной политики, в его руках сосредоточивалась административная, полицейская и военная власть. Первым сибирским губернатором был князь Гагарин (1709–1718).

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

инстанций, увеличило переписку, а с нею — медленность производства и преобладание канцелярии, открывавшие широкую дверь своеволию и злоупотреблениям» (Фойницкий).

Общее губернское учреждение в Сибири введено было в 1782-м и 1783 гг. без всякого соображения с местными особенностями края, как прибавляет тот же автор. Оно не дало ни большого единства, ни гарантий от злоупотреблений. Сибирь разделилась на три наместничества, в которых учреждено два генерал-губернаторства: тобольское и иркутское. Во всех наместничествах общее учреждение было введено на всем его пространстве, со всеми верхними и нижними расправами, надворными судами, совестными судами и проч. Границы уездов были назначены без соображений с местными условиями, и во многих пустынях появились полные уездные платы.

Число инстанций умножилось, но и медленность увеличилась. В 1797 г. генерал-губернаторства были упразднены, упразднено и Колыванское наместничество, в части которого — Алтайском горном округе — взамен учреждено горное управление, не зависимое от гражданского начальства. Тобольское и Иркутское наместничества были переименованы в губернии, но в Иркутскую губернию назначен военный губернатор с гражданской властью. Для сокращения производства все средние места закрыты и совестные суды также уничтожены. Таким образом, шла беспрестанная административная планировка. Смена наместничеств генерал-губернаторств и проч. задачи управления не разрешала. «Отсутствие всякого надзора в центре, разрозненность власти на месте были характеристическими чертами

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

этой эпохи, — говорит исследователь. — Злоупотребления служилых людей не только не унимались, а продолжались с большею силою». Власть воевод всецело переходит к наместникам и генерал-губернаторам, при этом она является настолько же обширна и бесконтрольна. Отсюда те же последствия — произвол, самовластие и развитие злоупотреблений.

Начиная с Петра I, наказания правителей усилились: их ссылали на каторгу, им вырывали ноздри, били кнутом, рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что до мозга костей проникло в нравы. Взяточничество и после петровской реформы осталось таким же, каким было и до нее. «Крестьянам, — писал де Геннин[4] Петру, — бедным разорение от судей, и в городах от земских управителей, и в слободах зело тягостно и без охранения, а купечество же и весьма разорилось, так что едва посадского капиталиста сыскать можно. И хотя здесь всем известен *экземпель,* учиненный князю Гагарину (то есть казнь его за взятки), однако здесь, в Сибири, не унимаются бездельники. От земских комиссаров лишние сборы чинят и обиды народу. Судебные комиссары делают великие пакости и неправды. И хотя челобитные и донесения на них от бедных людей есть, но никакого розыска и решения не чинится, и на кого бьют челом, те по воле ходят, и знаемо (то есть известно), что таким ворам потачки от надворных судей. Также об учиненных обидах от солдат рассмотрений и резолюций не чинится.

[4] Де Геннин Георг Вильгельм, он же Геннин Виллем Иванович (1676–1750) — российский торный инженер, генерал-лейтенант, артиллерист. Знаток горного дела и металлургии. Автор ряда сочинений, в том числе и «Описания уральских и сибирских горных заводов». – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

А камериры[5] своим подчиненным, также надворные судьи и магистрат своим подчиненным потакают». Из этой картины, представленной де Геннином, видно, что взяточничество и побор охватывали в XVIII ст. в Сибири всех лиц, все учреждения, с высшего до низшего, все судебные и административные должности. Брали все, начиная с губернатора и кончая канцеляристом; брали всем, что имел обыватель. Так дело идет в продолжение всего XVIII столетия. Жолобов, казненный в 1736 году, «злохитростными вымыслами из великих себе взяток составил огромное состояние», он брал всем, начиная с золота и драгоценных мехов, кончая мясом и яйцами. Иркутский ревизор Крылов вымучил у иркутских жителей одними деньгами до ста пятидесяти пяти тысяч рублей. Развитие злоупотреблений являлось следствием настолько же громадной власти, сосредоточенной в одних руках, насколько и полной бесконтрольности.

Правители, пока жили в Сибири, не боялись никого и ничего. Часто они не обращали внимания на царские указы и действовали наперекор им. Так, какой-то воевода Вяземский не только «дворов и пашен, и сенных покосов охотникам согласно царскому указу не дал, но и посыльщика, с которым была послана царская грамота, убил и изувечил». Власть над личностью и имуществом при таком порядке была полная. Воеводы и губернаторы в XVIII столетии отличались железным управлением. Телесные наказания, кнуты, темницы и пытки, «огонь и железо» были орудиями этого управления. Произвольные конфискации имущества, заточение и казни личностей, имущество которых хотел приобрести воевода, были

[5] Камерир *(от франц.* camerire) — казначей. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в полном ходу. Нигде самовластие не достигало таких размеров, нигде правители не являлись такими всемогущими, как в Сибири в прошлом столетии. Они окружали себя царскими почестями и пользовались неограниченной властью. Уже воеводы задавали пир на весь мир, и кто к ним не являлся на торжество, должен был доставлять приношение. Генерал-губернатор Гагарин употребил свою власть в Сибири, чтобы скопить огромное состояние; он украсил дом свой как дворец, на потолке у него был аквариум с дорогими рыбами, лошади подковывались золотом и серебром. Наместники еще более кичились властью, и в 1782 г., когда Кошкин открывал наместничество, он стоял на императорском троне и принимал поклонение от всех сибирских народностей. При нем также задавались пиршества для народа с жареными быками. Дворы губернаторские были набиты челядинцами. У Чичерина было 150 гайдуков; Якоби привез с собою 40 человек одних музыкантов. Немцов завел лейб-стражу под названием «глухой команды».

В Иркутске один губернатор из подражания архиерею, которому звонили, приказал при своем выезде стрелять из пушек. Главный начальник нерчинских заводов Нарышкин устраивал пиры, разбрасывал казенные деньги, составил себе лейб-стражу из крестьян и каторжников, из бурят сформировал *красный гусарский* полк и брал мирные города. Словом, сибирские управители стремились постоянно к «вицеройству»[6], их охватывало

[6] Вицеройство — от «вице-рой» — вице-король. Оригинальный термин заимствован Ядринцевым из сочинения декабриста В. И. Штейнгеля «Сибирские сатрапы», который назвал генерал-губернатора Сибири И. О. Селифонтова вице-роем за его королевские замашки, стремление к безраздельной власти и проч. Ниже автор неоднократно цитирует Штейнгеля, называя его летописцем. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

упоение властью, и они желали выказать себя безответственными и вполне независимыми. Генерал-губернатора Гагарина даже подозревали, что он хотел отделить Сибирь и сделаться независимым. Другие правители не уступали ему в пышности и гордости. Стремление к вицеройству отзывалось и далеко позднее в сибирской истории: оно вошло в привычку правителей. Сибирские правители, привыкая распоряжаться независимо, часто даже сами начинали убеждаться, что они никому не обязаны отчетом, и не признавали являвшихся на смену личностей. Отдаленная провинция поэтому не раз повергалась в анархию. На смену взяточника Жолобова, например, в 1733 г. явился новый губернатор Сытин, но по приезде он захворал и вскоре умер, поручив исполнение своей должности полковнику Бухольцу. Но Бухольц, не имея предписания свыше, не смел ехать в Иркутск. Жолобов также не признавал своей смены. Тогда в Иркутске составилось временное правительство из подьячего Татаринова, атамана Лисовского и епископа Иннокентия. Члены этого временного правительства убедили иркутское общество просить сибирскую канцелярию назначитъ губернатором *малолетнего сына Сытина* под опекою полковника Бухольца. Но Жолобов путем интриг, упросив бургомистра и купцов подать голос за него, снова добился исправления должности. Получив указ опять о назначении, он обрушился местью на подьячего Татаринова и всех, кого считал врагами, в том числе Литвинцева. Он ставил их на правеж[7], бил палками и истязал. Покончивши с одними, Жолобов принимался за других. Наконец, приехал следователь, бригадир Сухарев, и положил конец этим

[7] Правеж — взыскание с должника денег путем пыток.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

гонениям. Для обуздания Жолобова и гонимых им лиц Сухареву дана была целая рота солдат. Подобно Жолобову и многих других правителей приходилось сменять только силою; точно так же только при помощи военной команды могли сменить следователя Крылова; сменяли таким же путем и других чиновников. Из этого уже видно, как разрасталась власть сибирских правителей. Нечего говорить, что перед такою силою все должно было преклоняться, все трепетало. В случае сопротивления, при малейших жалобах и оппозиции, на жителей обрушивался террор правителей, каким ознаменовывали себя Жолобов, Крылов и другие. Не только пытки и кнуты были в употреблении, но прежние правители нередко применяли и смертную казнь.

В этот древний период единственным обузданием местных начальников для правительства служила их строгая кара. Но как их ни подвергали ответственности, как часто ни сменяли, положение дел не изменялось. Являлись изредка ревизоры для обследования дел на месте, но, подобно Крылову, посланному при Екатерине, преследуя предшественников, они сами доходили до величайшего своеволия и сами начинали обирать жителей, пользуясь предоставленною им силою. Словом, каждая власть, какая только не являлась в Сибирь, немедленно же, в силу особых обстоятельств, преображалась, усваивала самовластие и предавалась наживе.

Мы уже указали, что причины этого крылись не в отдельных личностях, но в том положении, какое предоставлялось правителям в этой отдаленной стране. Они незаметно приобретали привычки самовластия вдали от контроля, при неограниченных уполномочиях, точно так же как развитие злоупотреблений, не встречая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ниоткуда препятствий, явилось естественным при отдаленности края и при тех искушениях к обогащению, какие представлял край. На это указал впоследствии Кородавлев в записке своей, внесенной в Государственный совет.

Конец и начало нынешнего столетия повторили характер и нравы предшествовавшей эпохи в сибирском управлении. В это время думали уничтожить зло большим доверием главным начальникам и усилением их власти. Для этого в 1783 г. было открыто в Иркутске наместничество. Первым наместником иркутским и колыванским был генерал-поручик Якоби. «Губерния была разделена на четыре области, и все это чиноначалие деспотствовало», — говорит иркутский летописец.

Сам Якоби был сатрап-сибарит. «Одно осталось о нем в памяти иркутян: пышно-весело жил». Под конец он отдан был под суд и томился под ним десять лет. «Местное население, подавленное, истощенное самовластием и поборами, — говорит г. Вагин, — имело только одно средство — бороться с ними жалобами и доносами». В прошлое столетие жалоба и донос наказывались весьма жестоко, тем не менее видим, как во время террора Жолобова и Крылова жители и подсудимые выкрикивали «слово и дело», чтобы как-нибудь добиться правосудия; тогда подсудимого заковывали, под строжайшим присмотром отсылали в Москву или в Петербург, где вновь ставили на правеж, причем он должен был объявить, о чем знал. Иногда успевали подсудимые разоблачать, что делается в Сибири, и приносили свои жалобы, и тогда-то вот посылались ревизии, как при Жолобове. В конце прошлого столетия общество стало смелее в жалобах и доносах по поводу злоупотреблений.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Вероятно, этому способствовало уничтожение «тайной канцелярии». Но поверка доносов была затруднительна, обвиняемые всегда находили множество средств оправдаться. Действительно, управители Сибири долго и много отписывались, пока совершенно не запутывали дела. Пример можно было видеть на деле Якоби. По этому поводу Екатерина надписала на нем: «Читано перед нами несколько тысяч листов под названием сибирского якобиевского дела, из коего мы иного ничего не усмотрели, кроме ябеды, сплетен и кляуз». Этими словами, было положено подозрение на сибиряков, подозрение совершенно не оправдавшееся, которое послужило к дальнейшим недоразумениям. «Слова эти были клеймом на сибиряков, — говорит иркутский летописец, — за которое они впоследствии дорого поплатились. Горе отдаленной провинции, — прибавляет он, — ежели правительство поставит между ей и собою оплот предубеждения». Тем не менее, к правителям Сибири правительство начинало быть бдительнее.

Так, Нагель при Павле I был привезен из Иркутска с фельдъегерем для личного объяснения с государем по поводу какого-то доноса и снова возвращен, когда имп. Павел вспомнил, что его знал в каком-то полку. В это время смены правителей делаются только чаще. Так, после Штрандмана был в Иркутске Леццано, гордый, надменный и сухой, как говорит о нем летописец. Леццано этот не поладил с комиссариатским начальником Новицким и вызвал жалобы иркутских жителей, увлекшись разведением огородов, обсаживанием города березками и проч., чем тяготились жители. На ревизию прибыл немедленно сенатор Селифонтов. Он сошелся с Новицким и представил Иркутскую

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

губернию «в таком бедственном положении, что на нее без слез взирать невозможно». Леццано был удален немедленно от должности, а Селифонтову приказано от правительства представить, какими мерами думает он исправить положение Сибири. Его мнение состояло в том, чтобы Сибирь разделить на три губернии и соединить ее под управление одного генерал-губернатора, облеченного *особенною высочайшею доверенностью*.

Таким образом, Селифонтов вновь проектировал одно усиление власти. Оставался вопрос: кого облечь властью. Назначили Селифонтова. При этом дана была ему особая инструкция для управления, существовавшая 20 лет вплоть до назначения Сперанского. Сибирские правители в это время успевают склонить правительство к мнению, что все беспорядки в Сибири происходят от ябеды и кляуз местных жителей, а не от неистовств администрации. Селифонтову говорится в инструкции, что «по духу ябеды, издавна замеченному между сибирскими жителями», тех, которые имеют беспокойный характер и могут влиянием своим на общество препятствовать благим мерам правительства, ссылать в отдаленные места. Это послужило для сибирских губернаторов правом карать челобитчиков. Опираясь на это право впоследствии, Трескин и Пестель развернули свою страшную систему. Селифонтов сочувствовал бедствующей Иркутской губернии, как видно, только до тех пор, пока не въехал в Сибирь. Облеченный громадною властью, он явился «как вице-рой, — говорит летописец, — все пало ниц и безмолвствовало». Селифонтов оставил жену в Тобольске, а в Иркутск привез свою наперсницу мадам Бойе; она остановилась в генерал-губернаторском доме.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Сейчас, — говорит тот же летописец, — догадались, через кого надобно *обделывать дела,* и обделывали». При Селифонтове управляли, таким образом, мадам Бойе и секретарь Бакулин, который, разделив Сибирь на комиссарства, продавал их управителям, кто больше даст. Порядки явились прежние. При Селифонтове проезжало посольство Головина. Губернатор Корнилов, между тем, не ладил с Селифонтовым, как Новицкий с Лецциано; он передал положение дел Головину. Дошло дело до Петербурга, и указом был сменен Селифонтов с запрещением въезжать в столицы. Так кончилось его вицеройство. После Селифонтова назначается Пестель[8] и привозит с собою Трескина. В эту эпоху мы видим, что сами смены управителей и обличение злоупотреблений, не прекращавшихся в Сибири, являются только орудием для чиновничьих интриг.

Доносы и обличения сыпались из Сибири, но каждый обличал предшествовавший порядок с тем, чтобы сесть на место предшественника и, забрав власть, подражать ему и делать то же. Таким образом, самый беспорядок в России служил поводом играть в места для сибирских чиновников. Смена генерал-губернаторов не помогла делу, а усиление их власти и доверие становились только средством для них разделить отдаленную провинцию между своими любимцами. Управление Пестеля послужило завершением всего предшествовавшего и последней попыткой приложить способ управления самовластия и подавления.

Пестель, понимая ошибки своих предшественников, решился первым делом упрочить свою власть в Сибири

[8] Пестель Иван Борисович (1765–1843) — был сибирским генерал-губернатором с 1806 по 1819 гг. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и обеспечить ее надолго. Он управлял Сибирью 14 лет до Сперанского и в это время возвел предшествовавшую систему до крайнего развития, опираясь на все предыдущие уполномочия и вытребовав новые. Пестель решился начать управление не с разоблачения злоупотреблений, как его предшественники, но с уничтожения жалоб и пресечения всякой возможности жаловаться. Тупой и ограниченный по способностям, но злой и самолюбивый, он явился в Иркутск с тем, чтобы вместо приветствия объявить обществу. «При назначении меня генерал-губернатором в Сибирь первая моя всеподданнейшая просьба была, чтобы переменить здесь белые воротники. Я был в Вятке на следствии, и там тоже белые воротники и все наголо ябедники». И Пестель засмеялся гнусливым, зловещим смехом». (Пояснен. к иркутской лет. в чтен. 1853 г., кн. 3, стр. 72). Таким образом, Пестель отнесся с явным недоверием к обществу и объявил, что будет искать причины зла в нем. По убеждениям это был защитник всякого начальнического авторитета; утвердить такой авторитет он поставил своею целью, а общество должно было погрузиться в безмолвное повиновение. В помощники он выбирает расторопного и распорядительного почтамтского чиновника Трескина, без которого не решался ехать в Сибирь. Это был раб и наперсник Пестеля. Пестель ему безусловно верил во все время своего управления, он предоставил ему полную свободу и власть, какую только мог ему передать на основании инструкции; а инструкция эта была всемогуща. Личность Трескина так характеризует г. Вагин: «Это был человек умный и деятельный», до известной степени, конечно, «но его ум и деятельность были не государственного человека, а канцелярского

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и полицейского чиновника. Они были устремлены только на мелочи и многописание. Трескин был превосходный исполнитель, как большая часть людей этого рода, он мог быть только хорош в хороших руках. Его предоставили самому себе, облекли высокой властью. В нем вполне развились полицейские замашки, и из него вышел невыносимый деспот». Как человек, как семьянин Трескин даже был добр; впрочем, подобных качеств не чужды самые кровожадные звери, любящие своих детенышей.

В своем управлении Трескин руководствовался вполне собственным усмотрением. «Законов он не исполнял, на министерские приказания не обращал никакого внимания, — сообщают исследования г. Вагина, – он позволял себе величайшие самоуправства. Его защитник и поклонник Геденштром говорит, что «губернию он считал вотчиною, а себя — полновластным в ней приказчиком или управляющим». Даже помещичий произвол никогда не достигал в России такого развития, как трескинский произвол в Иркутской губернии. Его можно только сравнить с произволом и мелочным вмешательством Аракчеева в военных поселениях». Оставив расторопного и самовластного Трескина распоряжаться в Сибири, Пестель уехал в Петербург и все время пребывал там. Здесь он влиял и направлял по-своему сибирские дела.

14-летнее управление Пестеля и Трескина было ознаменовано крупными злоупотреблениями, которые достаточно выяснились благодаря ревизии Сперанского и собранным ныне материалам. Взяточничество в этот период не только не уменьшилось, но еще лучше организовалось. Пресечение всякой гласности, всяких жалоб

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

превратило его в обыкновенный порядок. «Трескин имел достойных сподвижников, — пишет г. Вагин на основании своих исторических материалов. — Жена и любимцы его бесчинствовали открыто. Агния Федоровна, жена Трескина, была «женщина домовитая», как о ней говорили, и «весьма притом нестрогих правил». «К ней отправлялся всякий, кто хотел давать, — пишет иркутский летописец. — Исправники, комиссары без доклада могли входить в уборную, даже в спальню. Она называла чиновников своими детьми». В самом деле, места под конец все были заняты чиновниками, привезенными Пестелем и Трескиным «из Москвы» (Вагин. С. 11). Сам Трескин подозревался, что при заготовке хлеба в казенные магазины чрез комиссаров он имел *«знатный доход»*. Что касается взяточничества его жены, то оно было открытое. «Довольно странно было видеть, — пишет иркутский летописец, — в передней сидящего лакея, фаворита барыни самой, записывающего, кто что принес, и толпу купцов с кульками, со свертками, цибиками[9], с анкерами[10] и тому подобным». Жители Иркутска, имевшие дела, говорили, по отзывам старожилов: «Вот, Агнесе Федоровне надо поклониться. — Купи мех соболий!» Принесут мех, сторгуют его за пять, за шесть тысяч, и мех возьмут, и деньги. Другому, третьему — то же. Один-то мех раз 50 продавали» (Рассказ Обухова, приложение к т. 1. Стр. 565). «Она брала соболями, муфтами», — рассказывает другой старожил; взятки давали губернаторше, проигрывая часто в карты. «Она за взят-

[9] Цибик — ящик чая весом от 1 до 2 пудов (от 16,380 до 32,720 кг). – *Прим. Ред.*

[10] Анкер *(голланд.)* — уплощенный бочонок для транспортировки импортных вин. Объем до трех ведер, т. е. не более 37 литров. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ки, — сообщает третий современник, — раздавала места. У нее был подставной Третъяков. *У них в гостином дворе были и лавочки, где они продавали, что им надарят»* (Посельский. Прилож. к исслед. Вагина. Т. I. Стр. 582). Агния Федоровна жила в связи с Белявским, секретарем мужа, который управлял не только за Трескина, а и за Пестеля; он был также взяточник. Кроме того, отличались взяточничеством главный доверенный жены Трескина, Третьяков, заседатель Геденштром, человек образованный, но в то же время, по словам Корфа, «доносчик и развратник». Г-н Вагин силился смягчить приговор Корфа за ум и образование Геденштрома, но в сущности, это был образованный вор. Наконец, прославился Лоскутов, который, неистовствуя, нажил огромное состояние.

Такой порядок должен был прикрывать Трескин, участвуя сам в наживе, как свидетельствуют исторические материалы. Трескину оставалось на выбор — или изменить свою систему, или сойти со своего поприща, или стереть недовольных с лица земли, и он выбрал последнее. Белявский был правою рукой и злым гением Трескина. «Все бездельники, в бараний рог надобно согнуть», — беспрестанно твердил он губернатору. «И подлинно гнули», — говорит современник. Это было тем легче сделать, что, как мы видели, сам Пестель старался задавить всякий донос и преследовать недовольных. Начало своего управления Пестель ознаменовывает гонениями двух губернаторов, тобольского и томского (Хвостова и Корнилова), за то, что те не соглашались с его мнением, и один подал, помимо Пестеля, записку министру внутренних дел об улучшении края. «К преданию их суду были выставлены не эти, а другие доводы, но они были так же ничтожны и грязны, как и первые» (Истор. исслед. Т. I. Стр. 6).

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Начальник провиантского депо в Тобольске генерал Куткин о чем-то поспорил с Пестелем, и тот нарочно выхлопотал право себе предавать суду провиантских и комиссариатских чиновников. Тогда он открыл *мнимые* злоупотребления по провиантской части и предал Куткина суду и домашнему аресту, устроив около дома его гауптвахту. Дом, имение его, фабрики около Тобольска были разорены. Сам он посылал постоянно прошения и ничего не мог добиться. Сенат несколько раз предписывал освободить Куткина, но Пестель оставлял без исполнения сенатские указы. 11 лет Куткин содержался под арестом, разорился, наполнил Сибирь воплями своих прошений и умер под стражею в 1817 г.; жена его умерла от горя, дочь ослепла от слез (Истор. исслед. Стр. 7). На провиантских чиновников было открыто гонение «как на жидов». «Употребляя во зло свое знание сенатора, а потом члена государственного совета, Пестель настойчивым образом требовал самых жестоких наказаний тем лицам, которых преследовал. Страсть его к преследованию доходила до мелочности. Нередко сибирские судные дела переходили в общее собрание сената и в государственный совет единственно по несогласию Пестеля с решением других сенаторов» (Истор. свел. Стр. 7). «Крайнее самолюбие, страсть к произволу, потворство своим любимцам, неумолимая мстительность — вот были отличительные черты Пестеля», — говорят материалы. Личное бескорыстие Пестеля было подвергнуто большому сомнению. «Не верьте бедности моего предместника», — писал Сперанский.

Но если Пестель мог простирать гонения на лиц сильных и значительных, то в преследовании менее значительных обывателей и подчиненных он переходил все

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

границы. Произвольные действия Трескина на первых же порах вызвали сопротивление иркутского общества. Хозяйственная регламентация жизни и вмешательство Трескина превзошли все ожидания, как ни приучены были сибирские жители ко всякому вмешательству предшественниками Трескина.

Трескин вздумал распланировать и перестроить заново Иркутск, который не славился в это время опрятностью, и решился провести это дело необыкновенно энергично. Он приказал к такому-то времени все старые дома сломать, а когда хижины не были снесены, то к сломке приступила полиция (Т. I. Стр. 573–574). Он обходил город, заходил к жителям, вмешивался в хозяйство, пробовал кушанья, чинил расправу, ежели что дурно приготовлено (Стр. 573). Он преследовал, говорят, питье чая, запрещал в огороде садить табак, насильственно заставил бурят заниматься земледелием и, наконец, пробовал отвести реку, затопляя суда. В одной из жалоб, поданных на него, говорится: «Господин генерал-губернатор Пестель и губернатор Трескин приказали собирать в полицию в городе купеческих и мещанских, а по деревням крестьянских дочерей под тем предлогом, чтобы отдавать их в замужество за поселенцев, и что одним только отцам, матерям и родственникам известно, чего стоила свобода, сопряженная с бесславием детей их» (Записка Сибирякова. Прилож. к истор. свед. Вагина. Стр. 547).

Иркутское общество, приучавшееся уже ранее заявлять свои жалобы и пытавшееся к обнаружению злоупотреблений и неправды в Сибири при Якоби и Лецциано, выставило кандидатом в головы Михаила Ксенофонтовича Сибирякова, личность умную

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и уважаемую в городе. Такой представитель общества не мог быть приятен Трескину; он видел, что общество хочет с ним бороться. Придравшись к прежней подсудности Сибирякова, он предложил выбрать другого, но дума объявила, что она «делает новые выборы единственно из повиновения распоряжениям начальства». В то же время дума и магистрат отказались исполнить требование назначения купцов при осмотре пушных товаров, опираясь справедливо, что это неустановленная повинность. Таковы были официальные причины, которыми было прикрыто неудовольствие Трескина и Пестеля. Но тайные причины состояли в подозрении Сибирякова и Мыльникова в составлении доноса, посланного в министерство внутренних дел на действия губернского начальства.

Действительно, Трескин и Пестель выставили Сибирякова и Мыльникова «вредными нарушителями общественного спокойствия» пред высшим начальством. Пестель при этом решился оклеветать общество и указать, что благому его управлению мешают только безнравственность и пороки управляемых. «Какое местное начальство может установить порядок общественный там, где разврат и самовольство состязаются с законными распоряжениями, — писал он во всеподданнейшем рапорте 1808 г., — где уже меры кротких взысканий тщетно были испытываемы, и где дерзость укоренилась в средоточии общественном?

Одни только примеры неупустительного строжайшего взыскания с неповинующихся могут подать способы и надежду восстановить по времени колеблемое развратом спокойствие, которого желают многие, но которое теряется в собственном их расположении

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

к заблуждениям». Пестель просил поэтому подвергнуть общество «чувствительным и примерным взысканиям», Сибирякова же «за явное возмущение и проч.» в пример другим, как равно и Мыльникова, разослать по уездным городам Иркутской губернии. Добившись их ссылки, как бы «в насмешку над сосланными», Трескин доносил, что им выбраны города, удобные для продолжения коммерческих оборотов, но вместо того им не выдавали даже паспортов, прошения не принимались. Когда родственники Сибирякова хлопотали в Петербурге, Пестель храбро и бойко отписывался, что «иркутское общество только без них может находиться в спокойствии». Вступился за Сибиряковых Сперанский, бывший тогда в силе, вступился Державин, но Пестель умел представить все по-своему и даже постоянно обижался запросами. Сибиряков так и умер в ссылке.

Установив в глазах правительства свои воззрения на ябедников, Пестель и Трескин уже смелее начали преследовать своих врагов. Мы не имеем возможности подробно излагать все случаи, занесенные в материалы, даже в сухом изложении полные самых потрясающих подробностей и напоминающих какую-то мартирологию, да это и не относится к нашей цели, имеющей в виду рассмотреть только самую систему местного управления до Сперанского, не останавливаясь на частностях. Достаточно сказать, что так же как в Иркутске Сибиряков и Мыльников, в Тобольске нарушителем тишины выставлялся купец Полуянов. При Пестеле же был отдан под суд откупщик Передовщиков, взявший винные откупа в Сибири, которые Трескин предварительно отдал уездным местным откупщикам.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Председатель уголовной палаты Гарновский и прокурор Петров протестовали против неправильного начатия дела, но были удалены от должности. Передовщиков же притеснялся на допросах, его заставляли подписывать показания против себя и, наконец, разорив, сослали в каторжные работы (Ист. свед. Стр. 20–22 и прил.). Такие поступки власти не могли возбудить в местном населении особенного расположения к ней. Кроме того, у Передовшикова, Сибирякова и Мыльникова были родственники, знакомые, приверженцы. Все это называлось *«партией недовольных»,* и употреблялись все меры, чтобы уничтожить ее. Из Иркутска были высланы брат Сибирякова в Жиганск и за ним купец Дубровский. Подвергся преследованию купец Киселев, человек умный, смелый и горячий. Не было благовидного повода поступить с ним, как с прочими, поэтому придумали другой способ. Киселева объявили сумасшедшим и посадили в больницу. Там он пропал без вести. Народная молва обвиняла в этой смерти Третьякова, доверенного и любимца Трескина, который был тогда смотрителем больницы. Гонения обрушились даже на людей мелких и незначительных, как, например, на какого-то титулярного советника Петухова; служа в уездном суде, он решил дело не так, как хотел Пестель. Петухов этот протестовал против решения уездного суда, постановленного в угоду губернатору: за это он был отрешен от должности, а когда он подал жалобу на высочайшее имя, это послужило поводом к ссылке его в Туруханск, потом — в Мезень. Но и здесь преследует его Пестель. Когда он принят был в Мезени на службу, Пестель просит сослать его в Колу, «так как мезенская округа граничит с Тобольской губернией,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и потому пребывание Петухова вредно для Сибири». Это была последняя попытка повредить Петухову. Пятилетние преследования потрясли его, несчастный сошел с ума. «Мы сообщили только крупные факты, — говорится в конце материалов г. Вагина, — которые в свое время наделали большого шума, которые заверены и официальными актами, и записками современников, и преданиями. Но сколько личностей, подобных Петухову, страдало и гибло бесследно, не сохранив о себе известий даже в архивной пыли!» Множество чиновников отдавалось под суд по самым ничтожным причинам: один — за неправильную переписку прошений, другой — за продажу чужой телеги, третий — за неприличные проступки, короче, за пьянство. Основною же причиной были подозрения в недоброжелательстве начальству. Трескин держался в этом случае такой тактики: он дозволял чиновникам наживу и злоупотребления, но тем самым держал их в руках. При малейшем недовольстве он их упекал. В этом случае прощались взятки, и всегда наказывались донос и недовольство.

Вся система Пестеля сводилась, таким образом, к тому, чтобы в Сибири предоставить своему губернатору распоряжаться при помощи огромной власти по своему усмотрению и во избежание жалоб подавлять их на месте, а что доносится в Петербург — самому перехватывать и перерешать. Таким образом, Пестель отрезал Сибирь от всякого правосудия. Во время своего управления он устроил строгий надзор за всем, что писалось из Сибири; он оцепил Сибирь таможнями, начал перехватывать письма, тушил прошения и бумаги в присутственных местах, наконец, обрушился на челобитчиков. Благодаря этому долго не доходило ничего

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

до высшего правительства без ведения Пестеля, который всему давал свои объяснения. По словам старожила С. С. Щукина, Трескин не мог видеть, чтобы печатали что-нибудь из Иркутска в газетах, особенно о ценах на хлеб, которые он выставлял по-своему. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь вел переписку с Петербургом, и, заподозривши, например, в этом монголиста Игумнова, «образованнейшего человека своего времени», как сообщает г. Вагин, его начали притеснять, отдали под суд, отрешили от должности и запретили въезд в Иркутск. «Ужасными мерами уничтожения непокорных, — говорит современник, выписка которого приведена в материалах, — при неограниченном доверии высшего правительства к представлениям Пестеля или — что все равно — Трескина в Иркутске наконец все части попали если не в формальную, то, по крайней мере, в политическую зависимость от губернатора, не исключая ни военной, ни даже духовной» (Т. I. Стр. 32).

Таким образом, рядом с развитием злоупотреблений усиливались и самовластие, и сила Пестеля. Произвол и злоупотребления существовали не только в Иркутске, но и в других частях Сибири. Своеволие от губернаторов усваивали и подчиненные — так бывает всегда. Енисейский городничий, по словам Корфа, катался по городу на чиновниках за то, что они осмелились написать просьбу об его смене. Охотский начальник самовольно удаляет от должности своих чиновников. Третьяков, Геденштром берут пример расправы с Трескина. Лоскутов дошел до такой необузданности и смелости, что высек нижнеудинского протоиерея Орлова плетьми. «Но не одни только личные преследования были отличительною чертою сибирского управления за время

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Пестеля. Управление это представляло поразительный пример самых вопиющих беспорядков и злоупотреблений, приведенных в систему», — пишет далее г. Вагин. Даже и там, где выражалось стремление к внешнему порядку: чистоте улиц, правильной постройке домов и т. п., даже и там стремление это выражалось действиями, явно противными тем самым законам, которые оно, по-видимому, старалось исполнить.

Некоторые отрасли по управлению были крайне запущены. По всей северной окраине Сибири народ в буквальном смысле умирал с голоду. По Иркутской губернии Трескин ввел насильственные закупки хлеба и казенную монополию хлебной торговли. Наконец, повинности населения были в высшей степени обременительны. Средством скрывать эти беспорядки служило постоянно представлять отдаленный край в самом цветущем положении и закрывать глаза бюрократическими отчетами, на которые был мастер Трескин. Все прикрывалось самой наглой официальной ложью. Пестель и Трескин обманывали не только правительство, но они хотели обмануть и местное население в противность тому, что последнее видело собственными глазами. Так, например, в 1807 г. Трескин опроверг слух, разнесшийся между жителями, что начальство не впускает крестьян в город для продажи хлеба, а жителей принуждают закупать хлеб в казенных магазинах. Трескин публикует, что запрещений таких не было, и доносит Пестелю, что слухи эти идут «от известной и оглашенной ябеднической партии». А между тем, принудительная закупка хлеба во все время трескинского управления вошла в систему. «Жители Иркутска и окружающих селений очень хорошо знали, знает и потомство, — говорят материалы, — что

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

у Трескина на бумаге делалось одно, а на деле другое». «Публикация эта имела в виду одну цель: пустить Пестелю пыль в глаза и предупредить доносы на новые злоупотребления» (Т. I Стр. 34). Трескин искусственно повышал цены на хлеб, завел страшный скуп его, монополии, отдал их в руки комиссаров и купцов, выставлял фальшивые цифры о ценах и в то же время доносил об увеличивающейся производительности края и его благосостоянии. Последствием монополий и злоупотреблений по продовольственной части на отдаленных окраинах происходил ужасный недостаток в хлебе, начинался голод. Так, в 1811 г., а потом в 1815–1816 годах в Туруханском крае между инородцами обнаружилось людоедство. Но когда начали доноситься слухи об этом в Петербург, Пестель представлял огромные книги с бюрократическими отчетами и уверял в противном. Массами фальшивых сведений и перепиской он старался закрыть правительству глаза. Точно так же он отбивался и от всех жалоб, называя их клеветою и доносом. «Но если и был кто самым вредным и опасным доносчиком, — говорят материалы, — то разве один Пестель. В своих донесениях он осыпал клеветами сибирское население и показывал все правительству в превратном виде. В такое мрачное время стоном стонала Сибирь, и особенно Иркутская губерния» (Т. I. Стр. 34).

Останавливаясь на этой эпохе, предшествовавшей ревизии Сперанского, мы невольно поражаемся массою злоупотреблений, обрушившихся на этот отдаленный и бедный край. Управление Пестеля нам рисуется каким-то темным пятном на фоне сибирской истории. Оно действительно кажется мрачно и поразительно, но это потому, что мы представляем его отдельно, без связи

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

с предыдущей историей, как оно рисуется нам в материалах. Но смотря ныне более хладнокровно и с исторической точки зрения, мы не найдем в нем ничего более обыкновенного, ничего, принадлежащего исключительно системе Пестеля и Трескина. В сущности, оно руководствовалось теми же правилами и традициями, как и предшествовавшие; оно было плодом системы и отражало все черты управления, давно укоренившегося в Сибири. Управление Пестеля было только окончательным и более решительным применением системы, подготовленной ему в том же направлении предшественниками.

Последствия этой системы отражались таким же образом и ранее. «Не в этой одной эпохе, которая подверглась ревизии, обнаружены злоупотребления, — писал Сперанский Кочубею из Сибири, — и нельзя утверждать, чтобы при прежнем управлении Сибирь была в другом или лучшем положении. Напротив, с переменою людей переменялись только силы и степень злоупотреблений». Таким образом, Сперанский с высоты государственной точки зрения уже определил управление Пестеля как часть предшествовавшей системы. В управлении Пестеля действительно, как в спектре, отразились все крайности сибирской истории. Присущие его времени злоупотребления были в связи с административным порядком целой эпохи и основывались на свойствах управления, давно принятого. Главными недостатками этого управления могут быть отмечены ясно самовластие и произвол. Произвол этот развился, естественно, при том просторе действий и власти, какие сыздавна им давали огромные уполномочия. Власть воевод, губернаторов и генерал-губернаторов постоянно усиливалась, расширялась и подчинила все ведомства. Все предоставлялось личной воле

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и усмотрению администратора, конечно, имея в виду сообразование с законами и справедливостью. Но правитель незаметно терял почву и приобретал привычки действовать по личному произволу. «Власть личная нередко обращается в самовластие, — писал Сперанский по поводу управления Сибирью. — Люди с лучшими намерениями могут ошибаться, могут увлекаться личными взглядами — и, действуя по совести, действовать противозаконно» (Истор. свед. Т. II. Стр. 321–322).

Действительно, эти черты произвола быстро усваивали люди при огромной власти в отдаленной стране. Личность здесь пользовалась тем, в чем не была ограничена, ее поведение было продуктом того положения, в которое она ставилась. Правители, недурные в России, преображались, являясь в Сибирь. До 1819 года нигде не было такой преклонности к самовластию и жестокостям над подчиненными, как в Сибири у некоторых начальников, высших и средних, — высказывал свое мнение граф Блудов. — Все они были посылаемы туда из внутренних губерний, и казалось, что не только со вступлением в отправление им данных в сем крае должностей, но непосредственно по переезде через Урал в них исчезало всякое к ним сострадание» (Истор. свед. Т. I. Стр. 31–32). Тот же грозный Трескин является другим человеком в другой обстановке. «Долг справедливости обязывает сказать, — говорит историк, — что как частное лицо Трескин считался весьма добрым человеком и что впоследствии, когда он был уже отрешен от должности и жил в своей деревне, в нем не было и следов прежнего иркутского деспота» (Мат. Т. I. Стр. 11).

Селифонтов, плакавший над Сибирью, точно так же преображается здесь. Правители вследствие своего

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

положения понемногу сами начали убеждаться, что действительно все зависит от их личной воли. Они становились нетерпимы, своевольны, понемногу в управление они вносили свои личные страсти. Увлекаясь положением, они сами из себя создавали вице-роев, обставляли себя пышной обстановкой, требовали абсолютного поклонения, торжеств в честь свою и полного обожания. Закон и правительство они отодвигали на второй план, выдвигая только свою особу, внушая жителям, что только от одних их все зависит. Нигде так начальство не приучало преклоняться себе, как в Сибири, нигде оно не упражнялось более в самовластии, как здесь. «Сибирь не испытывала крепостного права, — говорит один из историков, — но она испытала гораздо худшее — административный произвол, так же, ежели не хуже, воспитывавший общество».

Привычки своеволия распространились и на низших исполнителей; они шли от губернатора до отдельного заседателя. Если первые ограничивались безусловным приказанием и требованием покорности, последние вводили дисциплину и внушали к себе уважение страхом. Только одного Лоскутова почему-то прославили, но Лоскутов был один из типов того времени. В Западной Сибири был подобный же заседатель Ярцев. Сам образованный Геденштром высказывает мнение после Сперанского, что «филантропия неуместна в Сибири», «она вреднее холеры», что положение алтайских горных крестьян лучше, ибо горные правители «управляют крестьянами, как хозяева, и лозами могут, если хотят, принуждать к добру» (Истор. исслед. Т. II. Стр. 317). Это был общий взгляд тогдашних администраторов. Таковы были и средства управления. Результат самовластия заключался в неограниченности

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

власти главных сибирских правителей и в примерах необузданности, подававшихся низшим.

Второю главною чертою управления этой эпохи является наклонность к самой широкой регламентации, проходящей чрез всю историю. Новозавоеванный и пустынный край действительно сначала требовал устройства и деятельной инициативы правительства. Его необходимо было снабжать продовольствием, основывать промыслы, водружать гражданственность, но впоследствии привычка распоряжаться общественною жизнью вошла в нравы правителей и принята была за необходимую принадлежность управления. На Сибирь постоянно менялись взгляды, а поэтому предписывались новые меры и производились беспрестанные эксперименты.

Сначала Сибирь считалась колонией звероловной, затем, с начала XVIII века, на нее имеют виды как на колонию горнозаводскую, далее обращают ее в колонию штрафную, потом земледельческую, наконец, примешиваются виды торговли с Азией и т. д. Все это давало случай каждому из администраторов вводить свои планы и перестраивать принудительно жизнь общества. Достаточно припомнить такие опыты, как десятинную пашню Сомойнова с приписью 3400 бобылей в обязательные работы, обязательное сеяние пеньки, приписки и переселение людей на рудники и заводы, чичеринское проведение дорог на Барабе, неудавшуюся ланд-милицию Леццано, в Камчатке искусственное создание казачьего войска с приписью крестьян и поселенцев, бесчисленные опыты устройства ссыльных, принуждения бурят обращаться к земледелию при Трескине, учреждение и распорядок лоскутовских поселений, продовольственное снабжение инородцев,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

казенные монополии, поддержание монополии и привилегий частных, как русско-американской кампании, кяхтинского торга и проч., и проч. Регламентация частной жизни в прошлом столетии доходила до необыкновенной мелочности. В прошлом столетии делаются приказы не отлучаться крестьянам на ночь из дома; один управитель, как Леццано, заставляет обсаживать города березками, другой, как Трескин, планирует вновь город, ломает дома, отводит реку, преследует сеяние табака в огородах, вмешивается в домашнюю жизнь, преследует питье чаю. Лоскутов приписывает молитвы крестьянам, дает инструкции, как печь хлеб, ревизует квашню и т. п. Губернатор Чичерин с командою ездил наблюдать около города за полевыми работами крестьян. Наконец, при Трескине казна покупает весь хлеб в магазины для продажи частным лицам по высшим ценам ввиду «поощрения к хлебопашеству». Можно представить при этом, какие размеры принимала регламентация, как действовала на общество и какой простор давала злоупотреблениям.

Развитию злоупотреблений в стране способствовали ее отдаленность, отсутствие контроля и невозможность создать его. Власть сильная кому-нибудь должна была быть поручена. Обыкновенно она поручалась одному лицу. Это единоличное правление могло менее всего способствовать надзору и выбору безукоризненных агентов. На Сибирь, кроме того, утвердились с самого древнего времени воззрения, как на завоеванную и промышленную колонию. Нажива и побор развились сыздавна. Дух спекуляции переходил с частных лиц и на служилых людей. Воеводы торговали мехами, вином, зернью и проч. Они делали бесцеремонные

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

поборы; впоследствии, после преследований и кар, а также с учреждением бюрократического управления, с Петра, побор стал утонченный и скрытый. Нравы прежних служилых людей перешли и к старым приказным, при крутой реформе Петра, от бояр-воевод[11] к губернаторам. Отдаленная страна представляла все шансы скрывать злоупотребления. В случае доносов и жалоб канцелярский мир прикрывался целыми массами бумаг, запутывал дела перепиской, и казуистическая процедура облегчала выход взяточникам. Невозможно было уследить за подчиненными ни главному начальнику, ни правительству за главным начальником.

Контингент служащих людей был постоянно один и тот же в отдаленной провинции, и людей добросовестных негде было взять. Существовало одно приказное сословие, которое только постоянно переливалось и перетасовывалось. Новые начальники привозили с собою свежих чиновников, но это всегда оказывались любимцы, на которых еще менее простирался контроль, и которым еще более дозволялось, как Трескину. Надо заметить, что злоупотребления были источником настолько же обогащения и частных лиц. В Сибири промышленные люди создали кабалу и рабство инородца, торговое сословие жило монополиями. Все это было в связи с администрацией и взаимно друг друга деморализировало. Купцы в этом случае искали поощрения у правителей, закабаляя крестьян и инородцев, а правитель опирался на общество и устраивал стачку с богатыми. Так было при Трескине, который давал случай наживаться одним купцам и преследовал других. В злоупотреблениях

[11] Здесь Ядринцев неточен: воеводами назначались, как правило, служилые дворяне. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

были замешаны целые сословия. Правительство не могло знать, что совершается в Сибири, и скоро администраторы здесь выработали целую систему представлять и сочинять картину совершенно иную, чем представлял край. Отсутствие гласности представило все удобства для развития злоупотреблений.

Когда начинались жалобы и доносы недовольных, и недовольные эти являлись часто из того же торгового сословия, которое искало наживы и монополий, то местные власти разоблачали подобных людей, как лиц, заинтересованных в злоупотреблениях, припоминали их грехи, а потому и правительство имело часто основание не придавать значения жалобам подобных людей. Этим воспользовались впоследствии Трескин и Пестель, чтобы зажать рот всяким жалобам.

Таковы были главные черты системы, существовавшей до Сперанского. Эта система, как мы видим, вырабатывалась из особенного положения края, вдали от центра управления. Кроме того, в начертаниях управления виден был след участия самих местных правителей, проводивших свои мнения и требования на высшие сферы. Таким образом, взгляд исполнителей часто руководил и законодательством, и перевершал его для Сибири. Что ненормальности управления лежали в общем свойстве принятых начал, доказывает то, что порядки пестелевского управления существовали в начале либерального царствования Александра I. Многие жалобы из Сибири находились в руках Сперанского, но правительству не представлялось возможности узнать истинное положение дел.

Во все управление Пестеля и Трескина общество, конечно, пыталось вести подземную борьбу. Когда отняты

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

были все средства гласности, оно прибегало к доносам. Под конец управления Пестеля жалобы и доносы день ото дня становились многочисленнее, все важнее по содержанию, все разительнее по общему согласию в показаниях, пишет барон Корф. Сначала Пестель отвращал эти доносы. По поводу доноса 1808 года министр просил Пестеля «прекратить незаконные действия местного начальства». Но Пестель, сообщив отношение министра Трескину, предписывал *не прекратить* злоупотребления, а принять меры против подобных «изветов». Представив свои объяснения министру, он пишет, что «объяснения его (Пестеля) принять с уважением», что в его усердии не сомневаются, и что сообщение ему дошедших до правительства сведений служит доказательством доверия к нему. Содержание бумаги он сообщил Трескину, чтобы «неблагонамеренные люди» знали, как правительство относится к их доносам (Мат. Стр. 35). Словом, Пестель угрожал, что все жалобы будут представлены ему. Но жалобы не прекращались. Сначала их подавали купцы, видимо, не сошедшиеся с Трескиным в своих делах. Наконец, они проникают из всех слоев общества. Генерал Куткин пишет из своего заключения грозные послания, выдвигаются мелкие чиновники и, наконец, простолюдины. Донос в это время получает как бы общественное значение и сливается в единодушный протест.

Местное общество употребляет в борьбе этой все усилия, чтобы дать о себе знать. Доносы вывозятся в хлебе. В 1818 году иркутский мещанин Саламатов берется под величайшей тайной добраться до Петербурга и вручить донос лично государю. Он пробирается через Китай, через степи и сибирские леса, добирается до Петербурга, подает лично донос государю и «просит

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

приказать его убить, чтобы избавить от тиранства Пестеля». Он был отдан на особую ответственность государем петербургскому генерал-губернатору Милорадовичу. Об этом мещанине писал в 1819 году Сперанский Голицыну: «В числе доносителей по здешнему краю был некто иркутский мещанин Саламатов. Бумаги его мне препровождены от графа А. А. (Аракчеева), но где он сам — мне неизвестно. По слухам же, он должен быть в Петербурге под стражею или под надзором.

Человек сей, — пишет Сперанский, — разорен здешним начальством до основания и разорен несправедливо; у него здесь семеро малолетних детей почти без пропитания, бумаги его написаны глупо и бессвязно, но главные статьи о поступках Лоскутова и других в существе своем теперь обнаружены и найдены справедливыми» (Ист. имп. публ. библиот. в пам. графа Сперанского. Стр. 259–260). Это предприятие бедняка, бросившего детей и идущего под страхом смерти в Петербург, носит печать как бы гражданского подвига. К этим протестам присоединился, наконец, кроткий архиепископ иркутский Михаил. Но независимо от жалоб до правительства доходили сведения о страшных беспорядках в Сибири и голодах у инородцев. При таком положении дел пребывание Пестеля в Петербурге вызывало всеобщее негодование и насмешки. В 1815 г. в комитете министров предложено возвратить сибирского генерал-губернатора к своему посту или назначить ревизию. Но Пестель долго еще продолжал жить в Петербурге. По связям своим с Пакулевым он пользовался покровительством и поддержкой Аракчеева, и только когда Аракчеев разошелся с Пакулевым, Пестель потерял поддержку. В то же время в кабинете министров было высказано

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

решительное мнение, что в Сибири необходима ревизия и смена Пестеля. Вместе с этим подана была записка Козодавлевым о необходимости изменить самые начала управления Сибирью и дать ей новое учреждение.

Оставался вопрос: кого послать для такой многотрудной задачи, на кого можно положиться? Выбор пал на Сперанского.

Как ни печально было положение Сибири в XVII и XVIII столетиях, но по мере заселения ее она приобретала все более и более значения. Довольно давно уже правительство обращало внимание на богатство этой страны. Во все XVII столетие из нее вывозили меха, устраивали рыбные и другие промыслы, добывали мамонтовую кость, отыскивали руду. Приток вольной народной колонизации в первое время был обширный: богатство соболей, лисиц, белки, песцов и т. п. привлекали сюда промышленников, нетронутые естественные запасы природы обольщали богатством.

В начале XVIII столетия сложилась поговорка: «Сибирь — золотое дно». Ряд путешественников, начиная с Мессершмидта, производил исследования над обширной страной и ее минеральными богатствами. Петр Великий сосредоточивает особенное внимание на Сибири ввиду развития здесь горных промыслов; в XVIII столетии заводятся повсюду рудники и заводы с приписку к ним крестьян; в XVIII же столетии присоединяется Киргизская степь, и начинается торговля с азиатскими государствами, особенно с Бухарою; бухарцы наводняют Сибирь товарами, караваны тянутся из Китая. Рядом с этим страна приобретала более и более гражданского и оседлого населения; с половины XVIII столетия пионеры колонизации и промышленники выходят из лесов

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и селятся деревнями, остроги и посады обстраиваются. Сибирь, таким образом, превращалась из звероловной и горной колонии понемногу в земледельческую и вместе с прочной гражданственностью начинала показывать задатки промышленного развития; но в значительной части своей страна еще оставалась неизведанной: промышленные люди, купцы, мореходы, пионеры, казаки все еще продолжали делать открытия, то огибая мысы Ледовитого океана, то углубляясь на Амур и в киргизские степи.

Страна эта поэтому была во многом загадочной, и эта-то таинственность еще более возбуждала ожидания таящихся в ней сокровищ. Петр Великий направляет экспедицию к Бухаре за поисками бухарского золота; при Екатерине точно так же снаряжаются военные экспедиции вглубь Азии, является мечта о сношениях Сибири чрез Среднюю Азию с Индией; при Павле, говорят, даже была мысль предпринять поход в Индию в союзе с Наполеоном; при Александре I точно так же обращается внимание на Среднюю Азию и Индию — между прочим, мы видим, что правительство намеревается приобрести кашмирских коз.

Все это заставляло государственных людей сооружать множество планов и вообще относиться восторженно к этой стране будущего. Козодавлев называл Сибирь в официальных бумагах не иначе как «Мексика и Перу наше». С назначением в Сибирь Сперанского по этому поводу возлагали на него обширные надежды в деле устройства и управления края. Козодавлев писал, поощряя Сперанского, что «история Сибири будет делиться на две только эпохи: первая — от Ермака до Сперанского, вторая — от Сперанского

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

до X». Кочубей в письме к Сперанскому выражался так: «От вас, конечно, никто ожидать не может, чтобы вы остановились на каких-нибудь мелочах, кои какого-нибудь пустого ревизора, подобного Селифонтову, останавливать могут.

От вас ожидать будут видов государственного человека, и, если смею я сказать, виды-то сии и полезны быть могут, ибо при всех ваших способностях можно ли ожидать большого добра там, где не существует свойственных оснований к произведению оного? Вы можете составить систематическое обозрение края, представить план к образованию управления в сих колониях наших и пр., и пр., и сим, так сказать, удивить людей, мало привыкших к произведениям сего рода». Козодавлев немедленно при отправлении Сперанского, приветствуя его, посылает записку свою, читанную в комитете министров, о новых основаниях сибирского управления и прилагает книгу Прадта «Sur les Colonies» о мексиканских колониях для руководства. Граф Нессельроде пишет Сперанскому, что «друзья его будут следить за ним с участием и симпатиями». Одним словом, от Сперанского, как от смелого реформатора, ожидали все «видов государственных» или установления новой государственной точки зрения на страну. Друзья его ожидали даже чего-то грандиозного.

Не так относился сам Сперанский к своему положению. Из его переписки и материалов видно, что он далеко не разделял восторженных увлечений своих друзей. Он нимало не увлекался новой ролью, назначенной ему, он даже не имел определенных воззрений на край, в который ехал. Из его писем к дочери из Сибири видно, что при въезде в Сибирь он питал к ней

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

даже предубеждение. Мрачным взглядом своим на страну он был обязан во многом исключительности своего положения. Известно, что поездка в Сибирь никогда не входила в план его деятельности. Самое назначение его сюда было случайно. Только что возвратясь из ссылки и находясь в Пензе губернатором, он ожидал ежеминутно своего возвращения в Петербург, и новое назначение его застало врасплох. Он принял его за приличное удаление. Хотя «поездка его была обставлена всеми наружными знаками доверия, обширными полномочиями, почетом, — говорит биограф Сперанского барон Корф, — тем не менее, Сперанский понимал, что это назначение — продолжение ссылки. Все пребывание его в Сибири было отравлено этим горьким чувством[12]».

Само свое назначение в Сибирь Сперанский считал частным поручением и «последним испытанием», как он выражался в письме к дочери. «На Сперанского возложены были и ревизия края, — пишет г. Вагин, — и труды административные, и законодательные, наградою их указаны достижение цели — возвращение в Петербург».

По всему этому Сперанский смотрел на пребывание в Сибири, как на ступень к скорейшему приближению, но в то же время досадовал, что ему приходится пройти эту ступень. После этого неудивительно, что он к своему назначению относился без энтузиазма, без того увлечения, которое вдохновляло его в прежних реформах. Он спешит как бы выполнить формальность, показать свою деятельность в наиболее выгодном свете и потом поскорее оставить ее. Такое настроение не было особенно благоприятно для реформаторской

[12] См. Чувства Сперанского в Сибири. Сборник «Сибирь», 1875 г.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

деятельности. Все, что он здесь видел, это «труд Геркулеса при очищении Авгиосовых конюшен», как выразился в письме к нему граф Нессельроде.

Действительно, с самого начала въезда в Сибирь Сперанскому предстояла кропотливая ревизия, которой он посвятил свое пребывание здесь. Ревизия эта не представляла особенной важности ввиду других задач, возложенных на него, однако она заняла много времени. С государственной точки зрения, сам Сперанский не придал ей особого значения, и она может быть только характеристична для выяснения того положения, в каком застал Сперанский Сибирь, и личного его отношения в деле искоренения злоупотреблений. В этом случае она может быть примерна и замечательна только относительно тех приемов, какие употреблял он. Мы указывали, до чего в предшествующее управление Пестеля и Трескина развились злоупотребления и как они искусно прикрывались.

Когда донесся слух о назначении Сперанского в Сибирь, в Иркутске произошла паника. Некоторые чиновники сошли с ума, как правитель дел Белявский, Кузнецов и другие. Трескин струсил. Никто не ожидал, чтобы Сибирь посетил человек бескорыстный; однако многие надеялись, что при помощи прежней системы можно замаскироваться. Но Сперанский нашел средства разоблачить злоупотребления, он дал место гласности и постарался опереться на общество. Первым делом по приезде его в Тобольск было уверить жителей, что жалобы на местное начальство не составляют преступления и что их можно приносить. Действительно, во все время проезда через Сибирь Сперанский сближается с местными жителями, останавливается у купцов, идет

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

часто пешком за экипажем, расспрашивая крестьян. Местное общество так привыкло ко взяточничеству и поборам, что в Тюмени самому Сперанскому поднесли блюдо. «Хлеб был взят, блюдо возвращено», — отмечает он в дневнике.

Понемногу порядки сибирские открылись пред его глазами. Въехав в Тобольскую губернию, он замечает: «Главные жалобы были на земскую полицию, преимущественно на лихоимство, потому ревизия не вызвала здесь особенно строгих мер». Исправив важнейшие беспорядки, показав несколько примеров строгости и «доправив взятки» с земских чиновников, он двинулся далее. Но чем более он подвигался вглубь Сибири, тем положение края более поражало его. «Положение дел в Томской губернии было гораздо хуже, поборы тягостнее, чиновники дерзновеннее, преступления очевиднее, на самого губернатора падали сильные подозрения», — говорит он. «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, — писал Сперанский, — что и можно было бы сделать, то здесь оставалось бы уже всех повесить. Злоупотребления вопиющие и по глупости губернатора Илличевского, по жадности его жены, по строптивому корыстолюбию брата его, губернского почтмейстера, весьма худо прикрытые...» «Чем далее спускаюсь я на дно Сибири, тем более нахожу зла, и зла почти нестерпимого, — пишет он в другом письме к Столыпину, — слухи ничего не увеличивали, и дела хуже еще слухов...» «При обозрении Тобольской губернии представлялась еще возможность пресечь или, по крайней мере, ограничить злоупотребления и до времени охранять порядок средствами, в инструкции определенными, — доносит Сперанский государю 31 июля 1819 г. — Но в Томской

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

губернии средства сии будут недостаточны. Здесь жалоб более, существо их важнее, чиновников, не только способных, но и посредственных, еще менее и перемены их тем затруднительнее.

Злоупотребления, доселе открытые, ведут к другим, еще не обнаруженным». Поэтому Сперанский спрашивал разрешения в случае надобности сменить томского и иркутского губернаторов. Из Томска уже назначаются следственные комиссии для расследования беспорядков в Нарыме и Туруханске. Из Туруханска пишет посланный на следствие Осипов: «Беспечность здешних чиновников до того велика, что я с самого приезда не могу получить ответов на свои отношения...» «Бежал бы отсюда без оглядки», — восклицает в другом письме к Сперанскому этот следователь.

В Томске также учреждена была комиссия, и Сперанский спешил в Иркутск. Настоящим гнездом злоупотреблений была Иркутская губерния. Вопль жителей продолжался только до границ Иркутского уезда. В этом уезде и в самом городе жалобы вдруг смолкли: таков был ужас перед местным управлением. Исправник Лоскутов перед приездом Сперанского отобрал в своем уезде все чернила и бумагу, как говорят предания. На берегу Кана Сперанского встретили вопиющие жалобы на Лоскутова, крестьяне выходили из лесов с прошениями. Лоскутова Сперанский арестовал немедленно. Говорят, что обыкновенно хладнокровный и сдержанный Сперанский здесь не выдержал. С. С. Щукин приводит в своих записках рассказ об этой встрече. Лоскутов был в мундире и едва произнес: «Исправник Лоскутов...» — «Лоскутов?... Арестовать его, бездельника!» — воскликнул Сперанский. С него сорвали шпагу

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и арестовали. «На границе Иркутской губернии встречен я был первым министром Трескина, — писал Сперанский Столыпину, — пресловутым Лоскутовым, исправником нижнеудинским. С двух первых слов я его отрешил и тут же арестовал, оставил за границею губернии, за Каном, как за Стиксом. Мера сия была нужна, — продолжает он. — Страх его десятилетнего железного управления был таков, что на первых станциях не смели иначе приносить жалоб, как выбегая тайно на дороге из лесов». Корф прибавляет: «Когда Сперанский приказал взять Лоскутова, бывшие при этом крестьяне упали на колени и, хватая за руки Сперанского, воскликнули: «Батюшка! Да ведь это Лоскутов!»

Несчастные думали, что и Сперанский бессилен пред этим человеком. В Нижнеудинске Сперанский назначил сейчас же следственную комиссию и приказал описать имение Лоскутова. У него было найдено 138243 р., кроме разных вещей, серебра, мехов, которым оценка не сделана. Все это имущество было отправлено торжественной процессией в Иркутск. «Иркутск ожидал Сперанского в волнении. Трескин приготовил иллюминацию и музыкантов. Показалась лодка, — пишет один современник. — Внимание было напряжено. «Не генерал ли губернатор? Кто такой?» — окликают иркутяне с берега. — «Имущество Лоскутова!» — отвечает прибывший офицер. Трескин побледнел. Кто-то заметил: «Первая батарея сбита». Из Нижнеудинска же Сперанский послал бумагу Трескину с запросом, правда ли, что приносить жалобы поселенцам на Лоскутова было запрещено самим Трескиным? Сперанский здесь был буквально завален жалобами. По день отъезда из Нижнеудинска их поступило 280. Сумма предъявленных на Лоскутова взысканий

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

простиралась до 129000 рублей. Много жалоб поступило впоследствии. «Это были жалобы на вымогательства, жестокости, принуждения к даровой работе, насильную продажу хлеба и скота по произвольным ценам, самовольные ссуды денег за неумеренные проценты, притеснения по закупкам хлеба и натуральным повинностям, чрезвычайные денежные сборы, наконец, что торг с инородцами был захвачен исключительно в руки Лоскутова и двух его клевретов», — рассказывает г. Вагин.

По приезде Сперанского в Иркутск также были учреждены следствие и ревизия. Но жалобы в Иркутске в первые дни боялись даже подавать. При объявлении Сперанским, что Трескин устранен от должности, жители страшились, что впоследствии снова он займет место и отомстит. Иркутяне припоминали пример с губернатором Жолобовым. Трескин, кроме того, составил себе в Иркутске партию не только из чиновников, с которыми делился, но и из купцов, с которыми торговал. Но когда увидели, что подавать жалобы не опасно, то они последовали в страшном количестве. Число их достигало до 300 в день.

В скором времени в иркутском казначействе была распродана вся гербовая бумага, так что делались надписи на простой, употребленной вместо гербовой. Крестьянам разрешены были словесные жалобы, и двор иркутской следственной комиссии не мог помещать просителей. Сперанскому в первое время приходилось «развивать клубок с медленностью и великим терпением», пока Трескин оставался на должности. «Корыстолюбивая, жадная монополия обличается гласом народным, — писал Сперанский, но пред законом должно обличиться законными мерами...» «Злоупотребления

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

очевидны, но должно доказать их. Трескин человек наглый, отменно смелый, неглуп, хотя плохо воспитан, но хитр и лукав, как демон»...

Сперанский, однако, успел открыть и разоблачить трескинскую организацию. Комиссия, учрежденная под председательством Цейера в Иркутске для раскрытия злоупотреблений, привлекла к ответственности до 216 лиц; сумма одних частных взысканий простиралась свыше *двух миллионов*. «Все то, что о здешних делах говорили в Петербурге, — писал Сперанский, — не только есть истина, но — и это редко бывает — истина неувеличенная». Злоупотребления были так велики, что, по мнению Сперанского, всякий другой край, менее обильный, был бы подавлен ими совершенно». «При открытии злоупотреблений даже Цейер, человек с добродушным характером, — говорит г. Вагин, — при виде ненавистных беззаконий ожесточился, расстроил свое здоровье, сделался мрачным нелюдимом, стали опасаться за его рассудок».

Положение Сперанского было тем тяжелее, что он видел свою невозможность уничтожить зло, вкоренившееся годами. Он старался по возможности облегчить это положение. «Ревизия Сперанского была более собственная, нежели формальная, — говорит г. Вагин. — Он отбросил всякие формальности. Жалоб на лихоимство было так много, а законы против него так жестоки, что Сперанский решил исключить слово *взятки* из сибирской ревизии. Большую часть дел подобного рода он обращал в гражданские иски и приказывал удовлетворять обиженных. Словом, он прекращал множество дел домашним образом. Многих виновных он прощал и старался сохранить полную бесстрастность правосудия.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В этом случае он часто выказывал даже великодушие и отрешался от того личного чувства и страсти, с какой часто совершаются дела такого рода». Напротив, эта роль по столичному характеру была неприятна. «Мое ли дело разыскивать, преследовать, обличать, ловить преступления?» — не раз с горечью восклицает он в письмах к Столыпину. «По совести я никого не обвинял, кроме тех, кои попускали злоупотребления, — пишет он ему, — но по закону *все без разбора виноваты,* и список их по сие время по всем трем губерниям составляет уже около 150 человек»... «Если бы успех порученного мне дела должно было измерять количеством обнаруженных злоупотреблений, — писал Сперанский Гурьеву, — то было бы мне чем утешиться. Но какое же утешение! Преследовать толпу мелких исполнителей, увлеченных примером и попущением главного их начальника! Дела сего начальства приведены теперь в такую ясность, что мудрено было бы их затмить».

В этом случае Сперанский хорошо понимал, что причины злоупотреблений лежали не в людях, а в целой системе, что злоба и преследование тут не помогут. Несмотря на то что Сперанский множество дел разрешил сам, он должен был предать суду двух губернаторов, 48 чиновников, всех же замешано было 681 человек. Взыскания насчитывались до 2847000 руб. Все эти дела были представлены в Сибирский комитет; лица, участвовавшие в злоупотреблениях, были разделены на категории, но к более строгому наказанию были приговорены только 43 человека. Эти лица были отрешены от должности и должны были удалиться во внутренние губернии, но и тут были сделаны исключения. Трескин лишен был чинов и знаков отличия.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Как не могла казаться снисходительной подобная ревизия по своим последствиям ввиду огромных злоупотреблений, лоскутовских неистовств и т. п., но враги Сперанского в Петербурге находили ее жестокою. До какой степени, между тем, слабы были взыскания, видно из многих фактов, приведенных в материалах. Между прочим, Сперанский сделал сначала распоряжение: обвиненных в злоупотреблениях и отданных под суд отдать под надзор полиции, но вскоре и это отменил. Геденштром, уволенный за взятки, снова поступил на службу. Лоскутов отпросился в Иркутск и жил свободно. Сперанский отдавал даже такие распоряжения относительно подсудности изобличенных чиновников: «Если казенный недостаток пополнен или достаточно обеспечен, оставить дальнейшее исследование, тем более что при настоящем положении дел и при недостатке чиновников и употребить к сему некого». И действительно, многие замешанные в делах совершенно были оставлены без взысканий, а когда были получены сведения о наложенных взысканиях, то некоторые из подсудимых, как Геденштром, задали даже пирушку.

Что Сперанский не преследовал с особенной яростью мелких чиновников старого управления, это, конечно, могло объясняться только высотою его взгляда и пониманием, что всякие преследования тут будут бесполезны; но не может не показаться странным, что в своей ревизии и изобличении Сперанский преднамеренно обошел главного виновника — Пестеля, а Трескина не обвинил даже во взятках, несмотря на улики. «Дела могли ему доставить множество материалов для обвинения Пестеля не только в крайнем произволе, но и в недобросовестности пред высшим правительством», — говорит

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

г. Вагин. Из писем видно, что Сперанский хорошо знал ту связь, которая существовала между Пестелем и Трескиным. Он знал, что все бумаги составлялись для Пестеля в Иркутске, что Пестель покрывал Трескина и был его участник. В одном письме он говорит: «Связь с Трескиным у Пестеля другого рода, чем служебная. Не верьте бедности моего предместника». О талантах Пестеля он отзывался презрительно: «Не только Сибирью, мне кажется, ему трудно было бы управлять и Олонецкою губерниею; это самая слабая голова, какую я когда-либо знал». При всех уликах, однако, Сперанский пожелал «сделать исключение из общего правила и не говорить ничего худого или, по крайней мере, молчал о своем предместнике», как он выразился в одном письме Аракчееву. Он сначала умолчал было об ответственности Пестеля в сибирских беспорядках; но доклад его был возвращен от государя с повелением постановить заключение и о Пестеле.

Действительно, указывая на причины зла, невозможно было не представить, каким образом главный управитель в продолжение нескольких лет скрывал и перерешал дела сибирского управления во всех инстанциях, пребывая постоянно в Петербурге. Но здесь, вероятно, обнаружились бы тесные отношения некоторых лиц к Пестелю, как, например, Аракчеева, а это не входило в план Сперанского, видевшего для себя за ревизией новые поприща в Петербурге. Одной ревизии, как человек государственный, Сперанский не мог придать какого-либо значения в улучшении дел и прекращении злоупотреблений в крае. Представляя краткий отчет о своей ревизии государю в 1820 г., Сперанский говорит: «Но сии меры и сами по себе недостаточны, и в исполнении

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

их непрочны. Никакое начальство не может ручаться в продолжительном их действии, если не постановлен будет порядок управления, местному положению сего края свойственный...» «Ревизия есть дело временное, — писал он там же Голицыну, — и повторять ее часто на сих расстояниях невозможно. Порядок управления, местному положению свойственный, может один упрочить добро на долгое время. Учреждения без людей тщетны; но и люди без добрых учреждений мало доброго произвести могут». После ревизии люди остались те же в Сибири; страна терпела недостаток не только в чиновниках честных, но вообще в чиновниках. «Здесь вопрос, — писал Сперанский, — не в выборе людей честных или способных, но в положительном и совершенном недостатке даже и посредственных, даже и людей неспособных...» «Я не могу даже составить своей канцелярии, — жаловался он, — и должен довольствоваться тем, что поступило ко мне от моего предместника...» «У меня управление без людей, обширное производство дел почти без канцелярии», — прибавляет он.

У Сперанского было немного своих помощников, так как остальной штат управления некем было заменить после Трескина. Вместо Трескина назначен был иркутским губернатором вице-губернатор Зеркалев, «человек без больших способностей и даже малограмотный», «в бумагах он терпеть не мог кавык». После него был определен комендант Цейдлер, человек добрый, но по своим понятиям об управлении он, как все современники, скорее приближался к Трескину. Томским губернатором оставался Илличевский, при котором было открыто столько злоупотреблений; о способностях его Сперанский отзывался довольно презрительно.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Тобольским губернатором считался 70-летний фон Брин. Про начальника Якутской области говорят материалы, что бескорыстие его было, быть может, *небезупречно,* но он оставался потому, что в те времена и долго еще после на этот недостаток смотрели сквозь пальцы, если только он не выходил из известных границ». Этого начальника, между тем, считали еще за дельного человека. Но в это же время оставались на местах и такие начальники, как управитель Охотского порта Ушинский, о котором в 1823 году отзывался Рикорд: «Ушинский во всех действиях своих руководствуется одною только властью начальника, не подчиняясь ни чести, ни совести, и потому решительно осмеливаюсь объявить свое мнение, что дальнейшее его управление Охотским портом противно человеческим и божеским законам». Сперанский должен был большинство чиновников, изобличенных во взяточничестве по суду, оставить на местах, потому что «некем было заменить».

Несмотря на всю строгость ревизии в Иркутской губернии, Сперанский и здесь по недостатку в людях удалил очень немногих наиболее обвинявшихся чиновников. В отдаленных местах он принужден был смотреть снисходительно даже на явно виновных в злоупотреблениях. Сперанский, сменяя и заменяя другими, приходил к необходимости призывать уже отрешенных за взятки только потому, что они иногда казались менее жадными тех, кого сменяли.

Характеристический анекдот по этому поводу приводит один из старожилов С. С. Щукин. «Сперанский, ехавший по Сибири в качестве генерал-губернатора в 1819 г., изумлялся неслыханным злоупотреблениям разных лиц, — говорит Щукин в своих записках. — Он отрешил

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

первого исправника Зинова, на которого вся жалоба состояла в удержании 50 руб., следовавших крестьянам за постройку моста; но чем ехал далее, тем жалобы возрастали. Сказывали, что по приезде в Томск он приказал написать отрешенному исправнику Зинову, чтобы он, как *честнейший из исправников,* приехал в Иркутск, где получил новое назначение».

Самым разительным примером недостатка в чиновниках, говорит г. Вагин, служит дело об определении исправника в Туруханск. Назначив следствие в Туруханске в первом проезде по Сибири, Сперанский отрешил бывшего исправника Стыртова. Вместо него Сперанский определил Корсакова. Этот Корсаков, явившись, дрался с крестьянами, инородцами и вахтерами, не исполнял требований следователя Осипова, посланного Сперанским, хвастался тем, что брат его служит правителем дел у Сперанского, притеснял Стыртова в сдаче дел, а сам не занимался делами. О нем писал Осипов, что «ни малейшей нет надежды, чтобы по строптивости своей этот исправник приобрел любовь инородцев…» «От него уже бегают, я уж не понимаю, на что он походит», — прибавляет следователь. Сперанский предписал Корсакова сменить и назначить опять Стыртова, уже смененного по ревизии. Пока дело шло, «человек, о котором говорили, что «он не знаю, на что походит», оставался на месте почти год после этого отзыва и заменен был не лучшим. То же самое было и с другими перемещениями. Чиновники не могли изменить своих привычек и воззрений и при Сперанском. «Нравственный уровень тогдашнего чиновничества был невысок, — замечает г. Вагин. — Пример продажности подавали высшие чиновники; кроме того, у средних и низших были свои пороки: пьянство

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и разврат, сопряженные с буйным разгулом...» «Этих пороков были не чужды и некоторые из способнейших людей того времени. — прибавляет исследователь (Матер. Вагина. Стр. 140). — Но лучшим примером, до чего могли пасть нравы в среде сибирского чиновничества, служит опять рассказ Щукина об ожидании Сперанского.

В важных случаях у Трескина собирались для совета исправники и главные лица управления. Перед приездом Сперанского на чрезвычайном конгрессе один из приближенных Трескина Третьяков предложил следующий вопрос Трескину: «А что, Н. И., Михайло Михайлович ест хлеб?» — «Как же, Алеша, не ест?» — «А если ест, то трудно ли будет с ним познакомиться? Пусть кум Андрей (один из исправников) даст столько-то, Евстафий Фомич (другой исправник) столько-то». Таким образом, пересчитал всех, и решено было собрать, как тогда говорили, несколько сот тысяч рублей и поручили их Лоскутову поднесть при первом вступлении Сперанского на границу Иркутской губернии».

При таких условиях ревизия осталась почти без последствий. Мы видим, что Сперанский и сам понимал, что без учреждений, без более удовлетворительного контингента чиновников, наконец, без новых «оснований» управления невозможно дальнейшее управление Сибирью. Совершив ревизию, он и считал свое поручение конченным. «Считая пребывание свое здесь временным, — писал Сперанский, — я должен сего держаться и потому, что управление Сибири при настоящем вещей порядке есть вещь для меня невозможная, да и никто, думаю, с здравым смыслом на сие не отважится... К марту месяцу все следствия будут окончены и все сведения изготовлены. После сего мне здесь делать будет нечего.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Смею даже утверждать, что пребывание мое здесь было бы вредно. Правительство лишится к себе последнего доверия, если, обнаружив беспорядки, оно не поспешит ввести лучшего устройства; а введение сие от меня не зависит», — так пишет он к Кочубею.

В плане Сперанского было, раскрывши беспорядки и злоупотребления в сибирском управлении, немедленно уехать из Сибири и участвовать только в составлении для нее нового положения и новых оснований управления. Но он был оставлен еще на год управлять Сибирью в качестве генерал-губернатора на старом положении. Лично для себя, как мы указали, он получил с горем новую отсрочку, приняв ее за немилость, но, кроме того, он понимал и всю трудность что-нибудь сделать здесь при прежних средствах. Как ни предполагают биографы Сперанского, увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора, что одно пребывание Сперанского в Сибири уже могло изменить порядок дел, но сам Сперанский справедливо не предавал такого значения своему управлению. В этом смысле он делает следующие характеристические замечания насчет своего управления в качестве генерал-губернатора Сибирью:

«Какою волшебною силою человек, брошенный сюда из Пензы, — пишет он Кочубею, — без всяких знаков особенного доверия, не получив и не предъявив никаких новых и значительных инструкций, мог вступить в борьбу со всеми почти чиновниками, со всем составом управления, мог один с Цейером обуздать известные сибирские дерзости, обнаружить злоупотребления, потрясти фортуны, в 13 лет составленные, и испровергнуть целую систему связей твердых, обдуманных и привычкою скрепленных? Мы не в том веке

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

живем, и Сибирь не тот край, где бы истина могла произвести сии явления! Как я могу управлять без моральной власти?

Скажут — законами, как будто существуют законы в Сибири, всегда управляемой самовластием, и как будто законы могут исполняться без исполнителей. Страх есть дело внезапности, род очарования; надобно знать его меру, чтобы им пользоваться. Вопрос: кто наиболее всего пострадает от сего положения дел? Сибирь, ибо первое последствие всякого пренебрежения власти есть собственный свой вред. А что власть, мне данная, будет пренебрегаема, в сем не могу иметь я ни малейшего сомнения».

Таким образом, Сперанский, поставленный в прежнее положение правителей, сознавал полную невозможность управления краем. Он понимал, что злоупотребления и при его управлении по-прежнему будут развиваться. Свои воззрения на дальнейшее управление Сибирью он откровенно высказывает в письме к князю Голицыну: «Когда все дела, порученные мне (то есть ревизия) окончены, мне остается влачить здесь целый год почти в бездействии. Я называю бездействием поверхностное отправление текущих дел и терпимость беспорядка и злоупотреблений. Я мог их остановить, — говорит он, — но не истребить, *ибо порядок управления, краю сему не свойственный, остается тот же,* исправлять я его не могу; люди остаются те же, переменить их некем. Я не могу даже дать движение суду над ними; ибо те, кои должны их судить, сами подлежат суду по другим делам подобным. Людей, отрешенных в одном уезде или в одной губернии, я принужден употреблять в другой, дабы вовсе не остановить течения дел». Таким образом,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Сперанский был достаточно откровенен в этом случае, чтобы не закрывать глаза себе и другим, и не желал быть рыцарем, выставляющем личную борьбу с злоупотреблениями за их искоренение и прекращение, а своим предписаниям и циркулярам придавать значение, как бы дела от этого изменились.

Управление его действительно ничем особенным и не могло ознаменоваться. Одна личность, окруженная массой совершенно другого рода деятелей, не могла изменить порядок дел, и, в общем, влияние ее было не особенно заметно. Проявление злоупотреблений не прекращалось. «В то время, когда Сперанский преследовал прежние, — замечает справедливо г. Вагин, — под его управлением, под самой грозой его ревизии, почти в его присутствии совершались новые злоупотребления и возбуждали необходимость в новых преследованиях». Так же дело шло во все время его управления. Если чем могло отличаться его управление, то разве некоторыми попытками ослабить прежний административный гнет, мелочность прежней регламентации и предоставить более свободы обществу. В этом случае весьма любопытны следующие его взгляды на управление.

Первым долгом он пытается загладить вековой разлад между обществом и управителями. Он пробует жить в мире с обществом. В раскрытии злоупотреблений он обратился к гласности, к общественному мнению и только благодаря этому мог открыть многие злоупотребления, покрывавшие Сибирь. Он пользовался помощью общества кабинетным, частным образом и сближался с ним для своих целей. Во время поездок он знакомится с купцами, мещанами, выслушивает

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

крестьян и пользуется их мнениями. Материалы, ныне собранные, указывают, что и его законодательная деятельность не лишена была частного влияния. «Сохранилось предание, — говорит г. Вагин, — что в Иркутске Сперанский советовался о некоторых частях своего законодательства с известными лицами из местного купечества. Некоторые из купцов и мещан, бывших в Киргизской степи, были даже прямыми сотрудниками Батенькова при составлении учреждения о киргизах». Этот дух его управления, а именно, при помощи сближения с обществом и установления с ним солидарности, конечно, был делом его личной тактики и не перешел ни в законы, проектируемые им, не мог быть и передан его последователям и наместникам».

Далее видно, как говорит г. Вагин, что «он был решительный враг того полицейского *хватания,* до которого были такие большие охотники многие администраторы не только его, но и позднейшего времени; он отнюдь не видел в стеснениях личной свободы панацеи против всевозможных преступлений».

Действительно, в своих распоряжениях он постоянно умеряет пыл исполнителей, приученных прежними порядками не щадить личность и не церемониться с ней. Второю чертою его управления было ослабление прежней регламентации, к которой так склонны были его предшественники. «Крутые меры, принятые Трескиным, — сообщает г. Вагин, — частью были прямо отменены Сперанским, частью значительно ослаблены».

Мы говорили, до какой степени регламентация въелась в нравы сибирского управления. Крестьяне обращаются с просьбами к Сперанскому, чтобы их пощадили от планировки селений и обязательной постройки

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

каких-то форменных колодцев с валом и колесом. Некоторые города просят дозволять им навозом укреплять берег, так как это было запрещено, несмотря на то, что это было единственное спасение от разливов рек. Трескин отводил устье Иркута под тем предлогом, что река имеет *«неправильное течение»,* и старался дать ей новое русло, но река держалась своего *«неправильного течения»* наперекор Трескину.

Сперанский, конечно, был других взглядов на управление, чем Трескин и предшественники. Он административные задачи не низводил до архитекторских обязанностей, до насильственного «устроительства», до крашения заборов, ломки домов, как это делали другие, даже позднее Сперанского; с высоты своего поста не лез для вмешательства в городское хозяйство, не обирал и не разорял городских дум в пользу любимцев. Он предоставлял самому обществу вести дела свои.

Из его распоряжений и предписаний видно, что он был приверженец свободы торговли, и в этом случае был поклонник смитовской[13] школы. Он издавал постоянно инструкции и правила, и предметом их было, как он выражался, «всемерно благоприятствовать всякому свободному движению торговли и удалить все препятствия, какие при прежнем управлении нередко возникали из ложного понятия о ярмарках, о сборе ясака и тому подобных мерах».

[13] Смит Адам (1723–1790) — английский экономист, первым провозгласивший труд как источник стоимости товара. Считал разделение труда основой повышения производительности. Утверждал, что в классовом обществе стремление каждого индивида к выгоде ведет, в конечном счете, к общей пользе. Был убежденным сторонником свободной конкуренции. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В Сибири относительно торговли с инородцами существовали до 1819 г. две системы. Одна из них была основана на опеке администрации над инородцем в предупреждение кабалы и злоупотреблений купцов ввозом к инородцам водки и т. п. Но при этом полиция и местные чиновники в ограждение инородцев от злоухищрений купцов сами принялись за торговлю и вели ее к общему благополучию — и охраняя инородцев, и не забывая себя.

Другой системы домогались постоянно купцы в своих выгодах, и ее привыкли понимать под именем «свободной торговли». Сперанский склонялся к этой последней и особенно способствовал ее развитию, покровительствуя местным купцам. В этом случае было не только замечательно его управление, но взглядами этими проникнуто и составленное им положение, послужившее основою к позднейшему законодательству для Сибири. Меры эти замечательны были по одному, а именно: по результатам, какими они отразились в сибирской истории. Система запретительная и опека над инородцем, как мы видим, привели здесь к тому, что чиновники захватили в свои руки торг и стали купцами.

Что касается новой «свободы торговли» и покровительства торга купцов с инородцами, по идее Сперанского, то она казалась тоже не особенно выгодной. Некоторые купцы, пользуясь покровительством и отсутствием всякой защиты инородца, взяли себе целые местности, как Нерчинский край, на откуп, закабалили торговлей население и делали с инородцами и крестьянами, что хотели». Купцы закабаляли в Сибири при помощи долгов не только крестьян, но и мелких чиновников. Злоупотребления их «клались необнаруженными и безнаказанными и при Сперанском. В Якутске существовала

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

та же система грабежа под видом торговли, и это тянулось до времен Муравьева[14] (то есть до шестидесятых годов). Многие администраторы позднее Сперанского поэтому должны были начать борьбу с этим злом.

Торговая кабала над инородцем и крестьянином до последнего времени составляет язву страны. Из этого видно, что как система вмешательства, так и дурно понятая «свобода торговли» в Сибири при известных порядках вели одинаково к печальным последствиям, а поощрения Сперанского «свободе торговли» только проявили другое зло, не менее опасное. Не изменялись и другие злоупотребления сибирского быта при Сперанском. Система казенных подрядов при Трескине, сопряженная с разграблением казны посредством непомерных подрядных цен, часть которых шла на взятки, конечно, доходила до крайности, но злоупотребления эти не уменьшались и после Сперанского. Реформа Сперанского ничего тут не сделала.

Собственно управление Сперанского в Сибири, как мы сказали, не могло ни принести заметных результатов, ни послужить к изменению дел. Управление это прошло поэтому незаметно: ни дух его, ни меры Сперанского, ни личные качества не были оценены и поняты в Сибири даже теми, кому он наиболее покровительствовал, как, например, торговым сословиям. Сибиряки так приучились к регламентации, к вмешательству администрации,

---

[14] Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881) — граф, с 1847-го по 1861 годы был генерал-губернатором Восточной Сибири. Титул графа получил за службу в Сибири. Автор проекта административной реформы, в которой предлагал усилить местную высшую власть (губернаторов и генерал-губернаторов), ослабив давление со стороны правительства. Сторонник комплексного подхода к развитию края. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

к «строительству» Трескина и ему подобных, что невмешательство Сперанского в дела общества и его сознательное «laissez faire, laissez passer»[15] просто было объяснено ленью, неисправлением своих обязанностей и поставлено ему иркутянами в вину. Трескин же, наоборот, превознесен за его распорядительность вместе со своею системою. «Трескин был прекрасный распорядительный начальник, — говорят старожилы Иркутска, рассказы которых помещены при материалах г. Вагина. — Трескин все-таки *хозяин* был, *административный* человек. Он город устроил, ведь это все, и улицы, и... все это Николай Иванович. До него — стыд сказать — «отходы» на улицу были. Братские даже, — на что уж! — и тех пахать заставил. Словом, он ввел всю эту *цифру*. Ну, и *исправники* у него *были хорошие,* и *заседатели...»* «Трескина я глубоко уважаю, — говорит другой. — Это был *гениальнейший администратор».* В этих отзывах извиняют даже деспотизм и взяточничество Трескина. Лоскутов, по мнению современников, был *тоже отличный администратор*. Он устроил нижнеудинские поселения, и тут же приводят рассказ в доказательство его способностей, как он *учил* поселенцев, «спарывая всю шкуру с головы до пяток»... «Сперанский же *не был администратор,* — прибавляет тот же мудрец-старожил. — Он был только умный человек на бумаге». Так управление Сперанского было понято современниками, выдрессированными Трескиным.

Об управлении Сперанского с исторической точки зрения можно только сказать, что при старых условиях и при существовавшей обстановке, без солидных

[15] Французская формула невмешательства власти в экономические отношения.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

учреждений, на отсутствие которых он жаловался, при поголовном невежестве общества, злоупотреблениях исполнителей он и не мог произвести существенных изменений в ходе дел сибирской администрации. Как мы видим, он сознавал это и силился даже разъяснить другим, разрушая иллюзию, будто *одна его личность* могла что-либо сделать.

Составлением Сибирского учреждения[16] Сперанскому выпадало на долю рассечь гордиев узел 200-летнего сибирского управления и раз и навсегда прекратить постоянно возникавшие беспорядки и злоупотребления в Сибири. Но в силах ли он был это сделать? Управление Пестеля и Трескина отражало только вековой режим сибирской администрации. Таким образом, чтобы искоренить неудобство и беспорядицу управления, необходимы были не частные, а общие меры. Ревизия Сперанского, хотя и лучшего человека своего времени, не помогла, как не помогало прекращению злоупотреблений его управление. Средство оставалось одно: создать новые основания управления, уследить причины зла. Общие недостатки сибирского управления состояли в самовластии, бесконтрольности, беззаконии

[16] «Сибирское учреждение» — административный проект М. М. Сперанского, утвержденный 22 июня 1822 года. Явился основой реформы административного устройства Сибири. Этим проектом были учреждены генерал-губернаторства Западной и Восточной Сибири, определены границы губерний и округов (уездов). Изменилась и структура власти: 1) Появились коллегиальные совещательные органы при генерал-губернаторах (губернские советы), призванные ограничивать единоличную власть и контролировать деятельность всех губернских учреждений; 2) В округах вводилось общее окружное управление (в ряде случаев оно было представлено только исправником) и частное (окружной совет, земский суд, окружной суд, купечество, стряпчий) во главе с окружным начальником. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и личном произволе, развившимися благодаря отдаленности страны. Правительство сыздавна сознавало, что управлять этим новоприобретенным и отдаленным краем на общих основаниях не было возможности, а потому давно старалось создать в нем особенный порядок управления, свойственный местным условиям. Попытки эти проходят через всю историю Сибири. Когда-то при воеводском управлении был учрежден в Москве особенный «Сибирский приказ», которому воеводы были обязаны отчетом и который был вроде колониального департамента. С 1708 г. по 1764 г., то есть с Петра, Сибирью управляли уже губернаторы, жившие в Тобольске. Вся Сибирь называлась сибирской губернией и имела пять провинций. В состав ее управления входили не только Сибирь, но и часть нынешних Вологодской, Вятской, Пермской и Оренбургской губерний. Этим огромным районом заведывал один губернатор с огромною властью. Какова была эта власть, это видно по первому из губернаторов князю Гагарину, создавшему из себя сибирского вице-роя.

Губернаторская власть после Гагарина не только не уменьшалась, но постоянно увеличивалась. Между тем, устроена была военная Омская линия с особым начальством, и к России присоединено было новое инородческое царство в лице киргизов. Тогда, при Екатерине, вздумали и в Сибири устроить особое наместничество. Екатерина видела в Сибири обширную инородческую колонию и решилась дать ей права подчиненного царства. Она принимает меры в улучшении быта инородцев, водворяет покровительство торговле бухарцев, обещает из них создать особую торговую думу для целой Сибири с делопроизводством на бухарском языке,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

уничтожает казенные монополии, наконец, наименовывает Сибирь «царством», дает ему особый герб с двумя соболями и чеканит особую сибирскую монету. В Тобольске символом царской власти, под покровительством которого считается это инородческое царство, поставлен был трон, на котором сибирский наместник принимал свидетельство верноподданства от хана средней киргизской орды и остяцких князей. Конечно, было странно видеть, что край, все более и более заселяемый русскими, вдруг как бы обратно назван был инородческим царством с предоставлением особого покровительства и даже автономии инородцам. Но это объясняется не столько тем, что Екатерина Великая хотела обратить Сибирь в первобытные формы татарского царства, сколько ее реформаторскими планами, которые она имела в виду относительно целой России и которые не могли не коснуться и Сибири. В этом случае она скорее пробовала здесь создать нечто вроде отдельного и местного управления наподобие колониальных европейских правительств. План этот не был окончательно приведен в исполнение и не был завершен, зато от него осталась в Сибири обширная наместническая власть. Уже первый наместник вместо того, чтобы стоять на ступеньках трона, учрежденного в Тобольске и напоминавшего власть одной монархини, взобрался сам на него и таким образом возвел себя как бы в царское достоинство; то же произошло и в деле управления.

Наконец, в 1799 г. наместничество было отменено в Сибири, и трон отправлен в Петербург, а Тобольская и Иркутская губернии восстановлены в прежнем виде. Нечего говорить, что ни наместничества, ни губернаторства не могли вполне обеспечить хорошего управления.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Уже иркутский наместник Якоби попал под суд, за ним Леццано, наконец, последовали ревизия Селифонтова и смена последнего.

Мысль устроить в Сибири порядок управления, отдельный и сообразный с ее положением, высказанная при введении общего управления в 1775 г., снова повторилась правительством в инструкции Селифонтову. «Сибирский край требует изменения как в разделении его, так и в самом образе управления особенного постановления». С этой целью и был послан Селифонтов «для личного обозрения, собрания сведений», как говорила инструкция, «статистических, географических и камеральных, и основания на самых достоверных сведениях разделения и порядка управления краем». Самое управление Селифонтову поручалось с временною целью, «прежде, нежели будут приведены к концу все предположенные к лучшему его образованию меры». Наконец, в 1803 г. учреждение комиссарств было предтечею более общих преобразований, причем опять упомянуто, что эта мера применяется «прежде, пока можно будет составитъ полное образование края».

Даже во время генерал-губернаторства в Сибири Селифонтова и Пестеля мысль об издании новых правил для управления Сибирью не оставляла правительство. По сибирским делам был учрежден особый комитет, подчиненный комитету министров! В 1814 году сибирскому генерал-губернатору предполагалось дать новую инструкцию. В 1816 году было предположено восстановить в России на всем пространстве наместничества — конечно, в этот план входила и Сибирь. Вероятно, в то время таким образом выражалась мысль о децентрализации. Сведения и материалы, в видах составления

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

нового особого положения для Сибири, продолжали собираться и при Трескине. Правительство не могло только приступить к преобразованию сибирского управления, отвлекаемое войнами 1812–1814 годов. Несмотря на то, в видах удобства местного управления и быстрого решения дел правительство делало постоянно частные изменения в сибирском управлении, между прочим, предоставляя главным администраторам особые уполномочия. Это дало повод последним самим хлопотать об увеличении власти.

Таковы, собственно, были особенности в основаниях сибирского управления в эпоху, предшествовавшую Сперанскому. Но в конце управления Пестеля взгляд правительства изменился: оно должно было усомниться в пользе увеличения этой власти, и министр Козодавлев выразил в своей записке решительное мнение против такого порядка. «В первое время открытия беспорядков в Сибири, — писал он, — они были приписываемы слишком ограниченной власти начальников, а потому она была усиливаема постоянно и всегда, как новые и сильнейшие беспорядки открывались».

Таким образом, явилось вновь сознание о необходимости ограничения власти правителей. Мысли эти высказаны довольно определенно в проекте министра внутренних дел Козодавлева, который обыкновенно ставят в параллель с проектом Сперанского. Рассматривая причины существовавших беспорядков, Козодавлев приходит к заключению, что для предотвращения их возникновения «необходимо начертать более сообразное с местными условиями управление». Проект его заключал следующие основания: «не распространяясь в исчислении всех зол, происходящих от самовластия местных

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

начальников, — пишет министр, — мне кажется, что власть их должна быть ограничена, а не распространяема и увеличиваема. Учреждение верховного в сибирских губерниях правительства совета или комиссии, частию определяемых из чиновников от правительства, частию избираемых из тамошних жителей разных сословий, может одно ограничить власть начальника, который, как председатель сего места, имеет только перевес в случае равных голосов. Впрочем, в случаях, чрезвычайных и по делам, времени не терпящим, главный начальник может дело остановить или приказать исполнить без отлагательства, невзирая на несогласие совета, но в ту ж минуту без малейшего промедления он должен сообщить об оном тому министру, до части которого производимое дело касается». «Кроме того, — прибавляет Козодавлев, — мне кажется, что при ограничении власти местного начальника небесполезно будет усилить и власть магистратов и городских правлений. Магистраты городов остзейских губерний доказали и доказывают пользу, каковую они принесли и приносят промышленности, торговле и вообще образованности жителей тех губерний». Таковы были мысли министра, высказанные в заседании комитета, которые он предполагал положить в основание реформы и передал Сперанскому.

Что касается мнений Сперанского, то после совершенной ревизии он видел также необходимость произвести коренную реформу сибирского управления согласно местным условиям края. Он сознавал, что управление на общем положении при отдаленности Сибири невозможно, и требуется создание особых оснований. «Если бы расстройство сего края было частное,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

то можно было бы и исправить его частными переменами, но Сибирь требует общего и совокупного во всех частях образования», — писал он, обозрев сибирские порядки. «Она не может быть управляема, как Новгородская и Тверская губернии, между тем настоящий порядок и правила одинаковы», — присовокуплял он в письме к Кочубею.

Трудность административных задач в Сибири состояла в том, что здесь не прилагались, не прилаживались вовсе те начала управления, которые проектировались в других областях, порождая совершенно иные результаты. Здесь не удавалось управление ни на общем основании, ни на особенном. При том и другом порядке являлись особого рода неудобства. Если при одном порядке страна терпела от самовластия при увеличении власти, которая предоставлялась местным начальникам для скорейшего решения дел, то, с другой стороны, замедление дел и зависимость их от дальних центральных учреждений приводили в Сибири к другим затруднениям. Решения дел или каких-либо необходимых для края распоряжений приходилось ждать по нескольку лет; так, раз пришедший груз в Камчатку со съестными припасами должен был дожидаться разрешения о принятии их из Петербурга.

Дела уголовные длились десятки лет. Таким образом, усиление власти и предоставление ей значительных полномочий поселило произвол, а уменьшение власти и подчинение хода дел отдаленным высшим инстанциям рождало замедление и неудобства для края. Одни меры парализовали другие; сибирское управление требовало, между тем, местного управления со всеми гарантиями от произвола администрации. Централизация здесь

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

приводила к одним злоупотреблениям, а предоставление независимой власти начальникам на месте — к другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории. Эти задачи должно было разрешить и примирить Сперанскому.

Сперанский хорошо видел, что доселе управление Сибирью основывалось на личном доверии к администраторам и что их власти не было положено оснований. Он поставил целью поэтому сибирских правителей подчинить законам и сделать орудием правительства. Но само ограждение законами не могло достигать цели, по его мнению, без особых прочных учреждений, могущих следить за этой властью.

Самые лучшие начальники, предоставленные себе, могли ошибаться. Вот что чрезвычайно справедливо высказал он по этому поводу: «Если бы личная власть в Сибири, — говорит он, — предоставленная до 1819 года бывшим в Сибири главным правителям, и ограждалась подробными и самыми верными правилами, то и тогда, быв удалена от надзора и не имея вокруг себя ни преграды, ни предостережения, она легко могла бы перейти в самовластие. Доверие к личным свойствам тут не защита, ибо в самовластие впадают постепенно, нечувствительно и не всегда с худым намерением.

Напротив, при намерениях самых лучших, по самому усердию к добру и желая дойти к нему кратчайшею дорогою или избрать решительнейшие меры, увлекаются в заблуждения, сперва для сокращения нарушают формы маловажные, потом идут к важнейшим, наконец, касаются и сущности дела, и, таким образом, поступая всегда по добрым побуждениям, ниспровергают порядок, и, действуя по совести, действуют противозаконно».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Главною программою и целью своей реформы он поставил поэтому:

1) преобразить личную власть начальников в установление и, соединив единство ее действия с *гласностью,* охранить ее от самовластия и злоупотреблений законными средствами; учредить ее действия (то есть распоряжения), чтобы они не были личными и домашними, а служебными и *публичными;*

2) усилить надзор, собрать раздробленные и бессильные его части в одно *установление,* и таким *учреждением заменить, с одной стороны, удаленный от Сибири надзор высшего правительства, а с другой — недостаточный надзор общественного мнения;*

3) разделить и определить те административные функции, которые были прежде смешиваемы в разных учреждениях;

4) привести в согласие все части управления;

5) приспособить управление к особенному положению тех сибирских областей, которые при огромном пространстве имеют весьма мало населения;

6) ввести простоту и удобство обрядов в видах успешности и быстроты разрешения дел.

Как ни были благонамеренны и соответственны обстоятельствам эти цели, но, конечно, при всяких благих намерениях важнее всего их выполнение. А потому любопытно взглянуть, какими путями Сперанский стремился осуществить их? Имея в виду содействовать быстрому разрешению дел на месте и учредить контроль в сибирском управлении, Сперанский проектировал составить отдельное высшее управление для Сибири. Он предложил образовать в каждой части Сибири «главное управление под председательством

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

генерал-губернатора»; главное управление должно было служить и высшим правительственным местом в Сибири.

Генерал-губернаторская власть являлась исполнительною, она составляла только часть установления. Деятельность ее состояла только в надзоре и исполнении. Таким образом, он проектировал ограничение власти и специальное ей назначение. В помощь генерал-губернаторам учреждались советы из чиновников местного управления и частью от министерств: «Мнение этого совета необходимо во всех важных предметах, присвоенных совету». *«Но мнения совета без утверждения председателя недействительны;* члены совета *не могут остановить исполнения,* но они имеют право непринятое мнение представлять высшему начальству». Роль советов была *совещательная.* Подобные же советы установлялись в помощь губернаторам из чиновников главного управления по губерниям и окружные советы у окружных начальников.

Таков был план, на котором построено сибирское учреждение. План этот основывался на введении коллегиального управления во всех частях вместо единоличного и опирался на взаимный контроль одних учреждений другими. «Введением коллегиального управления, — говорит г. Вагин, — Сперанский имел в виду предохранить власть от ошибок и увлечений.

Но это *нисколько не ослабляло исполнительной власти,* от нее зависело, принять или не принять мнение совета. Одно уже это показывало теоретичность проекта, имевшего в виду разом соединить и *ограничение,* и *независимость* исполнительной власти, то есть два противоположных начала. Присоединение советов к тому же не было собственною мыслью Сперанского. Еще

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в проекте наместничеств в 1816 г. предлагалось по всей России учредить при наместниках советы с правом совещательного голоса; в записке Козодавлева упоминается о применении совета собственно к Сибири. Самый совет притом у Козодавлева имеет более широкую программу, чем у Сперанского.

Учреждение советов имело разительное сходство с теми учреждениями, которые Сперанский приводил в действие в первую счастливую эпоху своей деятельности в министерствах». Насколько они близки были этим учреждениям, по мнению Корфа, далеко не удавшимся и не соответствовавшим первоначальным планам Сперанского, это трудно сказать, но что они были по плану, давно принятому для общего управления, — с этим нельзя не согласиться, потому что главное управление Сибири было сколком с обыкновенных губернских правлений, введенных в России с некоторым выделением совета и правом обсуждать только дела в большем размере. Точно так же они соответствовали и принятому принципу коллегиального порядка обсуждения дел в присутственных местах, принципу, существовавшему довольно давно и, как видим, не раз предлагавшемуся.

Если чем и отличались проектируемые для Сибири губернские и главные управления с советами, состоящими в подчинении у губернаторов, то очень незначительно от прочих присутственных мест в России; принципиального же различия между ними не было. Сперанский старался примирить неудобства сибирского управления соединением коллегиального порядка с единоличным и гарантировать обыкновенной комбинацией при помощи зависимости одних чиновников от других.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В общем, изменения и проекты Сперанского были столь скромны и столь соответственны обыкновенному канцелярскому порядку, что прошли чрезвычайно легко в комитете и разномыслия здесь были незначительны, исключая его проект об освобождении подзаводских крестьян, что и было отклонено. Но Сперанский почему-то боялся, что его проекты и в этом виде не пройдут. Это дает повод г. Вагину задаться вопросом: вышли ли проекты Сперанского в том виде, в каком они были представлены или были значительно изменены? «Некоторые сибирские старожилы, — отвечает г. Вагин, — рассказывали нам, что изданное учреждение о Сибири значительно разнится от первоначального проекта, что в последнем, например, был дан простор выборному началу, которого вовсе нет в утвержденном учреждении, что сибирскому управлению предполагалось дать устройство, гораздо более свободное от централизации, что в Сибири предполагалось учредить особый департамент сената и т. п.».

Некоторые из этих рассказов могли быть вымышлены, но другие согласны с мнением Сперанского, говорившем «о силе» своих предположений. Это дало повод заключить, что проекты Сперанского были увезены вчерне и что он *«по обыкновенной своей уступчивости»* решился переделать их в Петербурге, видя невозможность провести их целиком. Из материалов, биографий, сведений и писем Сперанского ныне ничего, однако, не подает повода заключить, что его проекты были изменены. Опасался же Сперанский, вероятно, того, что вследствие потери его влияния и вследствие оппозиции ему в Петербурге Аракчеева даже самые незначительные его проекты будут отвергнуты. Такое объяснение гораздо проще.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Как бы то ни было, из всех этих предположений видно, что новое учреждение сибирского управления не удовлетворило ожиданиям и страдало недостатками, которые с первого же раза были замечены. Учреждение это обвиняли в том, что оно ведет к последствиям, совершенно противоположным, чем было высказано в программе, начертанной на основаниях. Наконец, ставили в вину, что проект Сперанского основан был на одном бюрократическом начале. Обвинения эти раздавались как из лагеря консерваторов, недовольных заменою старого режима бюрократическими формами взамен приказного произвола, так и людьми, ожидавшими от Сперанского большей реформаторской инициативы.

Один из противников сибирского учреждения Геденштром замечал при его введении: «Сперанский должен был восстановить в Сибири действие законов и с ними навлек гибель на Сибирь, потому что исполнителями законов стали чиновники, чтящие только удовлетворение своей прихоти и корысти...» «Вместо общего железного века учреждение ввело бумажный, увеличив до крайности письменное производство». «Власть генерал-губернатора только по видимому ограничена советом, в действительности все дела решаются по его произволу». Такие и подобные отзывы раздавались об учреждении. Но мы остановимся на более современной критике сибирского учреждения, принадлежащей добросовестному исследованию г. Вагина.

«Сибирское учреждение имеет другие, более очевидные в наше время недостатки, возбуждает другие, более серьезные вопросы, — говорит он. — Первым условием программы Сперанского были гласность и публичность

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

действия власти. Но именно этого условия и не выполняет учреждение. Оно замыкает деятельность власти в тесный круг канцелярий и присутствий и тем самым налагает на нее характер бюрократизма, а не гласности и публичности. В сибирском учреждении нигде не постановлено того, чтобы постановления советов обнародовались во всеобщее сведение. Слова программы о публичности и гласности действий власти остались без всякого приложения в самом законе. При отдаленности правительственного надзора, при слабости общественного мнения недостаток публичности и гласности давал исполнителям возможность обходить и даже прямо нарушать его без опасения, что такие поступки их получат полную известность», — замечает г. Вагин.

Другой важный недостаток составляет, по мнению г. Вагина, та слабая степень самостоятельности, какую, по учреждению Сперанского, представляет организация местных советов. Членам советов предоставлено важное право — право и единоличного, и коллективного протеста; но члены советов, хотя высоко поставленные в составе местной администрации, находятся в прямой зависимости от генерал-губернатора или губернатора и потому не могут с полною свободой употреблять свое право протеста. «Всякий дорожит своим местом», — справедливо замечал Геденштром. Притом само право протеста было весьма ограничено. К тому же можно было всегда обойти протест и принять самую противозаконную меру, не внося ее в совет. По делам же, лично зависящим от начальника, право протеста вовсе не имеет места, и произвол может царить во всей силе. Таким образом, самое главное установление, на котором сози-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

далось управление, не достигало своей цели[17]. «Сибирское учреждение, кроме того, было составлено «наскоро», – присовокупляет г. Вагин, – и, ясное и понятное лишь для самого Сперанского, оно оставляло широкий простор для произвольных толкований другим».

Мало того, в своем проекте о сибирском управлении Сперанский не только не был прогрессивнее других, но стоял даже ниже в своих требованиях других государственных людей. Указывая главные и существенные недостатки в проекте Сперанского, г. Вагин говорит: «Невольно является вопрос: почему Сперанский не воспользовался мыслью Козодавлева ввести выборный элемент в высшее сибирское управление? Ему были известны личности, совершенно способные для выборов в этом случае, довольно недюжинного ума и порядочно образованные для того времени. Вероятно, он поразился, – говорит г. Вагин, – тем безмолвным, порабощенным состоянием, в каком даже ныне находятся служащие по выборам во всех смешанных учреждениях. Эта зависимость объяснялась, однако, очень просто как положением городских и сельских обывателей в общей лестнице сословий, так и их невежеством». Но недостатки эти, по мнению г. Вагина, были исправимы. «Тем не менее, участие выборных лиц, – присовокупляет он, – в местных главных советах могло быть устроено и на лучших началах. При хорошей организации выборов могли избираться лучшие люди страны, люди независимые и по уму, и по характеру, и по своему положению.

[17] Однако меры, предложенные Сперанским, столь были ничтожны и неудовлетворительны, что «сибирский комитет» признал нужным составить совет главного управления, хотя отчасти из особых чиновников, не подчиненных генерал-губернатору.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Так как таких людей требовалось бы немного, то и выбор их не был бы особенно затруднителен. Если бы даже большинство их и предавалось обычной нашей апатии к общественным делам, то из среды их могли время от времени выдаваться личности, которые вполне сознавали бы свое назначение и выполняли его с энергией и достоинством. Появление таких личностей в кругу зависимого чиновничества, участие их в делах и влияние их приносило бы несомненную пользу. Во всяком случае, участие выборных и в известной степени независимых лиц в высшем управлении страною служило бы обеспечением против произвола, и — что еще важнее и что принесло бы положительную пользу — участие людей, близко знакомых со страною и тесно связанных с ней своими интересами, могло помогать высшей администрации в знакомстве с положением и нуждами края, особенно в экономическом отношении. По всему этому нельзя не пожалеть, что Сперанский не воспользовался мыслью Козодавлева, если это зависело от него, а не от обстоятельств».

Из материалов видно, что проект Козодавлева был известен Сперанскому, что доказывается письменным ответом на записку его. «В теории я совершенно встретился с вашими мыслями, — писал Сперанский, — *на практике — не знаю,* но употреблю все усилия согласить их». Но, вероятно, в это время убеждения Сперанского вообще не особенно клонились к выборному началу. Из его управления в Сибири видно, что он подавил и уничтожил его даже там, где оно существовало прежде, как в городской и земской полиции. «Сибирским обывателям выборы нередко *обременительны»,* — писал он в сибирском положении. Подавление выборного

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

начала было тем гибельнее, что общество лишалось последней силы и средства защиты.

Один из иркутских старожилов Н. П. Булатов говорит, что «купечество до Трескина было так сильно, что пять или шесть губернаторов сряду были сменены по их жалобам». После террора Пестеля и реформы Сперанского городские общества навсегда потеряли свою силу и самостоятельность. Меры его были совершенно противоположны в это время мыслям Козодавлева о значении выборного начала в городах.

В своем проекте, как видим, Сперанский не решился ввести в советы даже других должностных лиц, кроме занимающих уже известные должности на месте. Совет предполагалось составить из губернатора и председателей губернских мест.

Эти недостатки сам Сперанский сознавал и делал такие объяснения в своем отчете. *"Правильнее* было бы составить такой совет из лиц, местному управлению посторонних. Но, *во-первых,* составить его из дворянства и купечества невозможно потому, что там, в Сибири, нет дворянства и весьма мало купечества; *во-вторых,* составить совет из чиновников посторонних было бы противно экономии в людях.

Впрочем, когда Сибирь более будет иметь населения, когда богатства ее придут в большое движение и доходы умножатся, тогда можно будет составить совет главного ее управления из людей *высшего сословия,* сие не сделает существенной перемены в предполагаемом ныне учреждении». Такое поведение Сперанского в Сибири, не оправдавшее ожиданий, невольно возбуждало удивление исследователей, припоминая прежнюю роль его как реформатора, а потому стараются

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

объяснить эту непоследовательность Сперанского только исключительностью его положения.

Исторические материалы указывают, что положение Сперанского в Сибири действительно не было спокойным и уверенным. Из писем к Кочубею видно, что во время отъезда Трескина он даже опасается, чтобы тот не вернулся в Сибирь, снова оправдавшись. Точно так же он знал, что Пестель в Петербурге имел связи у Аракчеева. Враги не оставляли Сперанского и в Сибири, как видно из той же переписки. В Петербурге интриговали и старались уверить, что он даже «безбожник, не верует во Христа» и т. п., хотя Сперанский был религиознее врагов своих. В одно время нападает на него отчаяние и решимость выйти в отставку и ехать умирать в Пензу.

Такое положение для реформатора не особенно было выгодно, особенно при его стремлении во что бы то ни стало добиться приезда в Петербург. Стремления Сперанского в эту эпоху ограничивались, как видно, устранением произвола и взяточничества в администрации, что он думал сделать, замкнув деятельность администраторов в строгие формы и правила, ограничив их законами и взаимным контролем. Он полагал, что «точно определенные правила для чиновников поставят оплот от злоупотреблений и неразумения». Проведение строгого коллегиального и канцелярского порядка составляло постоянный предмет его деятельности. Принимая во внимание, что такой порядок в свое время составлял замену староприкaзного произвола и продажности, мы должны признать, что стремления Сперанского были до известной степени прогрессивны. В голове Сперанского вырабатывался новый административно-бюрократический тип бескорыстного чиновника. Он стремился

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

к введению законности вместо прежнего произвола, хотя обстоятельства и не оправдали его ожиданий.

Достигло ли учреждение Сперанского всех целей, к которым он стремился? Установление Сперанского существовало около 50 лет, и после него этот опыт дал достаточные результаты в Сибири, чтобы судить о нем.

Придуманные Сперанским советы далеко не оправдали своего назначения: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантией от злоупотреблений, не ограничивали власть отдельных начальников. Советы явились вполне им подчиненными и были только «ширмами для генерал-губернаторской власти», как выразился один из критиков позднейшего сибирского управления Дм. Завалишин в письмах о Сибири в «Московских ведомостях» 1865 и 1866 гг. Генерал-губернаторская власть, по-прежнему усиливаясь и сосредоточивая в себе все части управления, понемногу воротилась к прежнему вицеройству, к прежней регламентации, а губернаторская власть или была бессильна против злоупотреблений, или относилась равнодушно к ним.

Таким образом, план Сперанского в главных чертах совершенно оказался практически несостоятельным, он имел слабые гарантии, а потому и начал разрушаться при его преемниках. Правила, начертанные Сперанским, никем не исполнялись, и один путешественник в Сибири отзывался, что уложение было утопией, дарованной испорченнейшему в мире обществу. После Сперанского Руперт, управлявший Камчаткой, выразился, что он так связан, что может зла сделать сколько угодно, а добра нисколько (Sibirien, Kolirell. Dresden und Leipzig, 1846 г.). Правда, вину в бездеятельности созданных учреждений трудно сваливать на одного Сперанского: этому было

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

много причин, а между прочим, и кратковременность пребывания Сперанского; его личное влияние в Сибири не могло не укрепить в народе чувства законности и независимости от произвола. Невозможно было также, чтобы положение дел вдруг изменилось потому только, что Сибири даны новые законы, тогда как *все другие условия* сибирской *жизни остались по-старому.*

Большинство исполнителей вовсе было неспособно понять идеи Сперанского и провести их в свою деятельность, а те, кто понимал их, искал только орудия для своих интересов. Многие из преемников и исполнителей плана Сперанского далеко не стояли на высоте своего призвания. По отъезде Сперанского явились наместники, которые стремились парализовать его план и действовать противно ему. Уже первый генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич (протеже Аракчеева) с самого поступления в это звание стал ниспровергать те правительственные начала, коих введение и охранение составляло его обязанность.

Вообще, мы не ошибемся, если скажем, что сибирские законы Сперанского никогда не действовали в полной силе. Некоторые части их даже вовсе не были приведены в исполнение. Так, например, особые законы для суда над инородцами и особое сельское положение для суда крестьян даже никогда не были изданы. Степные думы, проектируемые для инородцев, должны были доставить самостоятельное управление, подчиненное только общим окружным управлениям, на практике же они подчинились земским судам и сделались чем-то вроде волостных правлений.

Вмешательство земской полиции в дела инородцев, устраняемое Сперанским, явилось прежнее. Права

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

хозяйственного самоуправления, данные Сперанским иркутским казакам, были нарушены на первом же шагу и впоследствии постоянно нарушались. Заселение ссыльными Сибири и приучение их к оседлости, согласно уставу о ссыльных, проектированному Сперанским, вовсе не удалось. Кроме того, начинали развиваться прежние порядки. После Сперанского усилилась централизация министерств и парализовала власть и самостоятельность местных учреждений; последние же, по примеру министерств, стремились усилить местную централизацию. Сибирские генерал-губернаторы приобрели прежнюю силу и независимость, чему способствовало присоединение различных ведомств.

Искусственная регламентация снова входит в привычки администрации. Капцевич создавал военные поселения. В Западной Сибири делались попытки введения опеки государственных имуществ, отживших свое время во внутренних губерниях. В Восточной Сибири целые населения зачислялись в казаки, которые напоминали аракчеевские поселения, и снова стали нисходить до трескинского строительства и вмешиваться в мелочи городского хозяйства и архитекторской части. Одни украшали город, другие ломали дома, третьи проектировали увеселения, а главные задачи управления ускользали. Проявлялись отпрыски прежнего произвола и злоупотреблений. Таким образом, даже те слабые предположения и облегчения, к которым стремился Сперанский, не оправдались. Местная администрация не улучшилась, и дела шли по-прежнему. Уже в 1827 г. накопившиеся злоупотребления вызвали вновь ревизию в Западной Сибири. Эта ревизия произведена была сенаторами князем Куракиным и Безродным,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в 1846-м и 1847 г. обстоятельства вызвали ревизию графа Толстого в Восточной Сибири и в 1851 г. следовала третья ревизия члена государственного совета генерал-адъютанта Анненкова. Все эти ревизии, и особенно последняя, открывали полный беспорядок в Сибири и множество злоупотреблений. После этого понятны отзывы местных жителей, приводимые г. Вагиным о времени Сперанского: «При нем было получше — тише несколько, а там опять все пошло по-старому». С 1851-го и до 1881 г., в течение 30 лет, в Сибири ревизий не было.

Между тем, нельзя не припомнить выражения Сперанского: «Двенадцать лет без ревизии и без надзора достаточны, чтобы расстроить и привести в беспорядок наилучше устроенную губернию». Понятны отсюда беспрестанно несущиеся из этого края жалобы, как и создавшаяся идея своего рода мессианства, господствующая в сибирском обществе. Каждый приезд нового генерал-губернатора вызывает здесь сенсацию и ожидания, но надежды эти постоянно разрушались, и общество терпело разочарования. До последнего времени с отъездом каждого генерал-губернатора из Сибири открывалась та же картина беспорядков. Так было с отъездом графа Муравьева, генерала Синельникова и генерала Казнакова. В последнее 25-летие бывали времена полной распущенности и злоупотреблений, напоминавших время до Сперанского[18].

Режим генерал-губернаторской власти в Сибири поэтому вызвал следующий приговор: «В самом деле, что может сделать один сановник, не знающий края, неопытный в сибирских делах перед кучею злоупотреблений,

[18] См. Нужны ли реформы в Сибири? Молва. 1881 г. Дореформенная Сибирь. Голос. 1881 г., №162.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

веками утвержденных, когда за рутину стоит весь подчиненный ему персонал, когда с существованием старых порядков связаны материальные и моральные интересы всего чиновничества? Генерал-губернатор Сибири не оскверняет себя взяткой, а любимцы его ведут интригу и подтасовывают назначения. Целый сонм исправников, становых, урядников, распоряжающихся по-своему, сильнее генерал-губернатора. Они делают беззакония ежедневно, ежегодно, в тысячах сел и деревень, без всякого опасения. Риск попасться — самый ничтожный: из сотни тысяч беззаконий донесется одно; да и попробуйте уличить, найти свидетелей для опытного «старого воробья», хитрого на увертки и казуистику! Сибирский заседатель и исправник привык схватить куш, а там хотя бы и под суд: он обеспечен, делается домовладельцем и землевладельцем».

Прямой интерес местной бюрократии и политики ее состоит в том, чтобы предубедить приезжего начальника края против местного общества и населения, чтобы закрыть дорогу к жалобам и доступ к правде.

И этого не раз добивалось местное чиновничество. Оно старалось внушить власти, что Сибирь изобильна и пристрастна к «ябедничеству». Такая политика практикуется с Пестеля и Трескина в Сибири. «Ябедник!» Известно, что значит прослыть в Сибири ябедником: это то же самое, что доносчиком на начальство, протестантом, крамольником, который нетерпим в обществе, и всякий поймет, чего это стоит при всемогуществе сибирской власти. Ябедникам угрожают острог и высылка в места отдаленные, и не раз сибирские челобитчики и искатели правды платились таким образом. Наконец, сибирское чиновничество, ведя интригу, старается

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

уверить, что сибирское общество незрело, недоразвито, невежественно, грубо, что ему требуются «ежовые рукавицы», и, таким образом, играя властью и огромными полномочиями начальника, созданными на страх ему, обращает его силу в другую сторону. Такое предубеждение и борьба с обществом внушались в Сибири самым лучшим сановникам, приезжавшим принести пользу краю.

Что же выигрывала от этого власть в Сибири? Во-первых, она оставалась одинокою, разъединенною с обществом, которое жило само по себе и питало только страх к этой власти, не умевшей вникать в его нужды. Во-вторых, управитель Сибири чувствовал полное свое бессилие, находился без почвы и вне жизни населения.

Испытав горечь уединения, убедясь в бессодержательности, притворстве и низости чувств местной бюрократии, окружавшей его, он спешил, как Сперанский, поскорее оставить эту неблагодарную страну». До правительства доходили одни частные случаи; более общие понятия о положении дел оно могло иметь только из отчетов. Но отчеты составляли сами исполнители, и поверять их на месте было невозможно. Ревизии захватывали только один известный период времени, и по окончании их все могло идти по-старому. Общественное мнение если и было, то не имело для себя выражения. Многие вновь вводившиеся законы ослабили впоследствии прежние учреждения, силившиеся ограничить генерал-губернаторскую власть, а других учреждений не вводилось.

Самые существенные, самые полезные реформы прошлого царствования после освобождения крестьян, как новый суд и земские учреждения и проч., еще не коснулись Сибири. Все это мало способствовало

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

изменению к лучшему сибирского управления, и недостатки этого управления столь явно ныне обнаружились, что, по мнению правительства, требуется вновь рассмотрение более удобных и сообразных с местными условиями начал управления. В последнее время в печати вновь начали появляться мнения о необходимости реформ в Сибири.

Неудовлетворительное положение дел в сибирской администрации выражалось в последнее время циркулярами генерал-губернатора Синельникова, точно так же публикуемыми распоряжениями генерала Фридерикса, указывавшего на медленный ход дел и другие беспорядки. То же обнаруживалось в Западной Сибири: тобольский губернатор указывал недавно на накопляющиеся дела в судебных местах.

Настоящее положение администрации характеризуется, наконец, следующими отзывами местных начальников губерний. Вот как отзывается начальник Иркутской губернии в своем отчете о положении дел: «В административных и судебных учреждениях губернии целиком сохранились прежняя централизация, смешение власти, неравномерность в распределении труда и бедность его вознаграждения. Судебные учреждения страдают скоплением дел в судах первой степени, так что дела лежат по пяти и шести лет без движения; судебная деятельность полиции характеризуется тем фактом, что из ста семидесяти одного уголовного дела, представленного на утверждение начальника, отменено в 1872 году 100».

О сельском правлении говорится следующее: «В волостных правлениях головы безграмотны, выправляют за них писаря. Делопроизводство в волостных правлениях громадное, выпускают до 20000 нумеров в год

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

исходящих бумаг; разнообразие обязанностей требует такой всесторонности, какой не может добиться от своих органов даже губернская администрация. Кроме того, приносятся жалобы на злоупотребления в инородческих управах». Все это может исчезнуть, говорит начальник, когда будут в Сибири учреждения, коими пользуется и европейская Россия. Сибирские же учреждения отжили свое время. Относительно сибирского общества делаются им следующие замечания: «Общественные потребности здесь не сознаются; нет крепко организованного общества, которое сознавало бы свою солидарность и умело управлять своими интересами. Недостаток этот обнаруживается тем, что золотопромышленники жертвуют сотни тысяч на устройство театра, богадельни и юнкерской школы, а между тем никто ничего не пожертвовал на дело изучения причин эпизоотии и проч.» (Отчет начальн. Иркут. губерн. за 1873 год).

Точно так же характеризуется положение дел в Томской губернии: «Главный недуг судебных и административных мест в Западной Сибири заключается в постоянной медленности и накоплении дел, — говорит начальник Томской губернии, — что происходит от недостатка развитых деятелей. Местные учебные заведения хотя и выпускают каждый год известное число воспитанников, окончивших курс, но лучшие из них отправляются в университеты и уже не возвращаются сюда; кто остается — не удовлетворяет потребности. Ожидать приезда на службу способных людей из внутренних губерний империи невозможно, потому что там представляется ныне более обширное, нежели в Сибири, поприще правительственной и общественной службы при весьма хорошем вознаграждении. В Сибири же штаты прежние

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и ограниченные: столоначальник губернского правления получает 285 рублей жалованья в год; помощник его — 215 рублей. Между тем, по нынешним ценам лакей уже получает 10 рублей в месяц, итого: 120 в год». Волостные правления, по отчету, не представляют ничего отрадного; волостное начальство безграмотно, фактически управляют ими писари из мещан и других званий, например, из ссыльных, не связанные с местным обществом никакими интересами, часто безнравственные и заботящиеся только о собственной своей выгоде; отсюда растраты, причем писарь остается в стороне, а отвечают волостные начальники. «Устранить это может единственно развитие грамотности и выборы из местных крестьян, – говорит начальник края. – Административный и судебный строй остается для Сибири тот же со времени Сперанского, то есть с 1822 года, – прибавляет он, – особенно судебные учреждения, несмотря на увеличение населения и переполнение края элементом ссыльных; поэтому ныне действующие учреждения не могут справиться с громадным количеством уголовных и гражданских дел.

До сих пор принимаемые меры оказываются паллиативными, и все вызывает необходимость судебной реформы в Сибири во всем составе» (Отчет начальника Томской губернии за 1873 год). Подобные же отзывы мы находим о других областях Сибири. Наконец, это свидетельствуется и другими фактами: последнее время генерал-губернатор Казнаков застает Западную Сибирь далеко не в утешительном виде, как об этом писалось. Приезд его напомнил приезд Сперанского в Сибирь, жители осыпали его прошениями и жалобами. Во время его ревизии обнаружены многие злоупотребления

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и недостатки. Не вдаваясь в подробности, мы можем заметить, что настоящий момент во многом сходствует с эпохой, которую переживала Сибирь перед приездом Сперанского — так же чувствуется потребность перемен и обновления. Как тогдашняя Сибирь во многом отставала от России, так и нынешняя отстает и не похожа на внутренние губернии, живущие после реформ прошлого царствования другой жизнью. Эпоха, на которую простирались учреждения Сперанского, как видно, оканчивает свое существование и отжила свое время, а с этим вместе является к учреждениям Сперанского более независимое и критическое отношение.

Как бы мы ни объясняли обстоятельствами неудачи учреждение Сперанского, которое было и не вполне введено, тем не менее, мы приходим к заключению, что основные цели его программы — контроль, гласность и «публичность» управления — не были им достигнуты вследствие существенных недостатков самого учреждения, начертанного им. И ошибка была в принципе. Сперанский слишком положился на одни официальные, коллегиальные учреждения и не обратил внимания на другие стороны общественной жизни, которые должны были способствовать администрации и питать сами учреждения. Он мало придавал значения общественному развитию и подготовлению общества и администрации к той деятельности, которую должен был всегда иметь законодатель в будущем. В этом случае нельзя не согласиться с замечанием г. Вагина: «Но жизнь народа зависит не от одних учреждений административных. Она развивается под влиянием самых разнообразных условий. Эти условия иногда гармонируют между собою, иногда противодействуют одно другому.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

От взаимодействия и противодействия их зависит большая или меньшая быстрота народного развития, то или другое направление народной жизни; но ни в каком случае народная жизнь не может зависеть исключительно от одного из этих условий. Учреждение страны – именно только одно из условий народной жизни, правда, одно из важнейших, но во всяком случае не единственное. Невозможно приписывать одним только учреждениям успех или упадок народной жизни; можно только показать место, какое они имели в кругу других благоприятных и неблагоприятных условий.

Степень влияния одних и тех же учреждений на народную жизнь может быть совершенно различна; здесь многое, если не все, зависит от обстоятельств». По этому поводу автор указанного сочинения о Сперанском старается обратить внимание на те элементы, из которых слагалась сибирская жизнь и общее ее течение под влиянием различных условий. Сибирь никогда не знала крепостного права; но, к сожалению, влияния и привычки крепостного права отразились и в Сибири — они выразились в самовластии и опеке, переносимых из России разными деятелями. «Права и быт людей, — говорит г. Вагин, — под влиянием таких деятелей изменились далеко не к лучшему, и нередко появлялось между ними то царство террора, к которому были способны только начальники, воспитанные в духе аракчеевских поселений или бывших кадетских корпусов».

К числу важных, задерживавших развитие общества условий, кроме того, автор относит отсутствие и недостаток на месте образования. Народное образование шло здесь чрезвычайно медленно. Сельские училища, так сильно поддержанные Сперанским, были большею

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

частью закрыты при его преемнике. В Западной Сибири только после 50-х годов сделаны попытки к учреждению этих училищ. Кроме двух гимназий, существовавших при Сперанском, только в конце 30-х годов была открыта третья гимназия в Томске и затем в 1869 г. в Красноярске. Число училищ осталось то же, какое было при Сперанском!

При Сперанском была мысль о высшей школе для Сибири, мысль об университете, которая существовала еще с 1803 года, но не была решительно ни поддержана, ни настойчиво проведена. Вообще, в местной администрации этот вопрос долго игнорировался, хотя потребность просвещения все более росла. Отсутствие высшего учебного заведения в Сибири лишало администрацию возможности приобрести на месте свой контингент образованных людей. Сперанский писал, что учреждения без людей тщетны и что законы не могут исполняться без исполнителей. Недостаток людей он считал величайшим препятствием к осуществлению наилучших даже узаконений; Сибирь же должна была довольствоваться только приезжими образованными людьми. Сам Сперанский думал не столько о юридическом образовании для местных деятелей, сколько о преимуществах для привлечения чиновников; так, он проектировал раздачу земель на выслугу, которая не повела ни к чему и благоразумно была отменена правительством. В первое время Сперанский замечал, уже с горечью, что в Сибирь едут только «титулярные советники», то есть люди невежественные, которые вследствие указа, изданного об университетских экзаменах, не имеют никакой надежды служить в России. Впоследствии также вводились различные привлечения на службу в Сибирь,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

как двойные прогоны и половина годового жалованья, но контингент чиновников не был удовлетворительнее. «Большинство всегда увлекали в Сибирь слухи, что Сибирь — «золотое дно», — говорит г. Вагин, — что в ней можно нажиться службой лучше и скорее, чем в других местах торговлей. Все эти господа не имели ничего общего с Сибирью; им были чужды ее нужды и интересы; они не имели ни малейшего понятия о положении и учреждении края, которому намеревались посвятить свою деятельность, ни желания принести этой деятельностью действительную пользу краю.

Они заботились исключительно о своих личных целях, а эти цели нередко стояли вразрез с пользами края. Эти люди могли быть полезны только случайно, только тогда, если это было согласно с личными их выгодами; при этом у них не всегда доставало и уменья на что-нибудь полезное. Такими-то лицами долгое время наполнялась низшая администрация Сибири». Одним словом, в Сибири выразилось резко явление, известное в наше время под именем *ташкентства* и носившее свое местное название. Являвшиеся на службу образованные люди точно так же не могли дать прочного развития обществу, так как они приезжали на время и далеко не сливались с обществом, не составляли ничего с ним единого. В силу этого недостатка людей самые лучшие администраторы оставались одинокими и бессильными в борьбе с сибирскими беспорядками. В таком положении находились граф Муравьев-Амурский, Деспот-Зенович и мн. др., пробовавшие искоренять местные злоупотребления. Местные начальники жалуются на постоянный недостаток людей и на то, что истинно образованных лиц сюда привлечь трудно.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

При недостатке образования само общество грубело; оно не имело у себя никакой интеллигенции, не могло создать ни ученых, ни человеколюбивых, ни литературных учреждений, ни сколько-нибудь смягчить свои нравы. При общем невежестве не могло выработаться ни здравого общественного мнения, ни чувства собственного достоинства. То, что в других местах ограничивало произвол или самовластие, здесь потакало ему. Самый состав общества в отдаленной Сибири, состоящий из торгового класса, подчиненных чиновников, бедных мещан, безмолвных крестьян и диких инородцев, не имел никакого настоятельного значения и не мог противопоставить никакого отпора произволу. Дмитрий Завалишин в «Письмах о Сибири» выражается, что магическое слово «острог» могло наложить в Сибири всегда печать молчания на местного обывателя. Правдивого слова поэтому не раздавалось, а общество искало задних путей, что способствовало как развитию злоупотреблений, так и понижению нравов.

Подобострастие, грубая лесть невежественного общества была всегда к услугам самого маленького начальника в Сибири и баловала его самого, если он только не был достаточно от нее гарантирован собственным достоинством. Обеды, торжества и овации начальству, как пишет один турист, вошли здесь в приятную обязанность. Эта лесть деморализировала обе стороны. Сибирских начальников уверяли, что остяки, например, желают поставить монумент в честь их и собрали на это пожертвования, или что иркутские буряты назначили стипендии в иркутском благородном институте девиц и т. п., между тем как подобные обольщения давали повод к новым поборам. При невежестве, при забитости жителей Сибирь

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

оставалась страной безгласности. Если в России с реформами развивались новые требования жизни, гласность, общественное мнение, мешавшее злоупотреблениям, если русское общество освежилось при помощи многочисленных университетов, то в Сибири ничего этого не было, и она жила, полная дореформенных нравов.

Ко всему этому надо присоединить крайне ненормальные условия экономической жизни в Сибири, точно так же дававшие особое направление жизни. Откупы, золото, винокурение, монопольное пароходство, разные спекуляции в 30-х годах наполняют сибирскую жизнь и овладевают ею. Чиновничество не могло удержаться от общего натиска, оно пускается спекулировать. Уровень его бескорыстия сильно падает. В сороковых годах администрация Сибири представляет множество слабых сторон, а предания сохраняют грандиозные подвиги сибирского чиновничества на поприще обогащения. Подле сурового генерал-губернатора Корчакова под боком являются чиновники, которые составляют громадные состояния спекуляциями.

Советники губернских правлений пустились в золотопромышленность. Полицмейстеры и жандармские штаб-офицеры получали доход от тайной продажи и контрабанды золотом, как и поборами с золотопромышленников. Горные исправники приобретали по сотне тысяч, потакая злоупотреблениям золотопромышленников и откупщиков, даже волостные писари от найма рабочих приобретали по 6000 р. годового дохода. Были уголки в Сибири, потонувшие в неимоверной роскоши, как Алтайский горный округ с горным чиновничеством, расхищавшим промыслы и богатства кабинета[19].

[19] См. Администрация в Сибири. Газета «Неделя». 1873 г. №15. История горного мира. «Неделя». 1881 г.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Разные монополии, откупы, золотопромышленность развивали частные злоупотребления. Золотопромышленность приобрела вскоре преобладающее влияние на весь экономический быт. Вместе с ней развились спекуляция, развращение нравов, подкупы. Благодаря ей, с одной стороны, формировалось могучее сословие монополистов, с другой — эксплуатация населения. В общем своем влиянии, привлекая капиталы, она значительно сдерживала развитие в Сибири некоторых наиболее свойственных ей отраслей промышленности.

В стране не развивалось долго прочной заводской промышленности, зато как в стране, стоявшей на низкой степени культуры, пользующейся привозной мануфактурой в кредит, в ней распространилась громадная зависимость крестьян и инородцев от торговца и кулака и все злоупотребления долгового закабаления, в которое поставлены целые области, вроде Березовского, Туруханского края, Забайкалья и других мест.

Особенно было печально положение инородцев, обреченных на притеснения, бедствия и, наконец, вымирание. Инородческий быт представляет самую мрачную картину местной жизни, и борьба администрации против угнетения инородца до последнего времени была бессильна.

Подобные условия, задерживая развитие края, отвлекают жизнь общества в другую сторону, покрывают страну злоупотреблениями и ставят затруднения для администрации. Общество здешнее требовало поэтому особенных забот о его воспитании, пробуждения в нем законности, нравственных чувств, солидарности и общественной деятельности в помощь администрации. А этого и не могли дать учреждения Сперанского,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

напротив, они сами постоянно парализовывались общественною жизнью. Чтобы пробудить общество к жизни и призвать его к деятельности, необходимы были другие средства, о которых не думал Сперанский, и мысль о которых, может быть, не созрела в сознании тогдашнего общества. Только в последнее время высказывается, что Сибири необходимы университет, земство, гласный суд, просвещение, развитие литературы и науки, открытие путей гласности и создание здравого общественного мнения, могущих двинуть жизнь общества на новую дорогу.

Выборное начало, что считал необходимым министр Козодавлев и имел в виду для будущего Сперанский, всего легче может быть ныне выполнено при посредстве земства. Там, где администрация, как убеждает трехсотлетний опыт, употребляет тщетные усилия к искоренению злоупотреблений, естественнее всего обратиться к самоуправлению и дать больший простор ему, создав из него самый действительный контроль.

Что касается установления вообще новых взглядов Сперанским на страну, то мы видим, по крайней мере, в первое время, — они не отличались ничем особенным; взгляды его во многом сходились даже со старинными воззрениями на Сибирь. В первое время он смотрел на нее как на место, «пригодное только для ссылки, но не как на место для жизни и гражданственности, основанное на хлебопашестве и промышленности». «Сибирь — просто Сибирь», — писал он к дочери.

Впоследствии более ознакомившись с краем и особенно объехав юг Сибири, он несколько разубедился. В это время о юге Томской губернии он писал Гурьеву как о «крае — благословеннейшем не только в Сибири,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

но и в целой России». «Природа его назначила к сильному и богатому населению, — говорит он, — металлы составляют только часть и, можно сказать, не самую важную часть внутреннего его достоинства. Все почти роды хозяйства и в самом большом размере могут быть в нем устроены». Впоследствии точно так же он переменил и другое мнение, а именно, что Сибирь населена исключительно ссыльными.

Наконец, он выражал мнение, что «Сибирь достойна и по всем отношениям требует государственных соображений», и говорил, что он открыл Сибирь, как Ермак, для России; конечно, он разумел под этим то, что он установил своим управлением на нее гражданскую точку зрения, но ознакомиться вполне с нуждами края он, конечно, не мог. К сожалению, лучшие взгляды и воззрения Сперанского не получили популярности и не прошли в общество, зато другие взгляды долго продолжали еще жить. Сибирь оставалась и после него по-прежнему «просто Сибирью». В сороковых годах думали даже, что Сибирь не может приносить никакой выгоды России, что все пространство от Алтая до Ледовитого океана осуждено природой оставаться ледяной пустыней и не иметь никакого ни промышленного, ни гражданского значения. Мнения эти, конечно, были в высшей степени странны относительно местности в 240000 кв. миль с разнообразным климатом и неисчислимыми, нетронутыми богатствами.

Многие нужды и потребности края при Сперанском еще не были выяснены. Так, Сибирь остается штрафной колонией. Благодаря штрафному назначению гражданственность сибирских областей надолго задерживалась; точно так же они не могли воспользоваться многими

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

правами, доступными другим областям России: для ссыльных, конечно, не полагалось реформ. Только ныне, по мере развития гражданственности и с лучшим выяснением промышленного, экономического и политического значения этого края, установляются на него более благоприятные воззрения. Вместе с тем и жизнь края выдвигает целый ряд местных вопросов о значении ссылки, о свободной колонизации, о соединении края с Европой железными путями, вопрос инородческий, промышленный, вопрос о развитии сил края и пробуждения общественной жизни и т. д. Вместе с тем краю придается все более государственное значение. В деле культуры, цивилизации и торговли в Азии ему указывается уже теперь видная роль в будущем, точно так же как широкое и богатое развитие в условиях его гражданской жизни.

Нечего говорить, что многое не могло быть предугадано во времена Сперанского. Нынешний законодатель и реформатор может стоять уже на другой точке зрения: то, что при Сперанском могло быть главным, то может считаться побочным, и наоборот.

Немудрено понять поэтому, что современные нужды управления, а также административная реформа в Сибири рассматриваются ныне несколько с иной точки зрения. Прежним сибирским учреждениям с их сложным бюрократическим механизмом и генерал-губернаторской властью не приписывается более всеисцеляющая сила[20].

---

[20] По последним известиям, есть предположение образовать только пограничные генерал-губернаторства на Амуре, в Туркестане и в Киргизских степях. Остальные же губернии Сибири привести на общее положение с уничтожением существующих особенностей.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Все соображения по этому поводу заставляют ныне склоняться скорее за упразднение и, в крайнем случае, за уменьшение генерал-губернаторств на Востоке, чем за их поддержание. Сокращение Оренбургского генерал-губернаторства в 1881 году делает весьма видный шаг в управлении восточными областями и степями, по преимуществу. От подобных сокращений выиграет только бюджет и ускорится проведение гражданских и культурных начал в жизнь населения. Что касается управления сибирскими губерниями Восточной и Западной Сибири, то, обладая русским полноправным населением, они не нуждаются более в «особенностях управления». Весьма продолжительный опыт доказал ясно, что такие особенности не послужили гарантией ни от злоупотреблений, ни от самовластия, напротив, сибирские генерал-губернаторы со времени Сперанского, наперекор духу «сибирских учреждений 1822 г.» и существующему законодательству, стремились расширить свою власть, сосредоточить подчинение всех ведомств и этим уничтожить всякий взаимный контроль и почву правильного развития законности.

Во все время трехсотлетнего существования края не было обстоятельств, когда бы генерал-губернаторские уполномочия явились необходимыми. Все, что мы видим в истории управления края, — это постоянную борьбу центральной власти с наместническими наклонностями, вицеройством и закононарушениями местных управителей. Такова история генерал-губернаторств, начиная с Гагарина, Якоби и кончая игрою в честолюбие позднейших администраторов. Многие деятели, знающие историю края, с упразднением генерал-губернаторств на Востоке предвидят устранение

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

последних препятствий и противодействующих сил гражданским реформам в Сибири. Такая власть, по существу, не могла переносить каких-либо самостоятельных и огражденных законом учреждений, в том числе даже и «Нового городового положения». Вот почему общественный голос и высшая власть одинаково признают своевременность упразднения сибирских генерал-губернаторств.

Из этого следует, что административная реформа в Сибири не может ограничиться в данную минуту одною внешностью и размежеванием районов управления. Вероятно, потребуются изменения по существу и замены старых учреждений новыми. В Сибири, как и везде, предстоит выделение военной власти от гражданской, которые ныне соединены в лице генерал-губернаторов и военных губернаторов, выделение функций суда от администрации, что может быть достигнуто введением новых судебных учреждений, уничтожение особенностей административного управления и введение общего положения по управлению губерниями с подчинением губернских учреждений министерствам, а не генерал-губернаторам, наконец, выделение от администрации дел по земскому хозяйству и призвание общественных и земских сил к содействию и удовлетворению насущных своих потребностей.

Одно губернское управление мало принесет еще пользы. Губернская и особенно земско-полицейская администрация бессильна совладать с многосторонними земскими нуждами, она не может ни содействовать грамотности и просвещению, ни помочь народному здравию, ни регулировать повинности. Это сознают хорошо сами местные администраторы, представляя

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

единственным оправданием, что у них нет других органов, кроме заседателей и исправников.

Таким образом, одна реформа губернской администрации немыслима ныне без помощи других учреждений, общественных и земских. Это те самые органы, о которых мечтали Сперанский и Козодавлев. К введению тех же реформ в Сибири, какие введены в европейской России, теперь не может встретиться препятствий, принимая во внимание гражданское развитие населения, земскую силу его, податные обязанности, общественные повинности, которые несет местное население наравне с другими областями империи. Только при участии земских сил достигнется тот контроль в земском хозяйстве, к какому стремится сыздавна высшая власть, уничтожатся существующие злоупотребления и устранятся другие затруднения по управлению. Вместе с тем администрация будет иметь под рукою живую силу общества, а не мертвый механизм.

Призвание этих лучших земских и народных сил на общественную арену, соединение общих усилий администрации и общества на благо и пользу населения будет единственным разрешением административного вопроса в Сибири. На Востоке – по причине его отдаленности, отсутствия контроля и согласия в деятельности администрации, при отсутствии связи приезжих чиновников с местной средою – призвание общественных элементов может оказать услугу более важную, чем где-либо. Рядом с этим апатичное доселе к своим делам общество лучше научится понимать свои гражданские обязанности, пробудит в себе самодеятельность, уразумеет цель своего существования и в идее гражданского развития осуществит залог лучшего своего будущего.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Потребность знания на Востоке и образование в Сибири

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

X

Недостаток знаний при открытии Сибири. – Характеристика сибирского общества в XVIII ст. – Попытки просвещения в XIX столетии. – Время Сперанского. – Ощутительный недостаток учебных заведений. Умственный уровень сибирского общества и общественная жизнь городов. – Пробуждающаяся любознательность и стремление к образованию. – Возникновение университетского вопроса на Востоке, его история и время основания университета в Сибири. – Надежды, возлагаемые на него, открывающаяся лучшая будущность края.

Рост и развитие наших окраин должны были находиться в зависимости от распространения знаний, высоты культуры и, вообще, умственного прогресса русского населения. Если бы знания и наука воодушевляли первых открывателей, если бы они обладали знанием природы, то борьба в девственной стране досталась бы легче и не стоила бы многих жертв. При помощи знания русские люди легче бы открыли богатства страны, сумели бы более воспользоваться дарами природы и создали бы цветущий культурный мир из мира пустыни подобно тому, как развивались многие европейские колонии. Нечего говорить, что Сибирь и наш Восток при больших средствах просвещения могли бы уподобиться если не Индии, то составить богатейшие по источникам дохода владения, население же на свободных землях могло бы достигнуть замечательного благосостояния. Но при завоевании Сибири славянская народность и русское общество не могли выдвинуть просвещенные

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

знанием силы, потому что в самой России просвещение только что зарождалось.

Знание и наука совсем не участвовали в наших открытиях на Востоке. Открытие Сибири и знакомство русских с Азией далеко не походило на открытие Америки ни по своим побуждениям, ни по своим последствиям. Если открытие Америки было плодом пытливого знания, если оно сопровождалось переворотом в промышленности, дало толчок европейскому прогрессу и оказало влияние на всю мировую цивилизацию, то открытия русских в Азии имели сравнительно весьма ничтожное значение и оказали слабое влияние даже по отношению к России.

Чтобы определить, насколько научные знания участвовали в открытиях, сделанных нами в Сибири, достаточно вспомнить, что ее завоеватели были простые казаки, невежественные простолюдины, а колонизаторами — «гулящие люди», промышленники и беглые крепостные рабы, точно так же как достаточно вспомнить о степени умственного развития России в XVI и XVII столетиях. Значение открытий на Востоке долго не сознавалось самим русским обществом.

Открытия Дежневым Берингова пролива[21], Атласовым — на льдах севера, Поярковым — в Охотском море и Хабаровым — на Амуре не имели европейского значения до тех пор, пока они не были исследованы Берингом,

[21] Пролив между Азией и Америкой еще в 1648 году открыл казак Семен Дежнев. Но результаты его похода не были опубликованы. И о них не знали ни Петр I, ни Адмиралтейств-коллегия, ни сам Витус Беринг. На сведения о походе Дежнева наткнулся в Якутске историк Миллер лишь в 1736 году, в ходе Великой Северной экспедиции. Но тем не менее, честь официального открытия пролива досталась Берингу.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Врангелем и другими. Не пытливый дух знания, не интересы мировой науки двигали нашими открытиями в Сибири; вторжение в нее было последствием безотчетной и слепой отваги, энергии, искавшей выхода из стесненных обстоятельств, в каких жил русский народ в XVI столетии.

Большинством же дальнейших открытий и завоеваний наших в этом крае руководил дух наживы и погони за богатством. Торговые и промышленные люди в XVII и XVIII столетиях, выселившиеся в Сибирь, занимавшиеся здесь промыслами и торговлей, были также люди совершенно невежественные; начало сибирским поселениям было положено людьми без всякого образования, неграмотными. Даже те из них, которые стояли во главе обширных предприятий, как Шалауров, открывший Таймырский берег, или Баранов, глава русско-американской кампании, были люди полуграмотные и грубые. Что касается крестьянства, то, понятно, оно представляло темную массу и стихийную силу, двинувшуюся на Восток без всякого сознания своей роли здесь. Культурное развитие населения в XVI и XVII столетиях соответствовало тогдашнему положению невежественной Руси.

Оно с собой принесло земледельческий промысел, и это было все. Словцов прав, давая следующий отзыв о первых колонистах Сибири: «Они не принесли мастерств, кроме навыка срубить дом и заготовить упряжь да пахотные способы; женщины их умели только соткать толстый холст и сермяжное сукно для своего обихода». При своих убогих средствах переселившееся крестьянство, отделенное тысячами верст от остального русского населения, долго находилось в Сибири оставленным на произвол и на борьбу с суровой природой в лесах

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и тундрах. Жизнь Сибири до начала нынешнего столетия и даже долее была жизнью страны невежественной и варварской в полном смысле слова. Искание и разработка сибирских богатств совершались слепо и наугад; рудокопы, открыватели золота и серебра, были людьми без всяких технических знаний. Эксплуатация зверя, мехов, рыбных промыслов и минеральных богатств была, по выражению одного историка сибирской культуры, историей расхищения естественных запасов природы.

Конечно, нельзя сказать, чтобы новый край не возбуждал любознательности в переселенцах; известно, например, что некоторые из них чертили и самодельные карты, по которым составлена чертежная книга Ремезова или карта Шалаурова, одобренная Врангелем; некоторые являлись знатоками трав, вроде Эпишева, составившего первый травник, и т. д., но эта любознательность, этот порыв ума к знанию замирали, не находя средств опереться на науку. Русские открытия в Азии и приобретение нового неизвестного континента не освежили русского общества и не дали ему толчка.

Что касается самой колонизации и культуры Сибири, то она также в XVI, XVII и XVIII столетиях не отмечается ничем замечательным, в ней также не участвовало знание. Русский простолюдин колонизовал Сибирь наугад, без всякого расчета; он занял сперва север, захватил тундры и оставил в пренебрежении юг, который начал заселяться долго спустя. К тому же, едва ли не большинство колонистов состояло из бродяг и авантюристов, которым казна должна была впоследствии подносить хлеб, чтобы они не умерли с голоду. Масса народа гибла и терялась по лесам, бросаясь наобум вперед; русские часто оставляли уже занятые земли, как, например, по Амуру.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

При невежестве населения очень туго развивались торговля и промышленность, Китай долго не привлекал нашего внимания. Торговля с Джунгарским ханством и Бухарою, достигшая значительных размеров в половине прошлого столетия, внезапно прекратилась в начале нынешнего. Владения на Восточном океане нисколько не способствовали международной торговле и не создали у нас торгового флота. Русские долго эксплуатировали инородцев и кончили их разорением. Перенеся колонизацию в Северную Америку и дойдя в своих исканиях богатства до Калифорнии, русские в самой Сибири до начала нынешнего столетия не могли завести торговли с Киргизскою степью. Они не сумели воспользоваться ни своим географическим положением, ни топографическими условиями, ни естественными произведениями богатого и обширного края.

Гражданственность в Сибири туго прививалась, население росло медленно: только с половины прошлого столетия оно начало выходить из лесов. На всем пространстве Сибири были раскинуты только бедные остроги; как население было ничтожно, можно судить по тому, что к началу нынешнего столетия оно составляло миллион с небольшим, а на всем Камчатском полуострове считалось только две тысячи мужского населения. Русские переселенцы не оказали никакого влияния на инородцев в культурном смысле.

Самой России Сибирь приносила менее пользы, чем можно было рассчитывать. По мере приобретений на Востоке на Сибирь возлагались пылкие надежды, но после первых увлечений авантюризма вслед за обольщеньями и ожиданиями выгод явилось полное разочарование, бывшее результатом нашей культурной

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

несостоятельности, и Сибирь сделалась надолго забытым и захолустным краем, судьба которого вызвала следующую характеристику местного историка Словцова: «Сибирь как страна, заключала в себе золотое дно, но как часть государства, представляла ничтожную и безгласную область».

Такой жизнью жила Сибирь до второй четверти XIX столетия. Проводниками просвещения здесь в XVI и XVII столетиях могли бы явиться служилые люди и духовенство, но, к сожалению, воеводы и служилые люди редко чем отличались от массы остального населения; в Сибирь их привлекала та же нажива. Что касается духовенства, то даже в прошлом столетии в Сибири еще встречается масса священников безграмотных. В XVIII столетии старых служилых людей сменили приказные люди и старые подьячие, которые также не могли быть представителями образованности. Уровень понятий и знаний в тогдашнем сибирском обществе характеризуется следующими примерами: когда Петр Великий предписал сибирскому начальнику собирать для музеев всевозможные «раритеты» из области сибирской природы, доставлять замечательные экземпляры местной флоры и фауны, то служилые люди были поставлены в величайшее недоумение, не понимая, чего от них требуют.

При Екатерине II хотели предпринять топографическую съемку, но в Сибири не нашлось для этого сколько-нибудь знающих людей; местное начальство не могло доставлять самых элементарных географических сведений. Первое духовное лицо в Тобольске в начале нынешнего столетия, по свидетельству аббата Шаппа, не хотело верить, что Земля обращается вокруг Солнца. Не богаче была научными познаниями Сибирь

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и впоследствии: в 1840-х годах в Сибири был разослан местным начальством циркуляр, приказывающий разыскать и доставить где-то будто бы убитого царька соболей, который по величине должен был равняться, по крайней мере, слону.

Жизнь сибирских городских обществ в начале XIX ст. обрисована в последнее время местными исследователями Вагиным и Щаповым по мемуарам и запискам старожилов. По сказанию современников Трескина, в обществе иркутском в конце XVIII и в начале XIX вв. «была дичь совершеннейшая, образования не было почти никакого». И это свидетельство действительно подтверждается фактами. Кроме существовавших некогда навигатских школ, в Иркутске до начала XIX столетия не было никаких училищ. Только при содействии Трескина в 1816–1817 гг. открыто было по Иркутской губернии до 18 кое-каких приходских училищ; но до Сперанского – да и после – существование их было самое жалкое и шаткое. Крестьяне желали вовсе избавиться от училищ, «как от некоторой обременительной повинности».

Не менее равнодушно относилось к образованию и городское общество. Еще в 1821 году иркутский губернатор Цейдлер писал: «Чиновники здешние стараются только обучать детей своих грамоте и спешат записывать в канцелярскую службу для достижения скорейшего офицерского чина, и потому обучаются они плохо и поступают без сведений и малолетние на службу, и потому нет надежды, чтобы кто сыну своему предназначил трудный путь наук, и потому скоро развращаются и делаются неспособными к прилежанию и занятию трудною наукою; купечество, имея в виду только приобретение

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

богатства, ведет детей своих особою дорогою, приучая ходить с обозами, закутать в Якутске белку, лисиц, соболей, отвозить их в Ирбит, и оно довольно, ежели 14-летний мальчик преодолевает трудности дальней дороги». В Сибири есть целые волости, не умеющие ни читать, ни писать, и только немногие имеют понятие о том, что делается за их околицей».

Еще недавно в Сибири были безграмотные священники, отправлявшие службу на память. До какой степени распространены здесь суеверия, свидетельствуют следующие опубликованные местной этнографией факты.

Так, например, в дневнике Тюменцева, домашнего секретаря Трескина, а впоследствии члена совета главного правления, следовательно, самой интеллигентной личности по положению, под 1819 годом записано: «Мая 21 докладывано губернатору, что леший в старом генерал-губернаторском доме давил часового. Происшествие случилось пополудни в 6 часов. Солдат сказывал, что сначала приходили к нему военный офицер, потом старик, который попотчевал его табаком, просил сделать на караул, что часовой исполнил, но старик не был этим доволен и ударил его по щеке. Затем полезли из старика маленькие безобразные чертенята. Они напали на бедного солдата и надавили его, и он к вечеру отправлен в лазарет.

Предание говорит, что в наместническом доме давно показывались разные привидения: то старик с тремя глазами, то волк с пламенною пастью, то криворотый паперец и т. п. В полночь отворялись двери, под полом бренчали кандалы, выходил Леццано и проч. В мае же часовой от казначейства видел в старом наместническом доме носимую большую свечу с огнем, а другой,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

стоявший на противной стороне, был осыпан камнями и видел человека в белой рубахе».

Иркутская духовная семинария, этот единственный вертоград[22] высшей сибирской интеллигенции, как ныне, так и прежде, по своей замкнутости и по схоластическому направлению науки не имела и не могла иметь живого влияния на умственное развитие иркутского общества. Но все-таки в прежнее время при жалком состоянии губернской гимназии, при отсутствии интеллигентного класса в обществе наиболее любознательные граждане иркутские, по-видимому, интересовались несколько и семинарским учением.

Впрочем, и тут для них, кажется, только и были интересны какие-нибудь высокоторжественные выражения семинарских муз или описания каких-нибудь особенных случаев, вроде посещения семинарии сенатором и т. п. Самостоятельная умственная работа и критическое отношение к действительной жизни в сибирском обществе в начале XIX века, разумеется, были немыслимы. Граждане иркутские тогда еще без разбору и с одинаковым вкусом читали как и условия оптимистические, так и кое-какие критические статьи разных сочинителей. Они увлекались всяким забавным балагурством, всякими смехотворными изречениями и потешными афоризмами, имевшими некоторую претензию на юмор или сарказм, всякими песнями и одами, отзывавшимися хотя бы самыми слабыми сатирическими тенденциями. Об общественной жизни городов Восточной Сибири историк замечает, что в Западной Сибири, в Усть-Каменогорской крепости, общественная жизнь даже, как

[22] Вертоград — сад *(устарев.)*. Здесь в значении учебное учреждение. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

видно, была живее иркутской, а Усть-Каменогорск, надо заметить, походил на ту линейную крепостцу, которая описана у Пушкина в «Капитанской дочке». В самой столице Сибири, в Иркутске, в этом центре сибирской интеллигенции, общественная жизнь была так же дика, как и на далеких окраинах Востока. Н. П. Булатов, современник Трескина и Сперанского, характеризует ее следующим образом: «В старину, я помню, здесь в общественной жизни была совершеннейшая дичь. Разделение полов было чрезвычайное не только в купеческом, но даже в чиновничьем классе. Если вы только знакомый или даже родственник хозяину дома, но не близкий, то вы могли быть с ним тридцать лет знакомы и никого не видеть из его женского семейства.

Бывало, соберутся на вечер, даже не на простой, а на парадный, с танцами; мужчины сидят в одной комнате, женщины — в другой, и никто ни слова: слышно, как муха пролетит. Начинаются танцы: кавалер с дамой двигаются молча, как марионетки. Вздумали вы поговорить со своей дамой — слышите от нее односложные «да» и «нет», а если вы усиливаетесь разговаривать, то увидите, что какая-нибудь маменька или тетушка подойдет к вашей даме и скажет: «Пойдем, Дуняша, пора домой». Вы упрашиваете, чтобы, по крайней мере, позволили кончить танец. Вам отвечают: «Нет, батюшка, нам здесь не компания».

С приездом Сперанского общественная жизнь оживилась, начались праздники, вечера. Они внесли в нашу житейскую обстановку новый элемент. Разумеется, при общей покорности Сперанскому принято беспрекословно и это нововведение. Бывали и скандалы, не крупные скандалы, а так, разные недоразумения,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

скорее, следствие нашей дикости взглядов на все новое. С его времени мы стали видеть новых людей; а прежде бывало, если пройдет по улице человек с крестиком, то за ним, наверное, бегут ребятишки».

Сам Сперанский в одном письме из Сибири к дочери так описывал специальный склад и характер сибирского общества: «Сибирь есть просто Сибирь, то есть прекрасное место для ссыльных, выгодное для некоторых частей торговли, любопытное и богатое для минералогии, *но не место для жизни* и *высшего гражданского образования*. Худое управление сделало из Сибири сущий вертеп разбойников. Едва верят здешние обыватели, что они имеют некоторую степень свободы и могут без спроса и дозволения собираться, танцевать или ничего не делать. Мы впервые завели здесь общественные собрания, и на собраниях этих я, например, польский веду со старухой, одетой в глазетовую юбку и шушун и повязанной платком. У вас спектакли, а у нас своего рода маскарады: это сущая история всех наших диких костюмов. Тут китайцы, японцы, алеуты, шаманы и Бог знает, чего тут нет, и все одето с большой точностью. *Умного разговора в обществе почти нет никакого*. Я привык здесь к уединению, *не с кем слова перемолвить*. Словцов, один здесь умный и некогда острый человек, болен и стар: это потухающий огонек, который изредка только вспыхивает... Какое невыносимо тяжелое положение! Три почти года не слышать ни одной ноты, прибавь к сему — *ни одного почти умного слова,* – три года ни разу с удовольствием не смеяться. Видел я здесь на бале у тобольского губернатора и *женское общество, сурок да крот, да две-три набожные лани*». Таково было мнение первого

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

образованного человека своего времени о сибирском обществе и его жизни.

При господстве эгоистических, кулачески-приобретательных и семейно-родовых интересов в сибирских городских обществах крайне недостаточно было развитие общественной солидарности, социального общежития. Например, о городе Нерчинске иркутский епископ Михаил писал в 1821 году: «Тамошние граждане *столь же несогласны в сердцах своих,* как дамы их рассажены на больших расстояниях, подобно гнездам луковиным».

О жизни и физиономии Иркутска после Сперанского мы можем судить по одному любопытному памятнику 1827 г., имеющемуся у нас в руках: «Внешность города крайне непривлекательная: ветхие дома выходили на улицу углами, иные задними, надворными стенами, иные полуразвалившимися сараями; неуклюжие и дырявые тротуары существовали только на двух улицах; берег Ангары, великолепный по своему местоположению, начиная от триумфальных ворот до сибирского дворца завален был мусором». Этот же путешественник передает свои впечатления, произведенные на него городом, так: «Я не слыхал нигде ни одного *музыкального звука,* ни одной рулады вокального *пения.* Все было тихо, как в пустой храмине, только изредка в торговых домах звучали цепи сторожевых собак и раздавался тревожный набат *поколотки*[23]. Если случались запоздалые дрожки, то они мчались по пустой улице опрометью и моментально исчезали во дворе за массивными воротами. Потом снова воцарялась могильная тишина — и какая-то безотчетная тоска закрадывалась

[23] Поколотка — она же колотушка – деревянное приспособление ночных сторожей. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в мою душу». Практически-узкий и эгоистически-деловой характер иркутского общества довольно хорошо обрисован одним местным поэтом тогдашнего времени:

У нас пока в Сибири два предмета:
Мозольный труд и деловой расчёт.
Всем нужен хлеб да звонкая монета,
Так любознание кому на ум пойдёт?
Купец сидит, как филин, на прилавке,
Его жена чаёк с кумою пьёт;
Чиновный класс хлопочет о прибавке
И прочного гнезда себе не вьёт.
Сегодня здесь, а завтра — за Уралом,
Кто нажился, тот едет генералом.
Кто не сумел, тот с посохом идёт.
Коробочник несёт ярмо торговли;
Его девиз: труды, а не обман;
Он тоже спит в тени наёмной кровли.
Его приют — походный балаган.
Он тож глядит на Запад, как астроном,
Он бредит иль Десной, иль Волгою, иль Доном;
Там у него отчизна, там родня
(И это всё понятно для меня).
Приказные с утра до поздней ночи
С пером в руках хлопочут лишь о том,
Как свесть итог круглей и покороче,
В своём житье, донельзя уж простом…
А тот, кого судьба облобызала
И гнёздышко птенцам его свила.
Гласит: не нам учить себя сначала.
Молоденьким та очередь пришла.
Сумел нажить с немудреньким умишком

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

И пенсию, и пряжку, и почёт,
И кое-что в наследство ребятишкам —
Концы концов! Закончен наш расчёт...[24]

Среди отсутствия всяких умственных и общественных интересов местное общество, прилипши к своему старому образу жизни, прожило десятки лет, как улитка в раковине. Его не возбуждали ни интеллектуальные, ни литературные и эстетические потребности. Путешественники, как Шатт, Паллас и другие, отмечают эту жизнь безобразными кутежами. Одна туристка рассказывала, что, остановившись в сибирском городе, она увидела музыкальный «орган». «Что это, у вас играют?» — спросила она. «Нет, испорчен, не играет». — «Отчего?» — «Да в него шампанское лили». Оказалось, что перепившиеся гости избавлялись таким путем от угощения. Такова была судьба музыкального инструмента на Востоке. Иногда эта тупая жизнь на восточной окраине до того уже отупляла людей, что взгляда и миросозерцания их ничто не могло изменить; самый сильный свет и масса новых впечатлений не поражали человека: он был слеп и глух ко всему. Примером этого может служить сибирский купец Мальков, посетивший Петербург в 60-х годах, в то время, когда было все оживлено и одушевлено движением общественной жизни. Что же делает этот сибирский выходец среди этого движения? Вот что сообщают труды алтайской миссии о г. Малькове и его воззрении на Париж, куда случайно занесла его судьба.

---

[24] Этот замечательный памятник сибирской этнографии носит название «Воспоминание поездки по Восточной Сибири» А. Александрова.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Вавилон, — говорит Мальков. — Вавилон, злейший древнего; котлы мяса и плоти услаждение всяческое; хождение в волях сердец своих, единый закон, кумир, задача, цель жизни! Либерализм, обладающий Вавилоном этим, распоряжается так же верно и самовластно своими поклонниками, как бубен шамана и шесты с навернутым на них тряпьем и конским волосом — своими; фасон и материалы другие, дух — тот же. Все неугомонно, тревожно, второпях и угорелой многопопечительности, почти неестественной, пекут этот «насущный хлеб свой»; и высоко всходит и пучится это тесто из трех сотой муки: тщеславия, сластолюбия и самоволия; на закваске духа безверия и, следственно, безнравственности, глубокой, уже не сознаваемой, вошедшей в натуру тамошнего человека» и т. д.

Таков взгляд сибирского купца на западноевропейскую жизнь. Он же обратится к благотворительности не под влиянием каких-нибудь гуманных или христианских побуждений, а потому, что ему сказала томская юродивая Домна Карповна, что на него будет возложено дело, от которого он не смеет отказаться, и дала записку, повторяя: «Бия, Бия, будеши с хозяйками богатыми» и тому подобную чушь. Это прорицание сибирской кликуши решило судьбу сибирского купца.

Сперанский, явившись реформатором в Сибирь, думал хоть чем-нибудь оживить эту жизнь, всколыхнуть ее. Занимаясь составлением для нее законов, он посещал общества, делал вечера, прививал вкусы и потребности социального общежития. Сперанский, видимо, проникнутый господствовавшим тогда в образованном русском меньшинстве сентиментально-филантропическим духом, считал первым долгом учредить и в Сибири эти

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

примитивные «образчики филантропии», такие же благотворительные человеколюбивые общества, какие учреждались тогда и в России по примеру и образцу императорского человеколюбивого общества.

В то же время он и в самом обществе сибирском, особенно в купечестве, всеми мерами возбуждал чувства и наклонности к общественной благотворительности, поручая думам городским призывать общество «к делам человеколюбия и милосердия». Учреждением человеколюбивых обществ в Сибири он особенно интересовался. Далее, чтобы начать уничтожение общественных зол в Сибири в самом их корне — невежестве народном, Сперанский обратил внимание и на дело народного образования. Как ни были велики усилия Сперанского, но это только одинокие попытки и мечтания; ни влияние, ни деятельность его не оставили в жизни Сибири никаких следов по многим обстоятельствам. В книге г. Вагина о Сперанском приведены многие отзывы современников, и один из них говорит: «Правление Сперанского в Сибири ничем не замечательно; была только запутанность и неразборчивость, целые возы просьб увезены, а некоторые даже не прочитаны». (Извест. с-пб. отдела, т. V, 1874 г., стр. 41).

Сибиряки также не поняли Сперанского. Они, как видно из отзывов современников, отдавали и отдают до сих пор предпочтение Трескину, который имел на послугах Лоскутова, свирепствовавшего при пестелевском управлении Сибирью, распространил взяточничество, жена которого продавала места заседателям, который наполнял Иркутск ужасами, но настроил

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в Иркутске «ретирады»[25] и пробовал приучить бурят к земледелию. Так тупо относилось большинство сибирского населения к реформе Сперанского, замечает историк. «А после него все пошло по-старому», — сказал один из современников, передавая г. Вагину свой рассказ о Сперанском. Конечно, Сперанский в роли организатора ничего не мог сделать там, где нужно было прежде расчистить черноземную почву и потом уже сеять. Он бессилен был создать и гражданские идеалы для этого общества и поднять его ум. Для этого нужны были громадные образовательные средства. С отъездом его все лучшие его начинания рухнули, и грязная волна, случайно всколыхнутая, опять пришла в свое прежнее стоячее положение. Если, по словам Сперанского, и в России, и в Петербурге остались излишними все его желания и предположения «сдвинуть грубую толщу, которую никак с места сдвинуть не можно», то тем более трудно было ему расшевелить азиатскую косность сибирского общества, вдруг смягчить, гуманизировать эту непроходимую дичь (Извест. сибир. отдела, №1, т. 5, 1874 г., ст. 42).

По этим характеристикам можно судить, до какой степени было важно и необходимо просвещение в Сибири. Обратим же внимание на историю развития образования.

Кое-какие школы начинают зарождаться в Сибири только в половине прошлого столетия. Вероятно, поводами для этого послужили различные государственные планы Петра I и Екатерины II по отношению к Сибири. В числе первых школ в Сибири учреждены школы

[25] Ретирады — отхожие места, уборные, от французского retirade.– *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

специальные: навигационные в Иркутске и Нерчинске и геодезические в Тобольске и Томске. Навигационная школа в Иркутске была основана в 1754 году. В 1781 году здесь открыта городская школа, а в 1789 г. она преобразована в главное народное училище. Училища эти открывались и в других городах, но, говоря вообще, дело шло медленно и туго.

Некоторые из школ, открытые в прежнее время, до приезда Сперанского, были или закрыты, или преобразованы; так, например, закрылся класс монгольского языка в Иркутске, приготовлявший переводчиков. К памятникам просвещения прошлого столетия относятся, кроме того, горные училища в Барнауле и Нерчинске. Эти специальные училища при своем формальном существовании и ничтожном влиянии имели чрезвычайно слабое значение в деле развития Сибири: в них получали образование очень немногие туземцы, например, талантливый Лосев, вышедший из навигационной школы и выдвинувшийся при Сперанском своими дарованиями.

Самыми крупными учебными заведениями в Сибири были в то время две семинарии — в Тобольске и Иркутске, но существование их точно так же не ознаменовалось ничем заметным в деле местного просвещения, кроме разве того, что при Тобольской семинарии сохранились некоторые сибирские летописи о покорении Сибири. Воспитание в этих семинариях в начале нынешнего столетия отличалось схоластичностью; они были рассадником семинарской педантичности; на своих экзаменах и актах они выгружали целую массу хрий[26],

[26] Хрия — риторический термин, означающий рассуждение на заданную тему. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

од и напыщенных сочинений. Наука их ничем не была связана с сибирской жизнью. В 1791 году в Тобольске издавался даже при главном народном училище под редакцией Сумарокова литературный журнал «Иртыш», превратившийся в «Ипокрену»[27]; издание это наполнялось псевдоклассическими подражаниями и риторическим стихоплетством, за что получил достойный приговор от образованного человека того времени — Словцова, сказавшего в своей истории, что «вместо того, чтобы заняться сообщением интересных сведений о Сибири, издатели пустились обезьянничать словесности и поэзии пошлой».

Стремление к образованию в сибирском обществе в это время было еще очень слабо; иркутские чиновники, по словам Цейдлера, старались только выучить детей своих грамоте и отдать их поскорее на службу; купцы приучали детей с ранних лет ходить с обозами и торговать в Якутске и Ирбите, в образовании же не нуждались. В начале нынешнего столетия, перед приездом Сперанского, были основаны две гимназии: тобольская и иркутская в 1806 году. В тобольской до 1823 года число учеников не превышало 27; увеличению числа их препятствовала теснота училищных помещений. В иркутской гимназии при основании было 35 учеников, а в 1825 году — 47. Около этого же времени открыты уездные и приходские училища в Тобольске,

[27] Название приведено неточно. Первый в Сибири литературно-художественный журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» издавался в Тобольске с сентября 1789-го по декабрь 1791 года ссыльным литератором П. П. Сумароковым. Наряду с художественными опусами сибирских интеллектуалов журнал знакомил читателей с просветительскими идеями XVIII века, научными открытиями Ньютона, Ломоносова и проч. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Иркутске, Красноярске и Енисейске. В Томске продолжало существовать простое народное училище. Кроме того, в 1821 году учреждено было в Тобольске училище для детей почтовых служителей на 40 воспитанников, которые должны были, окончив курс, поступать в почтовое ведомство. В Омске учреждено омское казачье училище – закрытое учебное заведение собственно для детей казачьего сословия – со средним гимназическим курсом. В некоторых местах Сибири открыты военно-сиротские отделения, преобразованные впоследствии в батальоны военных кантонистов[28]; по словам Вагина, из этих батальонов вышло немало людей способных, конечно, для тогдашней Сибири.

Нельзя умолчать также о попытках устройства народных училищ. В 1816 году, по настоянию Словцова, бывшего директором иркутской гимназии, основано было в Иркутской губернии до 18 народных школ. На устройство училищ пожертвовано было 5003 р.; кроме того, инородческие крестьянские общества обязались содержать училища на свой счет. Училища эти, однако же, не нашли сочувствия и поддержки в администрации Трескина и Пестеля.

Открыв школы, Трескин отказался отпускать содержание учителям из общественных сумм; общества также перестали заботиться о содержании училищ и, видя равнодушие к ним начальства, пожелали уничтожить их; вопрос об этом возбуждался несколько раз. Нельзя без удивления видеть, замечал по этому поводу губернатор Зеркалев, что губернское начальство, содействуя

[28] Кантонисты (от *немецкого* kantonist — военнообязанный) — воспитанники военных школ, набирались из солдатских детей. В 1856 году институт кантонистов в России был ликвидирован. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

открытию училищ, в то же время возбуждало вопрос об их уничтожении.

В таком положении находились образовательные средства Сибири к приезду Сперанского.

Сделавшись генерал-губернатором Сибири, Сперанский обратил внимание на устройство учебной части в этом крае; деятельным помощником ему явился Словцов, образованный сибиряк, преданный душой и телом Сибири. Как образованный человек, Сперанский не мог не поразиться невежеством сибирского населения, точно так же как почти нетронутым еще богатством края, его обширностью и значением для Азии; экономическое развитие русских владений на Востоке стало занимать его не менее, чем гражданское и политическое. 250 лет мы владели Сибирью, и из этого ровно ничего не выходило. Сперанский пытался установить на Сибирь определенную политическую точку зрения. «Я пресек много вопиющих насилий, — писал он, — но, может быть, того важнее — открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях. Край этот заслуживает государственного внимания вполне». Сперанский нашел край в крайне беспомощном положении. Сибирь страдала от массы страшных злоупотреблений; в ней не было людей, кому бы можно было доверить управление, что сильно мешало реформам Сперанского.

Невежество сибирского общества было поразительное. «Два года не видеть вокруг себя ни одного образованного человека, не слышать ни одного умного слова — это ужасно!» — писал Сперанский.

За столом у себя он часто принимал людей, вернувшихся из Камчатки, с Алеутских островов, с Ледовитого моря, из Китая, прошедших Яблоновый хребет.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Сибирь — истинная страна донкихотов», — замечает он в одном из своих писем. Он видел в то же время, что необыкновенная энергия и предприимчивость пропадали бесплодно и самая кипучая деятельность без знания дела, при темноте отважных предпринимателей, не приносила никакого результата. Страна представляла богатый научный материал, но им никто не пользовался. Генерал-губернатор, занимаясь отправкой экспедиций то к полюсам, то в степи, принужден был сам показывать обращение с компасом и учить, как следует дрессировать верблюдов для путешествия. Он же первый ботанизировал около Иркутска. Понятно, до какой степени он должен был поражаться отсутствием даже самых элементарных научных знаний в Сибири.

Одною из первых попыток его было учреждение в Иркутске ланкастерской школы, за устройство которой он принялся с лихорадочной деятельностью едва спустя месяц по приезде в Иркутск. «К счастью, со мной была книжка о сей методе, и все *вскипело»,* — пишет он 23 сентября 1819 года. Он возобновляет устройство народных училищ, погибавших при Трескине, и поручает их попечению Словцова и Зеркалева. Снесясь с министром, он обеспечивает жалованье народным учителям, предлагает крестьянским обществам открытие школ, идет толчок основанию инородческих училищ. Он оказывает свое покровительство всем, кто берет на себя заботу об открытии учебных заведений. Он поднимает упавшую навигационную школу в Охотске, заботу о ней принимают на себя князь Шаховский и Ушинский, по приглашению которых в нее начинают поступать дети казаков, мещан и якутов. Содержание этой школы было обеспечено Сперанским. В то же время в Гижиге

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

основывается школа на пожертвование купца Баранова. Во время пребывания Сперанского в Кяхте тамошний бургомистр Игумнов изъявил желание основать училище и поддерживать на свой счет ремесленное воспитание для мещан. Словцов развивает мысль соединить ученье в сибирских сельских училищах с ремеслами, как было когда-то предложено для Камчатки. В изданных Сперанским сибирских учреждениях и уставах постановлено было заводить школы не только у казаков и кочевых инородцев, но и в полудикой Киргизской степи, только что присоединенной к Сибири.

С отъездом Сперанского сибирские училища, основанные при нем, начали быстро падать: сельские училища Иркутской губернии были большею частью закрыты, так как теперь они не находили уже энергичной поддержки в местном начальстве. Скромный сибиряк Словцов, единственный способный сотрудник Сперанского в учебном деле, перестает пользоваться влиянием, оставляет практическую деятельность, поселяется в Тобольске и погружается в скромные архивные и исторические изыскания о Сибири. Учебное дело начинает опять двигаться чрезвычайно медленно на Востоке и получает безжизненный, казенный характер. 8 декабря 1828 года сибирские учебные заведения переданы в ведение губернаторов. Тогда же повелено было каждой сибирской губернии иметь по одной гимназии. Как туго и медленно приводилось в исполнение это повеление, можно судить по тому, что, кроме двух гимназий, открытых в начале нынешнего столетия, только в конце тридцатых годов открыта третья гимназия — в Томске, а предписанная по указу 1828 года красноярская

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

гимназия открылась только через сорок лет после проектирования — в 1869 году!

Число уездных училищ долго оставалось то же самое, какое было при Сперанском. По указу 1828 года было назначено их в Иркутской губернии 7, в Томской — 3, в Тобольской — 8 и в Енисейской — 2; прибавлялись они туго, и преподавание в них находилось еще в большем пренебрежении, чем во всех других училищах. Из остальных учебных заведений Сибирь имела только несколько узкоспециальных, и притом для известных сословий: омское казачье училище, теперь военная гимназия, до последнего времени, как и при Сперанском, оно считается первым по средствам и объему преподавания учебным заведением края; горное училище и духовные семинарии, которых, кроме двух прежних, тобольской и иркутской, открыто в последнее время две — в Томске и Якутске. О женском образовании до шестидесятых годов в Сибири почти не было и речи; в 1838 году было учреждено первое женское учебное заведение в Иркутске — сиропитательный дом. По плану Цейдлера, он должен был положить основание женскому образованию в крае, но заведение это иркутским обществом под влиянием попечительства купеческого сословия было обращено просто в заведение для приготовления прислуги.

В 1845 году открыт в Иркутске же девичий институт. Иркутский институт основан на началах, принятых в дворянских институтах внутренних губерний, и с самого начала стремился к аристократической исключительности, хотя в Сибири не было ни резкого разделения сословий, ни коренного дворянства, в силу чего некому было туда поступать, кроме разве детей

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

приезжих чиновников да немногих почетных граждан. В шестидесятых годах при общем пробуждении сознания необходимости женского образования открыто было несколько женских училищ и гимназий в Омске, Красноярске, Томске и Иркутске. Сибирское образование не шло выше средних учебных заведений.

Какую пользу приносили Сибири поименованные учебные заведения в эти 50 лет, можно отчасти судить по числу учащихся в гимназиях. Из недавно опубликованных отчетов о числе учеников в разные годы видно, что в первые годы после открытия гимназий в Сибири число учащихся в тобольской и иркутской гимназиях не превосходило 27–35 человек. В 1838 году число учеников едва доходит до 117 — в первой и 150 — во второй.

Затем с конца тридцатых годов начинается такой же медленный рост томской гимназии; только в 1853 году в ней число учеников доходит до 95, а в 1861 году достигает 160. В 1873 году в четырех сибирских гимназиях находилось следующее число учащихся: в тобольской — 179, в томской — 298, в иркутской — 238 и в красноярской — 183, всего 898 на всю Сибирь. Слабое возрастание числа учащихся, далеко не пропорциональное росту населения, не говорит в пользу развития учебного дела в крае. Впрочем, этот медленный рост объясняется отчасти и тем, что сибирские гимназии далеко не удовлетворяли ни местным потребностям, ни местному складу жизни. Склад сибирского общества несколько иной, чем в русских губерниях. Элементов, которые могли бы доставлять наибольшее число учащихся для гимназий, сравнительно было очень мало. Потомственных дворян и помещиков в Сибири вовсе не было; гимназии существовали преимущественно для детей чиновников,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

так как гимназическое воспитание мало удовлетворяло другие сословия.

В одном из отчетов мы читаем, что на 688 гимназистов в сибирских гимназиях приходились 431 гимназист из детей дворян и чиновников, 236 — городских сословий, т. е. купцов, мещан и разночинцев, и 21 — сельского сословия, которому гимназическое воспитание было почти недоступно. По характеру жизни Сибирь была исключительно промышленной; в ней господствовали материальные интересы; стремление к наживе исстари было преобладающим. Общество, невежественное, ничем не убежденное в пользах знания, не видело никаких наглядных примеров применимости гимназического образования в практической жизни; самая богатая часть его, купечество, не расположено было отдавать детей своих в гимназии, а учило их в лавках.

Выше мы привели отзыв губернатора Цейдлера, жалующегося на отсталость купцов. Один из путешественников по Сибири в тридцатых годах приводит следующие слова одного из даровитых представителей иркутского общества: «Мальчики наши, — говорит он, — научившись читать и писать и познакомившись с первой частью арифметики, принимаются за аршин и счеты; потом, съездив раза по два в Якутск и в Москву и, так сказать, оперившись торговыми опытами, замышляют жениться и сами производят детей». Другой старожил, жалуясь на ограниченность воспитания, говорит, что самым модным воспитанием считается у почетных и зажиточных граждан отдавать детей выучиться только грамоте, а потом пристроить их к коммерции, т. е. делать надзирателями за приказчиками (Путешествие Александрова 1828 года).

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Хотя формальное образование очень мало затрагивало сибирское общество, но последнее, тем не менее, отличалось переимчивостью, способностью к усвоению внешности, некоторого лоска и даже известной степени развития, более высшего по сравнению с соответственными слоями населения в русских губерниях. Это подмечено многими исследователями, сравнивавшими сибирское население с великорусским. Точно так же в сибирском обществе встречались самородки, люди замечательно даровитые, пробивавшие себе дорогу к образованию из самых темных слоев, из школ, повидимому, самых неблагоприятных для развития и узких по назначению. Все это обусловливалось особыми свойствами сибирской жизни.

Сибирское население было свободным триста лет ранее, чем остальная Россия, недавно покончившая с крепостным правом. Простор и богатство нового края, предприимчивость, кипучая промышленная деятельность — все это способствовало развитию умственных способностей населения. Благодаря материальному достатку оно познакомилось с внешним комфортом, а с ним приобрело и новые привычки жизни. Великорусский ум, не связанный в Сибири ни традициями, ни преданиями, избавленный от заскорузлого староверства, способнее был к восприятию нововведений. Население в Сибирь стекалось со всех сторон, как в страну поисков за богатством; передвижение здесь было довольно значительное, а сношения поддерживались от Иркутска до Москвы по транзитному пути азиатской торговли.

В Сибири жила масса людей бывалых, обмен сведений поэтому был более значительный. Граней между сибирскими сословиями было менее; жизнь с народом шла

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

теснее; сибирское население составляет как бы одну народную массу, а поэтому все заимствования, всякие сведения, всякая мода доходят в нем быстро во все слои населения. Привычки сибирского населения, как замечено исследователями, ближе подходят к привычкам цивилизованного общества, чем во всех других местностях России.

Интересы науки, случайно заносимые в сибирское общество, иногда затрагивали людей, по-видимому, не имеющих ничего общего с образованною и привилегированною средой, но это были большей частью самоучки или люди, всего менее обязанные сибирским учебным заведениям. Многие сибирские купцы как прошлого, так и нынешнего столетия отличались замечательными дарованиями, любознательностью и довольно высоким развитием[29]. Иркутский хроникер Александров указывает на некоторых иркутских купцов, обязанных самим себе известною степенью образования, людей замечательных во всех отношениях. Таких людей можно найти и в мещанской среде, в которой они оставались до смерти; например, небогатый торговец Андрей Пичугин в Томске и другой, служивший приказчиком на приисках и конторщиком по откупам, – люди, поражавшие дарованиями, смелостью ума, знаниями, особенно последний в области исторической. Пунины и Бабурины в Сибири были не редкость. Из сибирских убогих школ, из навигационных классов, из кантонистских полубатальонов выплывали личности, которые впоследствии

[29] В путешествии Фалька по Сибири упоминается о ямщиках Черепановых в Тобольске: один из них составил в 1760 г. историческую хронику, известную под именем Черепановской летописи, другой был живописцем.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

делались образованными людьми. Недавно в Тобольске умер весьма замечательный по образованию человек, целую жизнь следивший за наукой, оставивший замечательную библиотеку, хотя вышел из полубатальона кантонистов и принадлежал к выкрещенным в детстве киргизятам, когда-то покупаемым в нашей степи на положении рабов.

Достаточно проследить имена ученых и литераторов, выходивших из сибиряков, чтобы получить понятие, откуда они вышли и как шло их воспитание. Здесь мы видим детей купцов, причетников, мещан и казаков; один из ученых историков Щапов, составивший себе имя в литературе, сын дьячка и матери тунгуски; один из выдающихся естественников — сын простого казака. Обращавший на себя внимание филолог Доржи Банзаров был бурятом; талантливый путешественник в Кашгар Чокан Валиханов — киргиз[30]. Мы не считаем известных личностей, вышедших из среднего сословия. Большинство сибирских путешественников совсем не были в учебных заведениях, из литераторов многие не оканчивали курса в местных гимназиях — словом, здесь мы всего менее видим патентованной учености.

Вообще, учебные заведения в Сибири играли второстепенную роль по своему влиянию. Жизнь и развитее

[30] Валиханов Чокан Чингисович (1835–1865) — казахский просветитель, историк, этнограф. Автор ряда научных работ («Очерки Джунгарии», «Следы шаманства у киргизов» и др.), вошедших в его «Сочинения», изданные в 1904 г. в «Записках РГО». В 1855–1860 гг. служил адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорда. Предпринял ряд путешествий по Средней Азии, в ходе которых выполнял поручения генерал-губернатора и собирал фольклор, материалы по истории, экономике, географии и этнографии. Подготовил проект управления казахами Большой орды (Старшего жуза), обитавшими в Семиречье и на реках Или, Талас и Чу. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

общества шли независимо от влияния учебных учреждений, которые стояли в сибирской жизни как-то в стороне, и это будет совершенно понятно, если мы примем во внимание качество и ученое достоинство прежних сибирских гимназий. Эти гимназии основывались при самых убогих средствах; долго они не находили учителей, недостаток в которых чувствуется даже и теперь, и наполнялись людьми случайного подбора, почему-нибудь претендовавшими в Сибири на педагогическую компетентность. В сороковых и пятидесятых годах эти гимназии имели учителей из отставных чиновников разных ведомств, из семинаристов, из частных приставов; в томской и тобольской гимназиях, по воспоминаниям вышедших учеников, между учителями были полупомешанные, слепые, хромые, страдающие запоем; понятно, что при таких педагогах сибирские гимназии не могли пользоваться никаким влиянием.

Если взять число грамотных в Сибири, то их оказывается очень немного. По сведениям военно-статистического сборника, в прибалтийских губерниях приходится 1 грамотный на 19 жителей; в губерниях с земскими учреждениями — 1 на 168; в губерниях, не имеющих этих учреждений, — 1 на 471; в Сибири же — 1 на 664 человека всего населения. Относительно числа получающих среднее учебное образование Сибирь стоит также на последнем месте; сравнивая различные округа, мы увидим, что в Финляндии приходится 1 гимназист на 284 жителя; на Кавказе — 1 на 462; в Одесском округе — 1 на 467; в Киевском — 1 на 516, а в Сибири — 1 гимназист на 1100 жителей. Все это показывает решительную отсталость Сибири в учебном деле пред всеми другими областями России. Число учебных заведений в Сибири точно так

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

же весьма ограниченное. По сведениям статистического временника за 1865 год, средних учебных заведений в Сибири было 3 с 575 учащимися; низших — 16 с 1321 учащимся; народных, приходских училищ – 86 с 2671 учащимся; заводских школ – 14 с 144 учащимися; приютов – 5 с 414 учащимися; притом в Сибири не было ни одного технического, ни одного земледельческого и ни одного высшего учебного заведения. В настоящее же время в четырех гимназиях — 700 учеников; в уездных училищах по четырем губерниям — 1441 человек.

Недостаток средних и вообще учебных заведений в Сибири выступает особенно ярко при сравнении Сибири с другими областями: когда на всю Сибирь приходится 4 гимназии, в Финляндии их 6, на Кавказе — 6, в Одесском учебном округе — 9, в Киевском — 12. В Сибири между тем более 4000000 жителей; в Кавказском учебном округе 4160000 жителей; в Одесском учебном округе 4200000, а в Финляндском – всего 1200000 жителей. К тому же, надо принять во внимание расстояния одной местности от другой в Сибири, что, несомненно, имеет большое значение для распределения учащихся в Сибири. Достаточно вспомнить, что четыре сибирские гимназии расположены на пространстве 250000 квадратных миль и присоединяются к Казанскому учебному округу, который сам равняется 26705 квадратным милям. Иначе сказать, сибирские гимназии растянуты по протяжению в девять тысяч верст.

По сословиям ученики сибирских гимназий распределяются следующим образом: детей дворян и чиновников 495, городских сословий — 184, сельских — 21, следовательно, сельскому населению почти недоступно гимназическое образование. В девяти уездных

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

училищах Тобольской губернии по отчетам 1863 года видно, что детей крестьян было столько же, сколько и детей чиновников, т. е. ровно 18% общего числа учеников. В 1861 году из 1441 учащегося во всех уездных училищах Сибири было детей крестьян 275, а детей дворян — 276. Несмотря на значительную численность инородцев в Сибири, дети их почти совершенно не пользуются учебными заведениями. В других областях России, где инородцев значительно менее, чем в Сибири, они несравненно шире пользуются школами: на Кавказе в гимназиях инородцы составляют 27% всего числа учеников; в одесской гимназии их было 22%; в Казанском округе — 2%; в Сибири они не составляют и одного процента. В прежнее время инородцы принимались в омский кадетский корпус, преобразованный теперь в военную гимназию; сюда поступали дети киргизских султанов, но в настоящее время их перестали принимать и сюда.

Какое слабое влияние имели сибирские учебные заведения на увеличение образованного сословия, можно судить по числу окончивших курс в гимназиях: в иркутской гимназии в 1860 и 1861 годах окончили курс по 14 человек; с 1862 до 1865 года среднее число выпущенных из гимназии было 9 человек; затем ежегодно выходило от 6 до 11. В томской гимназии в 1871 г. окончивших курс было 23; в 1872 г. — 12 и в 1873 году — 3 человека. В 1872 г. было получено известие, что в классической тобольской гимназии окончил курс всего 1 ученик. В 1872 и 1873 годах в красноярской гимназии в VII классе находилось только 3 ученика; в 1874 г. кончивших курс было 3. Все это показывает, что прибыль образованных людей в Сибири из существующих там учебных заведений была ничтожна и почти незаметна. Гимназии,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

дававшие каждая от 3 до 9 лиц ежегодно на 4000000-е население, едва ли могли оказывать заметное влияние.

Состояние учебных средств в Сибири, о котором в последнее время мы знаем из местных корреспонденций, далеко неприглядное. Об учебном деле в Томской губернии заявляются следующие достоверные сведения: число школ далеко не соответствует обширности территории и числу жителей; они находятся без надзора, с плохими учителями; школы в селениях государственных крестьян страдают отсутствием того же правильного присмотра.

Содержание сельских учителей ничтожно — 100 р. в год; хорошие наставники не идут; в большинстве преподают священники, но они исполняют требы на больших расстояниях, заняты домашними делами, а потому не имеют времени заботиться о школах и поручают обучение лицам, уволенным из низших духовных званий, людям неразвитым и сомнительной нравственности. При таких учителях дети получают отвращение к обучению, а родители берут их из школ и отдают ссыльнопоселенцам на выучку; оканчивает курс едва треть детей, остальные две трети выходят ранее. Поэтому чувствуется особенная потребность в учительской семинарии.

Уездные училища существуют только в городах: Томске, Каинске и Кузнецке; они страдают недостатком учебных пособий. Томская гимназия поставлена в невозможность быть рассадником образования в губернии, говорит один официальный отчет, по скудости в ней преподавателей. Многие из учителей не соответствуют своему назначению. Губерния стоит вдали от университетов, способные люди не идут сюда, поэтому оканчивающие курс не приобретают достаточно основательных

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

сведений; однако ж, несмотря на эти неблагоприятные условия, гимназия в последнее время переполнена учащимися: в некоторых классах в 1873 году было до 70 учеников, тогда как по уставу допускается не более 40. Теснота здесь страшная, на каждого ребенка приходилась половина кубической сажени воздуха, между тем известно, что норма необходимого воздуха определяется тремя саженями. Переполнение гимназий учащимися побудило начальство отказывать в приеме многим желающим. Томская гимназия до сих пор не имеет своего собственного дома. Осенью 1873 года, однако ж, открыто было в ней три параллельных класса.

О состоянии учебного дела в Енисейской губернии имеются такие данные: уездных и приходских училищ здесь 4; кроме того, открыта учительская семинария, в которую в 1873 году поступили 15 человек. Несмотря на то, по отчету губернатора, в семи первоначальных школах учение не производилось за неимением учителей. Открывшаяся красноярская гимназия находится в младенческом состоянии: она также страдает недостатком учителей; кроме окончивших здесь курс троих учеников, все остальные, до пятидесяти человек, выходили из II-го, III-го и IV-го классов.

Число учебных заведений в Иркутской губернии довольно значительно: в Иркутске считается 19 учебных заведений, но неудовлетворительность их рисуется следующими словами одного из местных корреспондентов: «Учебные заведения Сибири не имеют почти учителей, и их приходится набирать из людей, не подготовленных к учебному делу. Так, например, в личном составе иркутской губернской гимназии только четыре учителя носят по справедливости это имя; остальные — юристы,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

топографы, горные инженеры, музыканты и проч.; заведующий гимназией не получил высшего образования.

Нынешний генерал-губернатор отнесся с большим вниманием к этому явлению сибирской жизни. По его настоянию в иркутской гимназии происходит ревизия, говорят, намеренно порученная тому лицу, которое производило ее в 1874 году и признало, что все обстоит благополучно; произведя же ревизию по предложению генерал-губернатора в 1875 году, оно признало, что не все обстоит благополучно». Реальная прогимназия, преобразованная в технический институт, начинает падать за неимением средств и учителей.

Состояние учебного дела в Тобольской губернии лучше всего характеризуется тем, что Тюмень, большой промышленный город, не имел до 1879 г. гимназии, а сибирские богачи воспитывали детей в уездном училище. В городе Акмолинске только в 1874 году открыто первое городское училище. А вот что пишут из Барнаула, богатейшего города Томской губернии: «В Барнауле при населении в 13529 человек до сих пор нет среднего учебного заведения; население его, промышленное и торговое, нуждается в образовании своих детей и поставлено в необходимость отправлять их в томскую гимназию, за 400 верст, и в омскую, за 900 верст, которые до того переполнены местными учениками, что иногородним недостает места. Четыре года тому назад последовало высочайшее повеление об открытии в Барнауле гимназии, но до сих пор оно не приведено в исполнение». Нечего говорить о слабом развитии учебного дела в отдаленных областях: в Семипалатинской области, по отчету 1873 года, число народно-учебных заведений сократилось на три.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

О народном образовании в Якутской области говорится в одном отчете следующее: «В области недостаток начальных народных школ, в существующие или открытые школы невозможно приискать способных учителей по весьма ограниченному содержанию, им назначенному, сравнительно с ценами, существующими теперь на все вообще потребности. Инородческое население и при желании распространения грамотности, как было замечено в самом отдаленном Колымском округе, по своим весьма ограниченным средствам и бедности жителей не может помочь делу образования открытием в своих селениях школ. Живя и имея хозяйство свое за несколько сот верст от городов, где учреждены учебные заведения, инородцы не имеют средств посылать туда детей: в самом отдаленном крае, как Якутская область, где большая часть населения находится почти в диком состоянии и исключительно в невыгодном положении, благодетельно было бы ассигновать из казны достаточные суммы на открытие и содержание начальных школ, тем более что якуты уже сознают пользу грамотности, как видно из того, что наиболее состоятельные отправляют детей в городские учебные заведения и при составлении приговоров на открытие школ ближайшие к Якутску по возможности дают часть денег на содержание при школе мальчиков из бедных семейств».

«До какой степени относительно образования и других необходимых для развитая мер обездолены некоторые обширные части Восточной Сибири, лучше всего можно видеть на Забайкальской области, — пишут в «Московские ведомости». — Население ее уже достигло 450000 человек, следовательно, уже далеко превосходит население губерний Архангельской, Астраханской,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Олонецкой, Ревельской, которые все имеют гражданские гимназии, а первые три — и духовные семинарии. По положению своему Забайкальская область важнее всех сибирских губерний, потому что чрез нее идут все те торговые пути из Китая, на которых совершаются главные торговые сношения Китая с Россией; через нее же сообщаются с Сибирью и Россией и Амурский край, и Великий океан. Политическое значение Забайкальской области еще значительнее: она одна может служить опорой Амурскому краю и через нее только можно действовать на Китай, а между тем Забайкальская область не имеет ни гражданской гимназии, ни духовной семинарии».

Между тем потребность образования в сибирском обществе с каждым днем чувствуется все сильнее и сильнее; гимназии переполнены учащимися и вынуждены отказывать многим желающим по неимению помещений для более обширного числа учеников. В красноярскую учительскую семинарию явилось такое множество желающих, что их некуда было помещать. Особенно усилился прилив в сибирские школы с введением общей воинской повинности. Потребность образования обнаружилась за последнее время основанием на счет самого общества реальной гимназии в Иркутске, ходатайством об открытии такой же гимназии в Томске, в Барнауле, в Тюмени, из которых последняя теперь уже открыта. Енисейск просит об открытии в нем классической мужской прогимназии. В то же время пишут из Акмолинска: «Открытие женской прогимназии было бы у нас величайшим благодеянием».

Все показывает, что стремление к образованию за последние годы в Сибири постоянно растет. «Местное население всегда сильно ощущало эту

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

потребность, — говорит г-н Вагин в своей истории учебного дела в Сибири при Сперанском и позднее, — оно отдавало учить детей своих всем, кого хотя сколько-нибудь считало способным к этому; оно встретило всеобщим ропотом распоряжение последнего времени, которым обучение детей запрещалось сосланным полякам; оно открывало школы везде, где находило к тому средства и где ожидало пользы от школ. Только весьма немногие города отказывались заводить у себя народные и женские школы, частью — от недостатка средств, частью из буржуазной расчетливости, в надежде, что заведение этих школ примет на себя правительство.

Частные лица время от времени жертвовали значительные суммы на народное образование, хотя и менее того, что жертвовалось на благолепие храмов. По мере увеличения числа средних учебных заведений увеличивалось и число сибиряков, стремившихся к университетскому образованию. Стремление это достигло в последнее время весьма высоких размеров. Можно почти положительно сказать, что в последнее время не идут на университетский курс только те, кто или чувствует совершенную неспособность к тому, или принадлежит к тем счастливцам, которым не нужно ни знаний, ни труда, чтобы занять известное положение в обществе, или, наоборот, находится в тяжкой зависимости от семейной обстановки... Одни из молодых сибиряков пользуются казенными стипендиями, другие, иногда без всяких средств, пешком идут в Казань, Москву, Петербург и там слушают университетский курс, перебиваясь изо дня в день частью уроками и литературными трудами, частью пособием более зажиточных земляков-товарищей. Любовь к науке доходила иногда у них до самоотвержения.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Между тем недостаток средних учебных заведений по необходимости сдерживал стремление сибиряков к высшему образованию. Можно судить, как велико было бы оно при других, более благоприятных условиях; можно судить и о том, как много потеряла Сибирь от того, что мысль о высшем заведении в течение почти 50 лет оставалась одним только проектом», — замечает в заключение г-н Вагин.

Стремление облегчить доступ сибирякам к высшему образованию выразилось основанием в Сибири нескольких обществ для пособия нуждающимся студентам местного происхождения. Такое общество действует уже несколько лет в Тобольске; подобное же общество основано в Томске. Предположено было открыть общество содействия учащейся молодежи в Иркутске для поощрения как местного населения, так и для содействия высшему образованию. Учреждение это мотивировано следующим образом: «Неимение высших учебных заведений в Восточной Сибири при невозможности ожидать, чтобы край в близком будущем приобрел их, поставляло и поставляет в крайнее, можно сказать, безысходное положение учащуюся молодежь. Так называемые казенные и общественные стипендии, во-первых, ограничены в числе, во-вторых, учреждены преимущественно в столичных университетах и медико-хирургической академии; в специальных учебных заведениях их нет; в-третьих, рассчитаны исключительно на высшее образование, тогда как подготовление к нему на месте довольно затруднено, и, в-четвертых, ограничиваются по отношению к сумме пособием от 300 до 350 рублей, в полном смысле этого слова недостаточным для обеспечения материальных нужд учащегося, тем более что, выдаваясь

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

на руки юноше, часто совершенно неопытному, пособие это расходуется не всегда производительно…

«Мы держимся того убеждения, — пишут далее учредители, — что важнейший недостаток настоящей системы заключается в том, что, высылая наших детей за пять тысяч верст, забрасывая их в незнакомую сферу, мы оставляем их без попечительного надзора, который, с одной стороны, служил бы центром соединения для юношей, с другой, не представляясь отнюдь каким-либо опекунством, стесняющим самодеятельность, являлся бы на помощь молодым людям всегда, когда они в этой помощи встретят нужду, притом безразлично, будет ли это помощь материальная или чисто нравственная».

Сибирь много теряет от недостатка специалистов, в ней нет техников, почему промышленность находится в застое. Производства развиваются туго; Сибирь поэтому не может удовлетворить себя никакими собственными производствами, она пользуется всем привозным, начиная с гвоздя (при массе своего железа) и кончая сукнами (при огромном количестве шерсти и скота). Все товары достаются Сибири необыкновенно дорого и самого дурного качества; многие сорта русских фабрик и даже кустарной промышленности имеют сбыт только в Сибири. Сибирь находится под торговым игом отдаленных местностей с их мануфактурными центрами. Между тем потребности сибирского населения все более растут, и тяжесть, ложащаяся на потребителей в силу дороговизны привозного, за отсутствием своего, все более дает себя чувствовать. Не поможет Сибири и изобилие сырья, с которым она не знает, что делать, — меха, кожи, сало она не умеет обрабатывать, хлеб ей некуда сбывать; для основания металлического

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

производства нет знаний и средств. Местное изобилие в виде скота и хлеба только понижает цены и дает прибыль одним приезжим торгашам, закабаляющим население. Таково экономическое положение Сибири.

Сельское хозяйство, скотоводство, рыболовство и пчеловодство страдают отсутствием всяких рациональных способов ведения дела. Масса скота падает в Сибири от язвы, от эпидемий, от небрежного ухода, и пособить этому недостает знаний. Молочные и скотоводческие продукты пропадают даром; множество сортов морской и речной рыбы – за неумением приготовлять и солить ее – гниет на берегах; самые богатые уловы не служат ни к чему для населения. Недостаток образованных людей дает себя знать во всех сферах труда и промышленности.

В Сибири большой недостаток учителей для учебных заведений. Недавно еще в наших газетах была публикация от министерства народного просвещения, которое делало вызов на вакантные и незамещенные должности штатных смотрителей и учителей в следующих городах: Ачинске, Нерчинске, Иркутске, Красноярске, Нижнеудинске, Киренске, Енисейске, Верхнеудинске и Троицкосавске. Еще больший недостаток в Сибири медиков. На целые округа величиной в европейские государства приходится один медик, да и тот в разъездах; целые инородческие области находятся без медицинской помощи. В Березовском крае, по словам доктора Соколова, остяки умирают от цинги, тифа, сифилиса и простуды; болезни здесь осложняются и принимают не видавшие нигде формы. По официальным сведениям, в Восточной Сибири развитие сифилиса в Киренском округе принимает третичные формы, зараженными являются поголовно

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

целые семьи и даже иногда родятся дети с уже испорченными костями. Якутская область в 70000 кв. миль с 230000 жителей имела только трех уездных врачей; в последнее время в этой части Восточной Сибири свирепствовала оспа на пространстве 7000 верст; инородческое население было заражено поголовно; в Камчатке, Гижиге и Охотске постоянно свирепствуют разные болезни; чтобы хотя несколько пособить бедствующему населению, из Петербурга командированы три врача. Мы не перечисляем подробно недостатков медицинской части в Сибири, так как это не касается предмета нашей статьи; мы упомянули об этом для того, чтобы показать, как страдает Сибирь от недостатка здесь образованных людей. Вопрос о расширении образования в Сибири стал теперь самым существенным жизненным вопросом. Но недостаток образования, кроме непосредственного влияния на практические стороны жизни, должен был отражаться и на всем умственном складе сибирского общества и его общественной жизни.

Обращаясь к современной общественной жизни сибирских городов, мы должны указать, что вообще проявление ее крайне бедно и печально. Приводим местные известия об этом предмете: «Наше сонное общество только изредка подает признаки жизни, — пишут из Омска в 1875 году, — но и то по поводу смены какого-нибудь начальствующего лица, местного скандала и т. п. Омск — тип провинциальных трясин. Проходят годы, десятилетия — и никаких признаков разумной жизни в нем не заметно. Там, где-то за Уралом, вдали, за 3, за 5 тысяч верст, происходят события: человечество вырабатывает лучшие формы жизни, борется за идеи, страдает и побеждает или временно отдыхает, усталое и побитое

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

врагами прогресса, а у нас что? Беспросыпная косность, непроглядные сумерки и никакой надежды!..»

«Судя по нынешнему благоустройству, никто не задумался бы назвать Красноярск городом вполне европейским, — пишут в том же году из другого места Сибири. — Но всматриваясь глубже, не найдешь здесь и следа серьезных общественных интересов; в подтверждение достаточно привести следующее: у нас считается весьма естественным, что ежегодно очень значительный контингент учащихся задолго до окончания курса из женской гимназии выходит замуж, а из мужской — расходится по разным присутственным местам. В большинстве случаев это делается по настоянию самих родителей. Но это бледнеет перед тем, что совершилось на днях: закрылась публичная библиотека за неимением читателей... При этом самое закрытие для самого общества прошло незаметно...» Подобные жалобы несутся из Томска, где также давно закрыта библиотека, из Тобольска, из Енисейска и других городов. Об одном из городов Сибири, Барнауле, Финч отозвался в своем дневнике, как о городе, где только любят вкусно поесть. Таков же отзыв дал о нем 100 лет назад Паллас.

Наконец, вот картина жизни Иркутска — столицы Сибири, нарисованная одним из недавно посетивших его путешественников: «Нет в Сибири города, о котором бы заботились так много и начальство, и общество, как Иркутск, — говорит г-н Ровинский, — а между тем, местные удобства жизни и гигиенические условия нигде не находятся в таком ужасном пренебрежении. Смотря на эту деятельность со стороны, нельзя не заметить, что все это было не что иное, как подражание. В Иркутске вы найдете много учреждений, которых нет ни в одном

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

городе России, общество основывает приюты, благородные институты, юнкерские училища, театры, но дело в том, что все это делается обществом не добровольно, а по предложению начальства, и каждый жертвователь норовит, чтобы его подачка подошла кстати, выставила бы его на вид.

Таким образом, это со стороны некоторых людей составляет средство к достижению известных целей и к задабриванию начальства. Иркутск, по-видимому, создал ученые и учебные учреждения, имеет благотворительные общества, клубы, как бы общественную жизнь, но все это только так кажется. Общество тут ни при чем... Надеюсь, что никто не упрекнет нас в несправедливости, если мы скажем, — продолжает г-н Ровинский, — что в Иркутске между купечеством, играющим в общественной жизни самую важную роль, царствует крайняя необразованность, потому что им негде было получить образование, а многие из них вышли из простых ямщиков или обозных приказчиков. Что касается общественных проявлений жизни, то все это делается не коренным, туземным обществом, а чиновниками, которые нынче здесь, а завтра там, которые в Иркутск попали случайно, предаются общественной деятельности от скуки и потребности фигурировать там, где, по пословице, «на безлюдье и Фома — дворянин».

Осуществлению их планов помогает только их влиятельное положение. Неумелость этих людей роняет часто дело и компрометирует его на будущее время, а более талантливые при удаче могут внести в общество такие воззрения, в духе которых действуя, можно внести в край громадное зло. Искусственно созданные, без сознания самого общества, учреждения поэтому

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

беспрестанно падают; к таким принадлежат: отдел Иркутского географического общества, общество грамотности, юридическое, медицинское, несколько провалившихся иркутских газет и, наконец, местная публичная библиотека, на которую очень быстро была собрана сумма в 4353 рубля, не считая подписчиков, но в конце концов она пришла к полному недостатку средств для своего поддержания, а городское общество показало участие в ней только тем, что вотировало раз продать ее с публичного торга на толкучку. Подобную же судьбу, говорят, испытывает ныне иркутская реальная гимназия, основанная на общественные суммы и на обещания, которые вслед за тем остались невыполненными».

Умственная жизнь Сибири при таком состоянии городов ничем себя не заявляет. В Сибири, по сведениям «Военно-статистического сборника», 19 типографий и 4 литографии, но в них не печатается ничего, кроме официальных ведомостей, худших во всей России, и официальных бланков. Участь частных типографий, недавно основанных, еще плачевнее: в Иркутске только одна частная типография; она попыталась издать календарь и, глубоко разочаровавшись, потерпев убытки на первом шагу, бросила это предприятие. В Красноярске один чиновник выписал машину и литографский станок для развития местного книгопечатания и просвещения и принужден был печатать этикетки для водок и наливок; такая же участь постигла типографию в Тюмени. На всем протяжении Сибири до последнего времени, вплоть до Иркутска, всего 2 книжных магазина или специальных продаж учебных пособий; книги в Сибирь завозятся случайно и продаются вместе с сапогами и дегтем; нечего и говорить о выборе книг. Иногда

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

достоинство книги ценится одним переплетом; только в Иркутске и Томске в последнее время основана специальная книжная торговля. Мы отмечаем это потому, что по странной случайности в одном из русских статистических сборников нашли известие, что в Сибири находятся 11 книжных лавок и 12 библиотек.

Что касается публичных библиотек, то, возникавшие в шестидесятых годах в некоторых городах Сибири, они давно прекратили свое существование. Значительное книгохранилище находится при Тобольской семинарии; богатая библиотека — при омской военной гимназии и довольно значительная — в Томске, куда жертвовали для общественного пользования книги даже богатые золотопромышленники, как Горохов, но все они остаются недоступными для публики. Есть только кое-какие библиотечки при разных ведомствах и батальонах для собственного употребления. Местное же общество довольствуется газетами при клубах, залитыми вином. Правда, при таких читальнях бывают и книги, но о подобных книжных богатствах можно судить по семипалатинской клубной библиотеке, имевшей в последнее время 15 периодических изданий и «18 разных наименований книг»!

По всей Сибири нет музеев[31], кроме небольшого горного кабинета в Барнауле, принадлежащего специальному ведомству и никем не посещаемого. Нет собрания сибирских горных пород в стране золотопромышленности; нет никаких образчиков местной минералогии,

[31] Ядринцев ошибается: в 1878 году при Западно-Сибирском отделе императорского Русского географического общества был открыт Омский музей (среди создателей был и сам Николай Михайлович), а год спустя И. Я. Словцов основал музей в Тюмени. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и на всем протяжении Сибири вы не увидите никаких доказательств алтайских и нерчинских богатств, хотя наш Эрмитаж хранит изящнейшие произведения из чудовищнейших яшм, выделанных в Сибири на колыванской фабрике, а Бийский округ изобилует 515 различными породами цветных камней. Четыре года тому назад одно частное лицо в Красноярске хотело основать музей, составленный из пород, взятых с золотых россыпей, но это ему не было разрешено, потому что одно ученое учреждение, разрешавшее этот вопрос, нашло, что подобные камни с содержанием золота должны быть оплачены пошлиной, но определить ее решительно отказывалось за незнакомством с удельным весом.

Но и существующие уже в Сибири ученые учреждения ведут свое дело вяло за неимением умственных сил. Так, сибирские отделы географического общества существуют только трудами приезжих путешественников и чиновников. Основанное в Иркутске техническое общество не имеет заседаний, а основанное в Омске общество для изучения Западной Сибири имело всего одно заседание со времени своего открытия, где произнесена была вступительная речь и придумана печать. На приглашение его никаких исследователей не последовало, и память о существовании его исчезла. Но не одни искусственно созданные ученые учреждения на Востоке терпят крушение: в последнее время в силу недостатка интереса к общественным делам, в силу неразвитости здесь не прививается даже новое городовое положение, как извещают местные корреспонденции.

Нам оставалось бы сказать о судьбе сибирской печати, как характеристике местной умственной жизни. Попытки создать эту печать начались давно. Собственно

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

периодическая печать серьезно зародилась в Иркутске, начиная с газеты «Амур». По странности, этот орган должен был служить Амуру прежде всего, а потом уже всему краю. Затем явился «Сибирский вестник» Б. А. Милютина, но продержался недолго. Создавался «Кяхтинский листок» и небольшие газеты на Амуре, но это были, скорее, домашние газеты, чем публичные. С 1875 года в Иркутске местная печать явилась более постоянной. Частный орган «Сибирь», привлекши лучшие местные силы и став во главе разработки местных вопросов, служит уже несколько лет сибирскому обществу. В 1880 году основалась частная газета в Томске.

Едва ли, однако, кто решится сказать, что печать получила прочную почву в Сибири. Потребность в ней чувствуется, очевидно, многими ввиду множества возникающих общественных вопросов, но для нее существует много неблагоприятных условий. Роль местной печати и важность ее далеко не вполне и не всеми еще осознаны. Эта печать переживает самый тяжелый кризис на почве самой элементарной гласности. То, что доступно обличениям в европейской России, то почти не допускается в Сибири. При существовании известной свободы печати в столицах положение печати окраинной представляет горький контраст. К тому же само общество или часть местных сословий часто недружелюбным и враждебным образом относится к местной печати за разоблачение многих злоупотреблений. Сибирские кулаки и монополисты являются ее первыми врагами. Сибирское общество еще не сознает, что эта печать может оказать серьезные услуги, что она — залог будущей умственной жизни, залог разумного и сознательного движения, что пока она единственное выражение общественной мысли.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Роль местной печати в Сибири уже понемногу, однако, намечается. Многие местные вопросы исключительно обязаны разработкой этой нарождающейся печати на Востоке. Несомненно, что в будущем она окажет еще более гражданских услуг местному обществу и, главное, воспитает в нем его гражданские обязанности.

Но еще чувствительнее на Востоке и в Сибири вследствие недостатка образования является отсутствие местного образованного сословия или интеллигенции. Сибирь много терпит от недостатка в ней людей образованных: все лучшее, что воспитывается в местных учебных заведениях и стремится получить высшее образование, никогда уже не возвращается в Сибирь. В Сибирь же приезжают из прочих губерний России по большей части люди с изъяном или с сомнительным прошлым. Недостаток честных и образованных людей здесь давно чувствовался, на это жаловались Сперанский, Капцевич[32], это чувствуется до последнего времени[33]. В Сибирь вызывали искусственно людей, увеличивая оклады, давая поощрения, но и эта мера почти не приводила к цели. Являлась масса людей, соблазнявшихся

[32] Капцевич Петр Михайлович (1772–1840) занимал пост генерал-губернатора Западной Сибири в 1822–1828 гг. Боевой офицер, генерал от артиллерии, участник Отечественной войны 1812 года. Вышел в отставку в чине генерал-майора, имея высокие награды (ордена Св. Георгия 2-й и 3-й степеней, золотая шпага). Энергичный, властный и требовательный правитель, противник административной реформы Сперанского. – *Прим. Ред.*

[33] Число лиц по образованию в сибирском обществе и местной администрации, конечно, трудно было определить, но все-таки и по этому поводу имеются некоторые сведения, а именно: по иркутскому календарю 1875 года видно, что в 1861 году в числе штата служащих в Восточной Сибири было в двух губерниях, с Забайкальской областью, только 39 человек с университетским образованием, 101 — с гимназическим и 271 — кончивших курс в низших училищах.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

содержанием и окладами, но самый мотив, побуждающий их ехать в отдаленный край, показывал, что сам край не играл никакой роли в их соображениях.

Конечно, приезжали в Сибирь и люди даровитые, честные, которые посвящали свои силы и способности на служение стране, но их было немного, и деятельность их была временная; зато было слишком много авантюристов, которые наделали немало зла приютившему их краю. Представители интеллигенции и знания, забравшись в Сибирь, спешили как можно скорее выбраться из нее, вывозя очень много и взамен оставляя очень мало. Ученые вывезли из Сибири редкости и опустошили архивы; инженеры и техники — лучшие образчики коллекций; предприимчивость, закинутая в Сибирь, — богатство. Обмен, таким образом, не уравновешивался, и край мало выигрывал. Из него вышло много даровитых людей, художников, писателей, государственных деятелей, ученых туземцев, которые много поработали для отечества, но вообще мало сделали в частности для Сибири.

Сами учебные заведения при таком фатальном законе играли странную роль: отчасти они сами понижались в своих достоинствах под влиянием невежественной среды, а основываемые самим обществом под впечатлением каких-нибудь случайных импульсов, не поддерживались им; с другой стороны, они способствовали выезду из края всего наиболее даровитого, оставляли его без последних ресурсов и ничем не могли вознаградить его за потери. Поэтому Сибирь представляла доселе странное и исключительное явление, это было общество без образованного молодого поколения, дерево без цветов и плодов. Положение образованного человека

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в сибирском обществе было невыносимо тяжело: среди невежественной среды, полной грубых недостатков, он являлся одиноким, не имел почвы, не было даже небольшого кружка людей, к которым он мог бы примкнуть и признать в них свое отечество. Он не находил себе поддержки и сочувствия; ученые в Иркутском географическом отделе называют себя «закинутыми» в этот печальный край. Люди со слабыми силами сплошь и рядом погибали здесь и падали нравственно (так погибла здесь, например, масса медиков и учителей).

Один из погибших в Сибири поэтов, горный инженер Бальдауф, следующим образом выражает это одиночество:

Как хотелось славой жить.
Славой чистой, славой громкой.
Но в Даурии с котомкой
Трудно славу получить.
Что певцу родные горы.
Что уступы диких скал,
Он Даурию узнал,
И из глаз катятся слёзы.

Отдел Иркутского географического общества заявил даже своей целью поддерживать нравственные силы ученых, заезжающих в Сибирь. Понятно, что многие образованные люди находили единственным спасением своих сил бегство из Сибири, и только немногие труженики решались отдавать свои силы краю. Но самое трагическое положение доставалось на долю тех зародышей местной интеллигенции, какие временами проявлялись здесь, начиная со Словцова, друга Сперанского. Такой туземец, желая приносить пользу, находил самый упрямый отпор в нравах и жизни.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Положение развитой, интеллигентной и одаренной сердцем личности среди грубого, невежественного, живущего исключительно промышленно-кулаческими интересами и пропитанного узкоэгоистическими взглядами и корыстными побуждениями общества с горечью обрисовано историком Щаповым в статье «Об отсутствии высших нравственных чувств у сибиряков». Положение это тяжело, невыносимо, но оно несравненно важнее было по своим социальным и историческим последствиям. Между местной интеллигентной личностью и обществом образовывался тот антагонизм и та грань нетерпимости, которые не приносили пользы ни той, ни другой стороне. Они обе страдали недостатками и ошибками.

Общество в силу своего непонимания не пользовалось способностями и талантами человека, который мог принести ему большую пользу: человек же интеллигентный под влиянием раздражения презирал это общество, а с ним — и местные общественные вопросы. Таким образом, нарушалась та связь, которая необходима для гармонического развития; живые части его жили отдельно, не оплодотворяя друг друга. Между тем, нигде, может быть, образование не способно принести таких благодетельных плодов, как в Сибири. Русское население окружено инородцами и азиатскими народностями. К местному населению примешивалась масса элементов, понижавших его достоинства. В это общество входила масса сосланных сюда преступников, которые растлевали нравственность общества и постоянно разрушали понятия о собственности, о праве, о личной неприкосновенности и т. д. Все это способствовало только падению и регрессу общества, а в крае

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

не было никаких средств противодействовать этому растлению и сколько-нибудь поднять это косное общество, не поднимавшееся ни до высоты гражданского долга, ни до понятия собственных интересов в целой совокупности, ни до собственного сознания. Здесь не было примеров гражданской честности, самоотвержения, возвышенных стремлений. В то время, когда Россия переживает реформы, изменяющие ее быт, сибирское общество остается в прежнем неподвижном положении. Вот каковы были последствия отсутствия местного образования.

Стремление к просвещению, однако, все сильнее чувствовалось, а потребности образования проникли в сознание общества. Что местное общество не чуждо этого сознания, доказало сочувствие и взлелеянная на сибирской почве идея о сибирском университете.

Вопрос о сибирском университете получил особенное значение в крае ввиду отсутствия в нем какого-либо просвещенного класса и отсутствия умственной жизни, той дирижирующей, управляющей функциями жизни силы, которая составляет необходимое свойство социального живого организма.

Университетский вопрос, как вопрос гражданский, был хорошо понят местным обществом; отсюда в продолжение многих лет проявлялись весьма определенные стремления этой идеи занять свое место. Ход подготовления и состояния университета в Сибири составляет весьма видный акт в истории просвещения, чтобы не остановиться на нем.

Мысль об основании сибирского университета явилась весьма давно. Еще в высочайше утвержденных императором Александром I предварительных правилах

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

народного просвещения, опубликованных при указе правительствующего сената 24 января 1803 года, постановлялось между прочим (пункт 14), что в учебных округах учреждаются университеты «для преподавания наук в высшей степени», коих в то время назначалось 6, а именно, кроме существовавших уже в Москве, Вильне и Дерпте, в округе Санкт-Петербургском, в Казани и Харькове, и затем предназначаются для университетов города: *Киев, Тобольск, Устюг Великий и другие,* «по мере способов, какие найдены будут к тому удобными».

Вследствие такого заявления правительства о намерении учредить, когда окажется возможным, университеты в Киеве и Тобольске, известный П. Г. Демидов, делая свои знаменитые пожертвования на пользу отечественного просвещения, между прочим пожертвовал в том же году 100000 рублей для предназначенных к открытию Киевского и Тобольского университетов. В письме министра народного просвещения графа Завадовского к Демидову от 6 июня 1803 года относительно этого капитала говорилось: «Что касается до сумм, которые вы располагаете за благодеяние моим училищам, то к тому ближайшее средство положить оные в воспитательный дом вечным капиталом, назначая доход от процентов, по мере капитала, каждому месту определенного; а доколе приспеет время к открытию университетов в Киеве и Тобольске, то капиталы, сим училищам от вас определенные, росли бы обращением своим, без прикосновения к оным».

Итак, уже в начале нынешнего столетия в правительственных сферах и в кругу образованных людей ясно сознавалась мысль о необходимости учреждения в Сибири

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

университета. Не приводилась она в исполнение целых 75 лет по многим причинам: отчасти ввиду более близких забот о просвещении в европейской России и о создании здесь университетов, отчасти потому, что самое осуществление сибирского университета казалось многим преждевременным по имевшемуся незначительному числу средних учебных заведений в крае и по незначительности населения в Сибири вообще, а также вследствие возникавших опасений, что в университете будет слишком малое число слушателей, что трудно будет привлечь достаточное число хорошо подготовленных преподавателей и, наконец, что таким образом значительные расходы, потребные от казны на содержание университета и на возведение нужных ему зданий, не вознаградятся в достаточной мере и не дадут желаемых результатов.

Действительно, просвещение в Сибири развивалось весьма медленно. Сперанский застает Сибирь с обрывками специальных учреждений, зиждящихся в крае без всякой системы, как когда-то навигационные школы[34] без мореплавания. Он увидел эту обширную страну страною «невежественной черни и отверженных преступников», хотя она представляла «все удобства для гражданского развития», как выражался он, и при умении пользоваться своею природою и богатствами могла стать величественной колонией России.

Сделавшись генерал-губернатором и распорядителем судеб Сибири, Сперанский не мог не обратить внимания на жалкое и беспомощное положение учебной

[34] Речь идет о навигационных школах в Иркутске и Нерчинске, открытых в 50-х годах XVIII века Ф. И. Соймоновым. В них готовили моряков и геодезистов для освоения восточных окраин Сибири. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

части в этом крае. Своими заботами и хлопотами о развитии просвещения в Сибири Сперанский привлек к этому делу генерал-губернатора Западной Сибири Капцевича и вызвал сочувствие даже попечителя Казанского учебного округа Магницкого. Сибирский комитет согласился с предложениями Сперанского, Капцевича и Магницкого, находя, что выработанные учебные проекты и высшее образование для Сибири «полезно и согласно с принятыми для управления Сибирью правилами». Таким образом, мысль о сибирском университете снова возникает.

Генерал-губернатор Капцевич во всеподданнейшем рапорте 20 марта 1823 года указывал на недостаток нравственных начал в сибирском населении, на недостаток в крае просвещенных чиновников и на невозможность сибирякам по бедности получать образование в университетах европейской России. Он докладывал о необходимости учреждения в Сибири высшего учебного заведения. Тогда же Магницкий представил проект об учреждении в Барнауле высшего училища в виде отделения Казанского университета с целью приготовлять в нем учителей для сибирских гимназий и училищ, студентов для пекинской миссии, детей сибирских чиновников — к гражданской службе, а купеческих детей — к торговле с Китаем. На содержание училища Магницкий исчислил 66750 рублей в год, кроме постройки здания и содержания пансионеров. При осуществлении своего проекта он, между прочим, имел в виду употребить пожертвованный Демидовым капитал в 50000 рублей на учреждение университета в Тобольске, который через приращение процентами в 1822 году представлял сумму в 121301 руб. 75 коп. и давал 6000 дохода.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Изыскивая новые средства, Капцевич проектировал отдавать в оброчное содержание рыболовные озера Западной Сибири, Чаны и оброчную плату обращать на содержание высшего училища.

Предполагалось на сибирский университет употребить также доходы с имения бывшей Виленской иезуитской коллегии. Но Демидовское пожертвование было передано в Московский университет, и мысль о высшем учебном заведении в Сибири, возбужденная Капцевичем и одобренная сибирским комитетом, осталась, к сожалению, без исполнения надолго. Взамен университета в 1835 году повелено было содержать в сибирских гимназиях и в Казанском университете казенных воспитанников из сибирских уроженцев, число которых было ограничено. В представлении Капцевича мы находим все те мотивы необходимости высшего учебного заведения для такого отдаленного и богатого края, как Сибирь, которые вошли в позднейшие представления. Всякий сколько-нибудь дальновидный государственный человек не мог не предвидеть, что громадный край, изобилующий в большей его части разными естественными произведениями, обладающий несметными минеральными богатствами, должен был привлечь население, которое будет нуждаться в средствах образования для подрастающих поколений, не говоря уже о значительном числе людей, живущих в Сибири вследствие служебных обязанностей, и дети которых также нуждаются в образовании.

Невозможность удовлетворения такой потребности в самом крае неминуемо должна была производить постоянный отлив молодого поколения из Сибири в европейскую Россию, где представлялись все средства для

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

получения образования, и эта часть сибирского населения в большей части случаев для Сибири была потеряна навсегда, так как, свыкнувшись с большими удобствами жизни, лишь немногие из уехавших решались возвращаться в тот край, лишая его тем самым совершенно естественного и надежного элемента для занятия должностей по всем частям местной администрации и на всех поприщах разнородной частной деятельности.

Несмотря на сознанную потребность и постоянно ощущаемый недостаток в Сибири в образованных людях, дело университета с 1835 года умолкло лет на 20. В это время на Сибирь всего менее обращалось внимания, она стала страною забытой, и даже период золотопромышленности в 40-х годах не привлек забот о просвещении края. Это был весьма темный период в жизни сибирского общества. Нечего говорить, что две гимназии могли дать самый ничтожный контингент людей среднего образования, даже если бы они стояли на уровне своего призвания.

К сожалению, эти гимназии, отдаленные, не снабженные достаточно учебными средствами и преподавателями, представляли очень долго картину убогого существования. В сибирские гимназии неохотно являлись преподаватели, а потому множество кафедр оставалось вакантными, остальные замещались людьми, случайно на них попавшими, или разными авантюристами, наполнявшими Сибирь. Среди них встречались слепые, хромые, полусумасшедшие, спившиеся с круга, люди жестокого нрава и крайне скудных познаний. «Я помню свою гимназию, — пишет один сибиряк в своих воспоминаниях, — как собрание монстров-преподавателей, которые ежедневно перед нами не столько излагали познания,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

сколько давали разные комические и эквилибристические представления; один рассказывал избитые анекдоты, над другим, немцем, глумились и хохотали до упаду, третий гонялся за нами с костылем; в коридорах и на окнах артель учеников ставила часовых, чтобы предупреждать пьющих в коридоре водку учителей о появлении инспектора. Тут было не до науки!»

Гимназии в таком виде существовали до 60-х годов. Кто же пополнял роль образователей в нескольких губерниях и областях Сибири за отсутствием просвещения? Состав местных канцелярий снабжали семинарии, бурсы, наконец, полубатальон военных кантонистов. Понятно, каких деятелей из них получала сибирская администрация. Если из низших школ выходили иногда люди способные и с дарованиями, как сообщает г-н Вагин, то не нужно забывать, что из тех же бурс и кантонистов выдвигались забитые розгами идиоты, воришки казенного имущества, безграмотные писари, выслуживавшиеся иногда до высших должностей холопством и пронырствами.

Другую часть сибирского общества воспитывали ссыльные преступники или заезжие спекулянты, которые вместе с просвещением развивали у детей пороки. Иные глумились над претензией сибирских жителей «обучаться», и какой-то ссыльный иностранец филолог обучил сына купца в насмешку татарскому языку вместо французского. Такова была судьба края, где не было правильной системы воспитания, где не было представителей настоящей науки, не было здорового воздуха умственной жизни. В такой среде настоящий просвещенный человек рисковал или задохнуться, или спешил бежать, бежать из нее, и из Сибири бежали.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Университетский вопрос между тем находился как бы под спудом. Это происходило оттого, что Сперанский и другие администраторы, мечтая о привитии просвещения, а также поднимая вопрос о высшем учебном заведении для края, к сожалению, слишком понадеялись на обыкновенный административный прием поднятия этих вопросов путем канцелярской переписки, забывая одно, что в таком деле, как просвещение, должно быть привлечено и общество своим участием, что в нем самом должна быть затронута потребность жизни — искра сознания, и что только на этом фундаменте прочны и осуществимы подобные учреждения. Мысль о высшем образовании в Сибири не могла, однако, совершенно заглохнуть, она появляется снова в половине 50-х годов. Это совпало уже с началом прошлого царствования.

Что мысль о сибирском университете не была совершенно забыта в официальных сферах, свидетельством служит всеподданнейший доклад министра народного просвещения Норова по некоторым вопросам народного образования, представленный им Государю Императору 5 марта 1856 года; из доклада видно, между прочим, что правительство в то время уже признало полезным учреждение в Сибири университета. Заявляя об этом, Норов присовокупил, что «эта благодетельная мера, если признана будет возможною, обещает великие последствия краю, которого природные богатства и местные обстоятельства ожидают также животворного содействия науки, чтобы доставить государству неисчислимые выгоды». Но предположение Норова осталось невыполненным отчасти по причинам, приведенным выше, отчасти же вследствие того, что в течение 20 лет, протекших со времени его заявления, министерство

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

было озабочено различными работами по устройству других училищ, преобразованиями их и учреждением новых учебных заведений в европейской России.

Среди непроглядных сумерек сибирской жизни можно сказать, что это был единственный вопрос, который временами освещал царивший мрак и соединял около себя общественные симпатии. В то время, когда вопрос об университете на Востоке временно замолк в Сибири и реже вызывал толки вообще в русском обществе, мы находим о нем статью в берлинском журнале, в «Архиве Эрмана», которая довольно подробно затрагивает вопрос о значении русской науки на азиатской окраине, говорит о предстоящем основании в Сибири университета, знакомит с пожертвованиями, сделанными на него, и довольно основательно разбирает преимущества различных городов, где его можно было бы открыть.

Таким образом, вопросу о сибирском университете суждено было возникать периодически. Пожертвование Демидовым было в 1803 году, представление Капцевича — в 1823-м; доклад министра Норова — в 1856 году, а последнее представление генерал-губернатора Западной Сибири, предшествующее открытию особой комиссии, было в 1875 году. С 1856 года настоятельную необходимость открыть высшее учебное заведение в Сибири начали заявлять весьма часто как лучшие администраторы, так и лица, заинтересованные просвещением края. В Тобольской губернии сторонником этой мысли явился бывший тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович[35]; в Восточной Сибири особенно сочувственно отнеслось к этой мысли учебное ведомство.

---

[35] Деспот-Зенович Александр Иванович (1829–1895) служил в Сибири в 1851–1867 гг., сначала чиновником особых поручений при

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Шестидесятые годы, столь богатые надеждами на будущее и ознаменованные реформами, не могли не вызвать ожиданий и в отдаленной Сибири, сосредоточившейся на заветной идее об университете. В это время Иркутск, получивший значение наиболее интеллигентного и первостепенного центра Сибири, принял под свое покровительство и деятельно разрабатывал ту же идею. В Иркутске об этом шли учебные советы и были делаемы неоднократные представления. В это время вся Сибирь была убеждена, что университет должен быть основан в Иркутске. Некоторые частные лица также пробовали поднять этот вопрос. Покойный профессор Эйхвальд в это время вел переписку по поводу сибирского университета с одним золотопромышленником. Г-н Сидоров предложил пожертвование 20 площадей приисков, а также до 10000 рублей в год на разработку этих площадей, но пожертвование это, о котором говорилось уже в печати, почему-то было отклонено. В тех же 60-х годах мысль об университете явилась любимою мыслью молодых выступавших сибирских писателей. Об этом писались статьи, читались публичные лекции в Красноярске, Томске и Омске, проектировалось целое общество для собрания пожертвований. Одним словом, университетский вопрос сосредоточил надежды

генерал-губернаторе Н. Н. Муравьеве, затем кяхтинским пограничным комиссаром, а в 1863 году был назначен тобольским губернатором. На губернаторском посту активно боролся со взяточничеством и казнокрадством, защищал интересы населения. Предлагал генерал-губернатору А. О. Дюгамелю максимально привлекать к общественной жизни политссыльных, т. к. в административных учреждениях Сибири остро ощущалась нехватка грамотных чиновников. С 1822 года заведовал сибирскими делами в Совете Министров. В 1873–1874 годах возглавлял работу Междуведомственной комиссии по подготовке административной реформы в Сибири. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и идеалы будущего, он отождествился вообще с лучшею будущностью края, на нем покоилась вся сила убеждения и жар молодого сердца.

В 60-х годах создалась целая литература о сибирском университете. Он сделался не чужд и массе населения. Последний горожанин, последний мещанин в глухом уездном городе говорил о нем. Бедные городские классы в Сибири и мелкое чиновничество было заинтересовано в нем более, чем кто-либо.

Так как в Сибири нет крупного и богатого дворянства, то контингент гимназий наполняется в большинстве бедняками. Оканчивая курс средне-учебных заведений, эти бедняки не могли получить дальнейшего образования, так как проезд до университетов обходится дорого. В то время, когда только некоторые счастливцы благодаря средствам или казенным стипендиям пробирались в университет, люди способные, с жаждой знания, талантом и определившимся часто призванием тонули в безвестных сферах местных канцелярий или ехали в глухую сибирскую тайгу на прииски, уходили в приказчики и целую жизнь чувствовали горечь неудовлетворенных желаний знания. Некоторые из сибирской молодежи без всяких средств путешествовали чуть не пешком, с обозами в дальние университеты; это было своего рода пилигримство[36].

Отцы, расставшиеся надолго с детьми, глубоко чувствовали разлуку: некоторым уже никогда не было

[36] До последнего времени видно, каким испытаниям подвергается сибирское юношество в погоне за просвещением. В отчетах тобольского и томского сообществ вспомоществования студентам и бедным учащимся приводятся примеры, как бедствуют дети бедных чиновниц-вдов, причетников, дети городских ремесленников, ищущих просвещения (см. газета «Сибирь», 23 и 24 номера 1879 года).

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

суждено увидеть детей своих. Лучшие силы из Сибири исчезали навсегда, чего бы не было, если бы высшее учебное заведение было на месте. Этого не могли не сознавать самые простые люди. От этого в вопросе о просвещении звучали давно наболевшие жалобы и семейные слезы, но университет сознавался в смысле и общих потребностей. Часто при недостатке знающих людей, специалистов, техников, химиков (золотопромышленники для анализа какого-нибудь камня или руды возили их в Петербург, отыскивая специалиста, и т. д.) само собою рождалось заключение: вот был бы университет, не то бы было!..

Но вопрос, столь понятный даже для простых людей, не всегда был доступен для людей, считавших себя авторитетными, но не разделявших интересов края. Некоторые умудрялись даже выставлять какие-то политические мотивы препятствием к обыкновенному общечеловеческому образованию. Так, один из видных администраторов Восточной Сибири, приобретший громкое имя в 60-х годах, по поводу вопроса об университете в Сибири выразил следующую парадоксальную мысль: «Сибирякам опасно давать высшее университетское образование, гораздо более благонадежными могут быть здесь вызванные на службу из европейской России чиновники». Такое странное заключение, не говоря уже о том, что оно совершенно неуместно, выставляло сибиряков, таких же русских подданных, какою-то враждебною народностью и вдобавок отличалось светобоязнью.

Вот несколько точек зрения, с которых этот вопрос рассматривался в местной и столичной печати в течение последних восемнадцати лет.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Потребность высшего учебного заведения в Сибири обусловливается отдаленностью страны и затруднением для туземцев отправляться за 3–6 тысяч верст для обучения в русских университетах.

Необходимость высшего образования для приобретения технических и естественноисторических знаний, без которых богатства страны оставались и остаются мертвым капиталом, а уровень материального благосостояния населения был крайне низок.

Необходимость высшего образования вследствие недостатка медиков и учителей.

В видах доставления лучших сил администрации.

В видах учреждения и поддержания таких ученых и общественных учреждений, которые теперь падают за недостатком образованных людей.

В видах вообще воспитания общества, создания в нем образованного класса и лучших умственных сил, поднятия уровня нравственности и создания гражданской честности.

В видах разработки науки на Востоке и открытий в области знаний географических, исторических, филологических и проч., которыми должна обогатиться наука, принимая во внимание обширность непочатого для науки азиатского материка.

В видах общечеловеческих целей цивилизации и распространения ее в Азии.

Ввиду воспитания инородцев и дипломатических сношений наших с соседними странами Востока.

Для усиления и сохранения русской национальности ввиду новых приобретений и присоединений на Востоке.

Ввиду ожидаемых реформ в Сибири, которые без этого являются немыслимыми.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Во многих статьях, посвященных этому предмету, выражались следующие мысли, рисовавшие в то время настоятельные нужды края.

«Число средне-учебных заведений в Сибири, — говорит г. Вагин[37], — до последнего времени было очень невелико, они страдали более или менее серьезными недостатками. Это по необходимости сдерживало стремление сибиряков к высшему образованию. Можно судить, как оно было бы велико при других, более благоприятных условиях, можно судить также, какую огромную пользу принесло бы здесь обещанное уже с 1825 года высшее учебное заведение, особенно если учреждению его будет предшествовать увеличение числа и улучшение качества средне-учебных заведений. Можно судить и о том, как много потеряла Сибирь оттого, что мысль о высшем заведении в течение почти пятидесяти лет оставалась одним только проектом...». «Потребность и жажда учиться у сибиряков в последнее время достигла весьма высоких размеров, — пишет тот же автор, — одни из сибиряков пользуются казенными стипендиями, другие иногда без всяких средств пешком идут в Казань, Москву, Петербург и там слушают университетский курс, пробиваясь частию уроками и литературными трудами, частию пособием более зажиточных своих земляков-товарищей.

Любовь к науке доходит у них иногда до самопожертвования... Просвещением Сибирь должна была доселе пользоваться только от лиц заезжих, но большинство всегда увлекали в Сибирь слухи, что «Сибирь — золотое дно», что в Сибири можно *нажиться службою* скорее

[37] Исторические сведения о гр. Сперанском в Сибири, т. II, стр. 389 и след. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и лучше, чем в других местах торговлей. Еще Сперанский заметил, что в Сибирь едут одни «титулярные советники, то есть люди, которым за недостатком образования была закрыта дальнейшая дорога».

«Мы предоставляем судить, — говорит по этому поводу другой автор, — насколько подобный случайный заезжий контингент, часто с не совсем безупречной репутацией и воззрениями, мог удовлетворять действительным потребностям края; наконец насколько он окажется пригодным при введении новых учреждений в Сибири. Признавая важное значение университета на Востоке в связи с введением реформ, без которого они не достигнут своей цели, — говорит та же статья, — мы должны прийти к тому заключению, что этим учреждением должна начаться самая реформа. Сознание высшего образования в Сибири будет иметь столь важное значение, что одно уже оно повлияет на изменение всего склада сибирской жизни. От университета создастся целая умственная атмосфера.

Можно сказать, что только с ним наступит сознательная жизнь местного общества, а самый край вступит в новую эру исторической жизни. Те же статьи, представляя ненормальное положение общества, из которого лучшие интеллигентные силы уходят, избирая ученую, литературную и гражданскую карьеру вне родины, где они не находят деятельности, указывают на недостаток гражданских чувств, бескорыстных стремлений и идеалов в крае, без которых жизнь становилась эгоистическою, сухою, черствою и грубо животною».

Наконец по поводу будущего значения университета на Востоке в печати указывалась ему следующая роль: «Оставляя в стороне те благодетельные последствия,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

которые может иметь это учреждение для края, мы хотим определить, какое он будет иметь значение для цивилизации в мировом значении в смысле просвещения и изучения Азии. Известно, что материк Азия остается отчужденным от европейской жизни, европейская цивилизация имеет весьма мало путей проникнуть сюда. Не говоря о племенах инородцев, целые миллионы азиатских народностей населяют соседние русским азиатские страны. Открытие этих народностей для европейской науки и призвание их к жизни может составить эпоху в истории человечества.

Единственное европейское население, примыкающее с севера к Азии, — население русское, чрез него должен, между прочим, пролагаться путь просвещения. Посмотрите же, какими средствами обладает это русское население для своей великой миссии. Население этого края невежественнее многих глухих провинций европейской России, оно не обладает никакими культурными средствами, не снабжено никакою умственною силою. Русское население среди могучей девственной природы часто дичает и стоит беспомощным, окруженное инородческими племенами, влияющими на него более, чем оно на них. Понятно, что отсюда является постоянное отступление от культуры русского населения, понижение расы вследствие метисации, а также обынородчение русского элемента».

Приводя многочисленные примеры этого поглощения русских инородцами, местный публицист заключает: «Ежели Сибирь еще на 50 лет останется в замкнутом состоянии и без образования, можно ручаться, что мы увидим вырождение и преображение здесь русских в самоедов, якутов, бурят и киргиз...» «Единственное

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

спасение сохранить нам свою национальность, укрепить ее и, усвоив цивилизацию, внедрить ее к другим народностям — это образование. Не нужно забывать, что просветительная миссия на Востоке должна иметь в виду, кроме света знания, внесение гуманных христианских начал в жизнь азиатских народов, привитие идей человечности и равноправия. Сослужа подобную службу делу цивилизации и просвещения на Востоке, Россия окажет услугу не одной себе, но и всему человечеству».

Вслед за этим в печати указывались и примеры, как давно уже заботятся о развитии просвещения европейские народы в своих колониях, делались ссылки на пример английских университетов в Индии, Новой Голландии, в Капской колонии. Со взглядами наших противников просвещения на окраинах могли быть сопоставлены разве взгляды полуварварской Испании, когда в прошлом столетии явилось запрещение училища в Лиме для благородных индейцев, когда основание училища в Буэнос-Айресе было отвергнуто, испанским колониям запрещено было мечтать об университете, а епископ Санта Фе настаивал на том, что креолы для того чтобы остаться верноподданными, не должны учиться ничему, кроме закона Божия.

Истощив массу аргументации, литература об университете испытывала крайнее напряжение, и ее ноты начинали уже звучать грустной безнадежностью: «Довольно к вопросу об университете,— говорит автор статьи «Сочувствие к науке на Востоке», — выражая наши желания, мы, жители Востока империи, можем утешиться одним, что среди нашего поколения есть души, которые стремятся к просвещению. Может быть, нам не удастся дожить до основания великого образовательного

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

учреждения на Востоке. Пусть глаза наши будут засыпаны песком, но наше сердце горячо билось надеждами. Пусть не обвинят все поколение, что оно не имело возвышенных стремлений. Родина вспомнит всех, кто ратовал за ее просвещение и идею науки на Востоке, она вспомнит добрые ей пожелания в день своих радостей, как они помнят ее в дни ее скорби».

Такою скорбью отзывались все эти долгие ожидания, и при таких условиях идея сибирского университета дожила до половины семидесятых годов; к ней все более примыкали чувства местных писателей, образованных людей и местного общества, она становилась излюбленною мечтою и явилась потому не случайно, не плодом одной административной фантазии, без всякого отношения к жизни окраин, как думалось людям, в первый раз узнавшим о существовании этой идеи и не знакомым с жизнью края, напротив, вполне созревшая, она ждала благоприятной минуты для своего осуществления.

В 1875 году появилось радостное для сибиряков известие в газетах о том, что новый генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков[38], ознакомляясь с нуждами и потребностями края при вступлении в управление, решился сделать государю императору представление о необходимости высшего образования в Сибири. 25 апреля 1875 г. состоялось при назначении Казнакова

[38] Казнаков Николай Генндьевич (1824–1885) с 1875-го по 1881 годы был генерал-губернатором Западной Сибири. Всемерно содействовал развитию науки, образования и культуры края. При его участии был основан в 1880 году Сибирский университет в Томске, открыты мужская (1876) и женская (1878) гимназии в Омске. Он явился одним из учредителей и покровителей Западно-Сибирского отдела императорского Русского географическою общества (1877). В 1881 году был назначен членом Государственного Совета. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Высочайшее повеление: *«Подняв уровень общего образования, дать возможность сибирским уроженцам подготовить из среды своей людей сведущих и образованных* в числе, по меньшей мере, достаточном для удовлетворения нужд местного населения, и по ближайшему и всестороннему обсуждению этого предмета подвергнуть чрез министерство народного просвещения на высочайшее воззрение соображения об учреждении общего для всей Сибири университета».

Начались подготовления, которые состояли в том, что генерал-губернатор предположил открыть новые гимназии для усиления среднего образования, как подготовительного средства для образования. С этою целью положено было открыть гимназии в Омске и в Тюмени. Но при этом новая администрация Сибири пришла к убеждению, что учреждение новых заведений этого разряда в числе, соответствующем действительным потребностям края, представляется в последнее время почти невозможным вследствие недостатка преподавателей. Без местного в Сибири университета вновь учреждаемые в ней, хотя бы в самом малом числе, гимназии, подобно тобольской и томской, будут затруднены в привлечении необходимых для них учебных сил, и по-прежнему лучшие воспитанники гимназий с выездом для получения высшего образования в европейскую Россию в большинстве случаев будут исчезать бесследно для Сибири. По-прежнему выписанные за тысячи верст и со значительными для казны издержками преподаватели, равно юристы, врачи, даже наполовину образованные чиновники, будут проживать в Сибири, тяготясь своим положением и помышляя после трехлетнего обязательного служения возвратиться обратно на родину.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Сибирь же все будет продолжать испытывать недостаток в образованных деятелях.

В новом представлении по поводу сибирского университета все эти затруднения были предвидены, и потому в нем говорилось, что к осуществлению сибирского университета приступить является вполне своевременным; в этом убеждают все чаще повторяющиеся заявления местных начальников и генерал-губернаторов о крайнем недостатке в Сибири деятелей на всех поприщах государственной службы, и в особенности о крайней затруднительности замещения вакансий медиков и учителей в средних учебных заведениях, о весьма ощутительном неудобстве замещения всех этих вакансий исключительно пришлыми силами, которые в большей части случаев оказываются не вполне соответствующими занимаемым ими местам, и, наконец, о безвыходном положении родителей, вынужденных для предоставления детям их высшего образования посылать их в европейскую Россию, где они вполне отчуждаются от семейств и их родных обычаев.

Сверх сего, Сибирь — страна, еще почти непочатая в научном отношении; ученые экспедиции, отправлявшиеся туда для исследования края, успели разработать только весьма незначительную часть имеющегося в нем научного материала; борясь с затруднениями, сопряженными с огромными переездами, экспедиции эти могли заниматься своим делом лишь урывками, извлекать научные сведения только частями. Научный центр в самой Сибири дал бы возможность сосредоточенным в нем ученым силам исследовать край с большим удобством и с необходимыми для успешности работ последовательностью и постоянством. Обилие подлежащего

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

научному исследованию материала в Сибири доказывается уже тем, что она сыздавна привлекала и привлекает в последнее время исследователей не только из европейской России, но и из некоторых стран Западной Европы. С начала прошлого столетия начали посещать Сибирь знаменитые путешественники. В начале нынешнего столетия посетили для изучения богатств ее Гумбольдт, Розе, Эренберг, Ледебур, наконец, в последние годы – Миддендорф, Котта, Брем и другие.

Прошло более тридцати лет, заключает представление, с тех пор, как дарованы преимущества приезжающим на службу из европейской России в Сибирь, и тем не менее, прискорбная действительность показывает, что ни администрация, ни суды, ни народное здоровье, ни учебное дело в этом крае не обеспечено достаточным числом сведущих, образованных и преданных своему делу лиц. В подтверждение этого достаточно сказать, что в двух только гимназиях ведомства министерства народного просвещения, существующих в Западной Сибири, недостает в настоящее время *шести штатных преподавателей* по важнейшим предметам гимназического курса, древним языкам и русскому языку со словесностью, одного по истории с географией и двух по новым иностранным языкам, и что *недостаток врачей превышает 31%* штатного числа сих должностных лиц при разных учреждениях этого края, а именно: врачей положено штатами 122, *недостает* же *39 человек.*

Независимо от сего Сибирь и вне служебного поприща не менее, если не более нуждается в полезных деятелях, без которых ее производительные средства, связанные с естественными богатствами, остаются мало исследованными. Примеры такого явления очевидны;

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

не имея университета, Сибирь из своих уроженцев не могла воспитать ни одного вполне образованного поколения, которое бы всецело посвятило ей как родному месту свои полезные силы. Мало того, в ней постоянно повторяется следующее неутешительное явление, общее для обеих половин ее: лучшие воспитанники, окончившие курс в местных гимназиях и поступившие в университеты империи, по приобретении там высшего образования в весьма редких случаях возвращаются в Сибирь, но не сравненные в преимуществах службы с уроженцами несибирскими и увлекаемые либо служебными выгодами, либо неведомыми дотоле удобствами жизни в столичных и больших городах, избирают местом своей деятельности европейскую Россию.

Таким образом, Сибирь представляет то редкое и в высшей степени прискорбное зрелище, что учрежденные в ней средне-образовательные заведения вместо того, чтобы обогащать ее достаточно образованными людьми, служат как бы средством для отвлечения из нее свежих живительных умственных сил в европейскую Россию, из которой взамен их нередко являются на службу – не без значительных для государства денежных затрат – искатели счастья, не успевшие в ней пристроиться по недостатку сведений, а иногда и сомнительной нравственности, в большинстве случаев люди, смотрящие на службу в Сибири как на дело временное, и пытающиеся при первой возможности оставить ее и возвратиться в европейскую Россию. Со времени первого заявления мысли об учреждении университета, говорит представление: народонаселение в Сибири возросло до 5000000, открытых в ней *четырех* гимназий ведомства министерства народного

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

просвещения оказывается недостаточно для удовлетворения потребности края, а учреждение новых среднеобразовательных заведений встречает затруднение по недостатку подготовленных преподавателей. Сибирь вообще крайне нуждается в людях с высшим образованием, и удовлетворить этой нужде не могут высшие учебные заведения империи, куда учащиеся должны следовать за 4–5, а иногда и более тысяч верст; словом, представляется ныне настоятельная необходимость возвысить уровень образования в Сибири, дать местным ее уроженцам средства развивать и оберегать свои умственные силы на пользу самой Сибири, что может быть достигнуто только учреждением университета в этом крае.

По вопросу о том, найдется ли достаточное число слушателей для сибирского университета – вопросу, служившему аргументом для многих противников университета в Сибири, – выяснилось следующее: 1) в гимназиях Западной и Восточной Сибири в 1875 году выдержали испытание зрелости 38 молодых людей (в том числе в Тобольске — 9, Томске — 14, Иркутске — 10 и Красноярске — 5) и 2) в 1875–1876 учебном году в четвертых классах духовных семинарий (где оканчивается общий курс и из коих дозволено поступить в университет), тобольской и иркутской, числится 31 ученик и в среднем отделении томской духовной семинарии, соответствующем четвертому классу преобразованных по новому уставу семинарий, – 34, всего в трех семинариях (из четвертой, благовещенской, сведений не имеется) 65 учеников. Имея в виду эти данные как более или менее постоянные, а также принимая во внимание стремление молодых людей к высшему образованию,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

что подтверждается, между прочим, тем, что из 23 выдержавших в минувшем году в гимназиях тобольской и томской испытание зрелости 20 заявили желание поступить в университеты и в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, можно допустить, что и при нынешнем числе средне-образовательных учебных заведений университет в Сибири имел бы ежегодно от 60 до 70 новых слушателей, считая в том числе и воспитанников духовных семинарий. Такое число слушателей вначале, бесспорно, небольшое по сравнению с другими университетами, впоследствии, по мере открытия новых гимназий и выпуска из них воспитанников, возросло бы, и, во всяком случае, университет в Сибири в самом начале своего открытия не остался бы без такого контингента учащихся, при котором возможна его деятельность с довольно значительными результатами для края. Поставив, таким образом, вопрос об университете и при объясненном выше небольшом составе слушателей на почву практической возможности его осуществления, представление полагает, что отсрочить учреждение сего заведения до времени подготовки большего числа слушателей значило бы замедлить открытие новых средне-образовательных учебных заведений и оставлять на долгое, если не на неопределенное время, неудовлетворенными потребности края в образовании достойных для него деятелей. Вот данные, которые приведены были в проекте 1875 года[39].

Затем были выражены следующие предположения: а) университет полезно бы было учредить из четырех факультетов: историко-филологического,

[39] Три года спустя представились уже новые данные об учебном деле в Сибири , которые мы приведем ниже. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

физико-математического, юридического и медицинского; б) число кафедр по каждому факультету можно было бы на первое время ограничить наиболее необходимыми и основными с тем, чтобы со временем, по мере приискания достойных профессоров и увеличения числа студентов, число их постепенно пополнялось до нормы, положенной общим уставом университета; в) сообразно ограничению числа кафедр предполагалось уменьшить число преподавателей, а следовательно, и сумму падающих на государственное казначейство расходов, произведя также возможные сокращения издержек и по некоторым другим статьям, определенным действующими штатами университета; г) за необходимыми изъятиями проектируемый университет подчинить действию общего устава университетов в империи.

Вообще, по составленному в Западной Сибири проекту штата университета предполагались значительные сокращения расходов сравнительно со штатами 1863 года, например, сокращение 63000 рублей вследствие уменьшения числа профессоров и доцентов, 12985 рублей — от предположения не учреждать на первое время факультетских клиник: на стипендии студентам назначалась сравнительно небольшая сумма — 10 тысяч рублей.

Всего относительно штата среднего по стоимости содержания университета (Харьковского) расход сокращен на 126609 рублей. Таким образом, сумма, необходимая для содержания университета в Сибири, исчислена первоначально в проекте в 212220 рублей. Сумма эта, по мнению генерал-губернатора Западной Сибири, может быть еще сокращена на 6000 рублей, отпускаемых ныне на 20 сибирских стипендиатов в университетах

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

по мере окончания курса или вообще выбытия этих стипендиатов.

Кроме того, ввиду экономической и финансовой стороны дела обращено было внимание на слишком крупные издержки, которые в настоящее время несет государство вследствие преимуществ, предоставленных приезжающим из европейской России на службу в Сибирь. Собранные по этому предмету сведения показывают, что в одной Западной Сибири на прибавочное за сибирскую службу жалованье ассигновано к расходу в 1875 году 67032 руб. 81½ коп. и что в 1874 году выдано пособий (окладов годового жалованья) вновь определенным на службу в этот край 12804 руб. 80 коп. По полученным же от генерал-губернатора Восточной Сибири сведениям назначено в этой части Сибири на 1875 год на прибавочное жалованье за сибирскую службу 65430 руб. 86 коп., а на выдачу годовых окладов жалованья вновь определенным на службу в Восточную Сибирь чиновникам употреблено в 1874 году 21687 руб. 73 коп. Таким образом, в совокупности издержки эти простираются для обеих частей Сибири до 167000 рублей в год. Необходимо допустить, что с учреждением сибирского университета и по мере приготовления в нем деятелей из уроженцев Сибири потребность в пришлом элементе служащих постепенно падала бы, а с тем вместе и расход на означенные предметы значительно бы сократился.

Сумма, необходимая на постройку университета, в представлении сибирского начальства была исчислена в 500000 рублей, причем первоначально университет должен был быть без клиник с заменою их местными госпиталями. Сумма эта была слишком ничтожна

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

даже по местным средствам, принимая во внимание, что в то же время на постройку флигелей сибирской военной гимназии было ассигновано 425000 рублей[40]. Сверх того было указано, что часть необходимых для постройки денег находится уже в пожертвовании Демидова, и капитал этот достигает 151000 рублей; затем на этот предмет может быть еще обращено пожертвование г. Цибульского в 100000 рублей, а следовательно, в 1875 году от казны понадобилось бы не более 350000 рублей. Наконец, в изыскании средств к сокращению издержек казны на этот предмет генерал-губернатор Казнаков указывал на могущую произойти экономию для казны 200000 рублей при введении вольных почт. Хотя соображения относительно вольных почт не оправдались[41], но они служили свидетельством всей напряженности в изыскании средств к облегчению казны в этом деле. Одним словом, требования по расходам на создание сибирского университета были доведены, как указывают документы, до последнего минимума.

Относительно предоставления прав и преимуществ для привлечения профессоров и доцентов в новый университет не испрашивалось ничего, как только те преимущества, которые установлены вообще для служащих в Сибири; затем предполагалось открытие

---

[40] Постройка других учреждений, как, например, Харьковского технологического института, обошлась в 2000000 руб., и сумма эта не была найдена обременительной. Штиглиц на сооружение рисовальной школы пожертвовал 1000000 р. Казалось, для сибирского университета на постройку скорее необходимо было бы 500000 р. казенных приложить к частным пожертвованиям. – *Прим. Ред.*

[41] Вольные почты в руках монополистов были бы только бременем для Западной Сибири, как доказало обстоятельное рассмотрение этого вопроса. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

на первое время лишь самых необходимых кафедр[42]. Сумма на личный состав должна была по смете не превышать 212220 рублей. Основание отделения *восточных языков,* столь необходимого для Сибири, отлагалось на неопределенное время.

Предположения и требования эти были до того умалены, ограничены, и состав университета мог явиться столь неполным, что министерство народного просвещения в своих замечаниях сочло нужным указать, что при недостаточных платах едва ли можно рассчитывать на привлечение достойных профессоров и доцентов, без чего самый университет не станет на подобающую высоту, почему необходимо для привлечения профессоров и доцентов увеличить оклады в полтора раза более, чем в других университетах. Относительно состава и числа кафедр министерство, соглашаясь в общем, нашло нужным сделать только некоторые изменения; так, на филологическом факультете вместо шести кафедр и восьми профессоров назначить до семи кафедр и девяти профессоров; на юридическом факультете

[42] В историко-филологическом факультете по проекту генерал-губернатора предполагалось только 6 кафедр при 8 профессорах и 3 доцентах вместо положенных по уставу 1863 года 11 кафедр при 12 профессорах и 7 доцентах. В физико-математическом факультете полагалось в проекте 8 кафедр при 12 профессорах и 4 доцентах вместо положенных 12 кафедр при 16 профессорах и 3 доцентах. В юридическом факультете предполагалось вместо 13 кафедр при 13 профессорах и 6 доцентах иметь 8 кафедр при 8 профессорах и 3 доцентах, причем политическая экономия и статистика соединялись в одном лице. История важнейших иностранных законодательств, международное право и история славянских законодательств совсем опускались. Медицинский факультет предполагалось сократить до 11 профессоров и 9 доцентов. По штату сибирского университета полагалось только два лектора иностранных языков (а по общему уставу их полагается четыре). – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

прибавить также по кафедре и по профессору. Вместе с тем высказано было желание не устранять для сибирского университета кафедру истории иностранных законодательств, а включить ее в состав энциклопедии права; нельзя также исключить международное право, так как оно имеет не один исторический интерес, а потому, чтобы дать хотя бы общее понятие о нем, положено соединить в один предмет «государственное право» и «общую теорию международного права». Сочтено нужным прибавить также несколько профессоров и доцентов на медицинском факультете. В общем же, увеличение против представленного проекта генерал-губернатора предполагалось только до четырех профессоров, двух доцентов и одного помощника прозектора.

Относительно постройки университета без клиник министерство народного просвещения также не нашло удобным согласиться и в общей смете полагало бы на постройку университета определить не менее 600000 рублей. Размер статей расходов на лабораторию и кабинет до 1000 руб., на ботанический кабинет 400 руб. и выписку журналов 750 руб., найден уменьшенным, так как по отдаленности сибирского университета и затруднительности высылки и получения необходимых предметов расходы эти должны бы быть увеличены. Вообще, министерство нашло нужным на постройку университета увеличить расход до 600000 рублей, а на личный состав и на учебные принадлежности просить 307820 рублей[43]. Министр финансов, со своей стороны, не встретил

[43] По штатам 1863 года с присоединением других сверхштатных сумм другие университеты получают: С.-Петербургский – 375586 руб., Московский – 466950 руб., Харьковский – 357973 руб., Казанский – 376872 руб., Киевский – 373160 рублей. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

препятствий к внесению в смету министерства народного просвещения 1878 и 1879 гг. потребных на постройку университета сумм, но с тем, чтобы в число их были зачитаемы не только суммы, уже пожертвованные на сибирский университет, но и те, которые ввиду окончательного решения вопроса об учреждении университета вновь поступить могут.

По мнению министра народного просвещения, предполагалось открытие сибирского университета с 1 июля 1879 года в составе четырех факультетов. Министр же финансов находил, что отпуск денег следует назначить с июля 1880 года с ассигнованием 100000 рублей на предварительные расходы. Окончить постройку университета предполагалось к 1880 году. Местом основания университета но первоначальному проекту был избран Омск. В таком виде согласно высочайшему повелению 24 апреля 1876 г. вопрос о сибирском университете внесен был в министерство народного просвещения, а последним — в государственный совет.

Проект сибирского университета при таких условиях не встречал, по-видимому, особых препятствий к своему осуществлению. Можно было ожидать, что открытие университета после долгих ожиданий наконец осуществится, и надежды Сибири сбудутся, но и на этот раз ожиданиям сибирского края суждено было исполниться не столь скоро, как ожидалось. Славянское движение и война с Турцией, как и финансовые обстоятельства России, еще раз отодвинули этот вопрос, почти решенный, на второй план и приостановили практическое осуществление начатого дела. Самый проект учреждения университета, к сожалению, далеко не привлек должного внимания столичной печати и общества и не вызвал

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

всестороннего обсуждения, может быть, благодаря тому, что самый проект не был опубликован. Один только пункт этого проекта вызвал внимание общества и печати, напомнив, что проект этот рассматривается. Пункт этот касался избрания города для сибирского университета и, играя, по-видимому, второстепенную роль, получил, тем не менее, первостепенное значение для края. При этом нужно иметь в виду обстоятельства, которыми избрание места для университета сопровождалось.

Когда-то, по мысли жертвователя Демидова, предполагался местом для основания университета Тобольск, но город этот давно потерял свое значение центра и митрополии Сибири. В 60-х годах предполагалось основание университета в Иркутске как пункте, получившем особенное развитие в крае, но впоследствии не раз высказывались преимущества Томска как центрального пункта для обеих частей Сибири. При поднятии вопроса об университете в 1875 году большинство полагало, что выбор падет на Томск, как на самый видный город Западной Сибири, обладающий всеми необходимыми для университетского города условиями. Таково же было ожидание жертвователя, давшего в числе первых 100000 рублей на основание Томского университета. Но административные соображения заставляли проект высказаться за Омск — город, находящийся на окраине, а не в центре Сибири. Несмотря на все аргументы в пользу Омска как города будущего и его административные преимущества, мысль избрания его резиденцией университета, противоречащая вообще интересам сибирского края и общества, явилась вдобавок неожиданностью для сибиряков и, понятно, вызвала самые горячие протесты. Омск представляет в Западной Сибири

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

довольно большой, но преимущественно чиновничий город, имевший когда-то военное и административное значение при завоевании киргизской степи; но и это значение с покорением степей в значительной степени утратилось. Находясь в стороне от главного Сибирскою тракта и центра населения, он угрожал сделать университет пустым. Наконец, город Омск переполнен исключительно элементом наезжим, временным и никакой связи с страною не имеющим; для самих приезжающих он играет роль только временной станции[44]. Вот почему общественное мнение Сибири весьма решительно выступило против Омска, а местная и столичная печать решительно отдавали преимущество городу Томску.

История этой борьбы и соперничества городов за университет составляет яркий эпизод и живую страницу общественной сибирской жизни. Сибирские городские общества по этому поводу составляли многочисленные адреса и представления. Вот что писал, например, томский городской голова: «Последние петербургские газеты и телеграф принесли в Томск давно ожидаемую с нетерпением весть о близком окончательном решении вопроса относительно дарования Сибири первого университета. Такое важное, можно сказать, историческое событие для Сибири побудило нескольких гласных, как представителей всех слоев общества, обратиться ко мне с заявлением назначить в одно из заседаний думы вопрос об обсуждении обстоятельств, относящихся к этому делу. Разрешая учреждение в Сибири университета,

[44] Из взвешенных и рассмотренных доводов и числовых данных, рассмотренных в особой комиссии при государственном совете, оказалось, что Омск не обладает ни одним из преимуществ для университетского города по сравнению его с Томском. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

правительство в благом попечении о нуждах края имело несомненно целью предоставить жителям Сибири дать детям своим высшее образование без излишних затрат, неизбежно сопряженных с отправкою для обучения в университетские города европейской России. Для достижения этой цели местопребывание университета, конечно, должно быть избрано в том из городов, который не только находился бы в центре Сибири по своему географическому положению, но в то же время был бы в тесной связи со всеми городами не одной только Западной Сибири, но и всей Восточной. Таким центральным пунктом является город Томск».

Разобрав все аргументы за Томск и Омск, а также указав значение этих городов вообще для края, представитель томского городского сословия говорит в заключение: «Все эти доводы и факты приводят, с одной стороны, к несомненному убеждению, что учреждение университета в гор. Томске было бы далеко полезнее для обеих частей Сибири, и указывает, с другой стороны, что университет г. Омска рискует остаться вовсе без слушателей и быть закрытым или переведенным в тот же Томск. Но газеты сообщают за положительное, что университет учреждается в Омске.

По предложению генерал-губернатора Западной Сибири, последовавшему в декабре 1875 года, об уступке в гор. Томске места под университет, граждане этого города с глубокою признательностью и готовностью в 19 день января единогласным решением думы сделали уступку 35000 квадратных сажен лучшего места под университет, и в тот же день гражданин города Томска Цибульский пожертвовал 100000 рублей на устройство предполагаемого в гор. Томске университета. Если

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

бы даже отведенное место по каким-либо причинам было признано неудобным, то граждане Томска ввиду того громадного значения, какое имеет университет для Сибири, не затруднятся отвести другое место, которое будет избрано, лишь бы только учреждаемый университет по своему месторождению удовлетворял удобствам жителей всей Сибири; причем можно надеяться, что в таком случае местное купечество не затруднится на пожертвования, и пример Цибульского найдет многих подражателей.

Известие о предполагаемом открытии в городе Томске университета было встречено сочувственно всеми жителями Восточной Сибири, как это было видно из личных заявлений и отзывов в газетах. Зная убеждение всех сибиряков, что г. Томск есть центральный город Сибири, граждане города Томска не сомневались, что университет будет учрежден здесь, и потому не принимали никаких ходатайств и им до сих пор неизвестны причины перемены первоначального взгляда правительства, если таковая действительно состоялась, как видно из газет. Если принять за основание учреждения университета в Омске большую возможность надзора за учащимися высшего центрального управления, находящегося в том городе, то граждане города Томска полагают, что было бы удобнее перевести высшую учебную администрацию в город Томск, чем рисковать университету остаться без студентов».

Точно так же характеристичен и другой документ, адресованный министру народного просвещения от имени жертвователя на сибирский университет Захара Михайловича Цибульского: «Ни в одной части России общество не прочувствовало так глубоко недостаток

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

высшего образования, как в отдаленной от умственных центров Сибири. Поэтому известие о намерении правительства учредить в Томске университет было встречено сибиряками с невыразимым восторгом. Наши начинания, касались ли они науки и воспитания, городского хозяйства или промышленности, почти всегда оказывались дурно исполненными вследствие недостатка знания; мы желаем исследовать Сибирь для себя, а между тем к нам приезжают норденшельды, бремы, представители чужих интересов.

Мы жертвуем деньги на приюты, городские и сельские школы, но заведения эти не приносят всей ожидаемой от них пользы по неимению хороших преподавателей. Нам должно заботиться о городском благоустройстве, ассенизации наших жилищ и улиц, но где взять исполнителей? Неисчерпаемые естественные богатства Сибири лежат нетронутыми, ожидая умелых рук для их разработки. Приведенные и другие подобные задачи – не вымышленные, а действительные и насущные – разрешаются в благоприятном смысле, когда в Сибири будет рассадник высшего образования. Вот почему весть об университете была встречена единодушным сочувствием, которому в особенности содействовало удачное избрание Томска университетским городом... Не буду повторять доводы за Томск, — говорил жертвователь, — изложенные в представленном ходатайстве Томской городской думы. Взгляды Томской думы разделяют другие города Сибири, из которых некоторые присоединились к ходатайству за Томск.

Услышав о намерении избрать Омск университетским городом, Енисейская дума по постановлению 15 июня 1877 года ходатайствовала чрез местного

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

губернатора и посылала телеграмму Вашему Сиятельству, доказывая преимущества Томска. То же самое сделала Верхнеудинская дума по постановлению своему 12 июля. Красноярский городской голова в письме от 5 июля за №1169 выражал томскому голове, что его общество сочувствует устройству университета в Томске, но что, к сожалению, время для ходатайства о том, по мнению этого общества, упущено.

Барнаульский городовой староста писал в июле, что тамошнее общество, безусловно, разделяет воззрение Томской думы, но оно не может официально высказаться, потому что там не введено городовое положение. Это ясно доказывает, что сочувствие к Томску не вытекает из эгоистической заботы одних лишь его граждан о выгодах своего города; такое узкое воззрение не заслуживало бы поощрения. Пусть откроют в Сибири две подписки: на университет в Омске и на университет в Томске; тогда увидят наглядным образом, что первому никто не сочувствует, на второй же посильные приношения деньгами, учреждением стипендий и т. п. потекут широкой рекой. Ошибаться в выборе пункта для университета значило бы дискредитировать здесь самую идею высшею образования, отдалить ожидаемые для Сибири от университета благие результаты, может быть, на целое столетие».

Таким образом, в Томске сосредоточивались сочувствующие ему заявления со всех городов Сибири. Иркутская дума сделала в полном собрании открытое заявление и представила министру народного просвещения следующий адрес: «Учреждение университета в Сибири будет, без сомнения, признано третьей эпохой в исторической жизни этой страны... Университет

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

с начала нынешнего столетия был заветным желанием Сибири, и город Иркутск может с уверенностью сказать, что в нем и зародилась, и долгое время зрела мысль об университете. Но когда эта мысль вполне созрела и стала близка к осуществлению, когда возник практический вопрос: где быть университету, город Иркутск, движимый чувством справедливости и интересами не одной Восточной, но и всей Сибири, уступил свое право Томску. Никто в Восточной Сибири не возражал против преимуществ географического положения Томска. Не то произошло, когда прошла весть, что местом основания сибирского университета предполагается Омск. Если нам придется посылать своих детей за три тысячи верст, то не лучше ли по-прежнему отправлять их в Казань или в столицы, где более и образовательных средств, и самая жизнь удобнее и поучительнее. Таково общее мнение Восточной Сибири.

Иркутская городская дума вследствие сношения Томской думы уполномочила меня почтительнейше заявить Вашему Сиятельству, что основанием университета в Омске только вполовину будет исполнено желание Сибири, жаждущей высшего образования, что университет в Омске далеко не будет иметь того значения, какое имел бы, находясь в центре и на великом пути от Атлантического к Тихому океану, и что, наконец, если Иркутск охотно уступил Томску великое право иметь в своих стенах рассадник высшего образования, то уступить это право отдаленному и малоизвестному Омску для него больно и прискорбно. Исполняя поручение Иркутской городской думы, имею честь заявить вашему сиятельству о желании моих сограждан, чтобы дело о даровании университета Сибири завершено

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

было в духе общих желаний сибиряков, которые питают надежду, что в деле такой важности голос их будет выслушан и их соображения приняты во внимание при указании места, где быть сибирскому университету. Заступающий место иркутского городского головы Николай Лаврентьев».

Значительная часть городов Сибири и обществ сгруппировались, таким образом, около Томска, города Восточной Сибири, все высказались за него; из городов Западной Сибири только Тобольск и Тюмень заявили некоторый партикуляризм. Тобольск по традиции решился сам заявить себя в кандидаты, а Тюмень высказалась за Омск, как ближайший к ней город. Комиссия, учрежденная для рассмотрения вопроса о выборе города для университета, взвесила все аргументы, высказанные за тот и другой город, оценила их вполне беспристрастно и отдала предпочтение центральному пункту Сибири — Томску.

Вслед за результатами суждений комиссии и окончательным решением вопроса государственным советом в пользу Томска[45] местные симпатии общества к сибирскому университету выразились новыми пожертвованиями. Томское общество внесло 25000 рублей на клиники и 5000 рублей на покупку книг для библиотеки. На приглашение генерал-губернатора Западной Сибири А. М. Сибиряков пожертвовал 100000 рублей на устройство кабинетов, он же внес на покупку библиотеки 10000 рублей. Из других жертвователей Трапезников внес 10000 рублей, Пермикин — 1000 рублей, Богдано-

[45] 1 мая 1878 года вопрос о сибирском университете окончательно решен в государственном совете в пользу Томска, и состоялось затем высочайшее повеление. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

вич ассигновал сумму на стипендию; наконец несколько лиц заявили желание пожертвовать библиотеки, вместе с тем начали стекаться приношения для музеев.

Вопрос, таким образом, снова приобрел прежние симпатии и сочувствие сибирского общества. Нельзя было упрекнуть в этом случае сибирское общество в равнодушии. Весть об утверждении университета в Томске принята сибирским обществом с живою радостью и восторгом. «Да будет эта радостная весть для Сибири действительной радостью», — писала одна местная газета. При всяком благоприятном известии об университете телеграфные депеши в Томске печатались золотым шрифтом, выставлялись в лавках и расходились по рукам. Частные пожертвования производились без всякого вынуждения, добровольно и с сознанием важности дела.

Финансовая сторона университетского вопроса между тем находится, как известно из опубликованных данных, в следующем положении:

демидовский капитал составляет ныне	150000 руб. с %[46]
пожертвование коммерции советника Цибульского	100000 руб.
пожертвование А. М. Сибирякова	100000 руб.
им же пожертвовано на библиотеку	10000 руб.
томским обществом на устройство клиник пожертвовано	25000 руб.
томскими жителями на покупку книг для университета	5000 руб.
Трапезниковым пожертвовано	10000 руб.
Пермикиным	1000 руб.
красноярским почетным гражданином Кузнецовым	500 руб.

[46] Демидовский капитал, как известно, в 1803 году состоял из 50000 р. ассигнациями, с процентами он должен был составить гораздо более 150000 р. серебром, по какой-то случайности он, как говорят, несколько лет находился без всякого приращения. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Пожертвования эти, не считая стипендий, как Богдановича и томского общества, а также жертвуемых библиотек, простираются одними деньгами более 400000 рублей.

Как бы в ответ, однако, на выраженные опасения и высказываемые затруднения жертвователь на университет З. М. Цибульский внес в 1879 году вновь 40000 рублей для осуществления скорейшей закладки университета. Эта новая жертва прибавила частный капитал[47]. Правда, некоторые находят, что предполагаемая сумма по смете 500000 рублей на постройку слишком ограничена даже для Сибири, принимая во внимание постройку клиник, кабинетов, музеев и т. д., но на это отвечают: «Пусть будут заложены первые камни на университет, в крайнем случае, в Сибири найдутся средства окончить дело, этому ручательство — уже существующие пожертвования. Пусть университет наш не будет отличаться пышностью, — говорят местные патриоты, — пусть это учреждение будет на первое время скромным и небогатым, как дом пионера-колониста. Высшее учебное заведение должно блистать не внешностью, пусть оно блистает ярким лучом знания и истины».

Действительно, слишком много пропущено времени, чтобы не желать самого скорого осуществления этого учреждения. Открыть его предположено было по внесенному проекту в 1880 году. Как видим, университетский вопрос в Сибири пережил много перипетий, чересчур долго ждал своей очереди, и как бы ни было неразвито

[47] Из речи профессора Флоринского при закладке университета в 1880 году видно, что к этому времени частные пожертвования достигали 354000 р., на учебные пособия 100000 р., на стипендии 31000 р., всего 485000 р., и, кроме того, скопилось 35000 томов пожертвованных и купленных книг.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и незрело сибирское население, едва ли на нем одном лежит за это ответственность. Причина, почему университетский вопрос в Сибири, выступая не раз, не мог получить надлежащего направления и разрешения, заключалась не в том, что вопрос этот являлся преждевременным и недостаточно выясненным, но в том, что на него не было обращено достаточно внимания, и что стремление сибиряков и ожидание ими реформ не всегда совпадало с ходом и настроением общественной жизни в европейской России. Это объясняется отдаленностью сибирских провинций, где жизнь несколько отстает, а требования ее опаздывают. Положение окраин между тем нисколько не улучшилось, и нужды просвещения дают себя по-прежнему чувствовать.

Вот что говорит по этому поводу один из официальных отчетов Сибири за 1878 год: «Народное образование в Западной Сибири далеко не находится на надлежащем уровне. Стремление к образованию проявляется во всех слоях общества, но желающие учиться поставлены в весьма неблагоприятные условия по недостаточному числу учебных заведений. Большинство населения, особенно женщины, до сих пор еще остаются безграмотными. В развитии общественной жизни явно сказывается недостаточность местных средств высшего образования. Хотя правительство постоянно старается привлечь на службу в Сибирь образованных лиц, предоставляя им разные льготы, но эти усилия не достигают цели. Если в Сибирь и попадают вполне достойные лица, то они скоро до такой степени начинают тяготиться суровыми, непривычными для них условиями ее быта и отдаленностью от центра империи, что при первом удобном случае покидают Сибирь. Даже уроженцы ее, более

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

способные из учеников местных учебных заведений, уезжая для своего образования в европейскую Россию, свыкаются там с лучшею обстановкою жизни и редко возвращаются на родину.

Вследствие этого население остается без врачей, сельские и городские училища нуждаются в учителях, судебные места — в лицах, имеющих юридическое образование.

Но, кроме практических целей, еще важнее является наряду с высшим образованием поднятие вообще уровня общества и создание образованного класса, который сознательно отнесется к своей жизни, выдвинет передовые задачи развития и, может быть, изменит самую будущность края, создав зародыши цивилизации в Азии.

В университете, таким образом, лежит все будущее страны и нашей роли на Востоке. Это весьма плохо понимали люди, не принимавшие во внимание положение края и не знавшие историю сибирского просвещения. К сожалению, университетский вопрос в Сибири имел своих антагонистов и противников.

Некоторые находили, что университет для Сибири преждевременен, потому что она еще мало населена, что ей недостает гимназий, другие же относились к вопросу совершенно равнодушно, так как были в Сибири людьми временными, заезжими и, стремясь управлять судьбами края, не заботились узнать о его нуждах. Во всех этих мнениях сквозила та грустная черта нашего характера, которая делает нас непростительно невежественными в разрешении наших народных и внутренних вопросов. Изрекая свои приговоры, мы не заботились узнать наших окраин и в провинциях, связанных тесными узами с остальною Россиею, не хотели признать

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

прав на человеческое развитие и образование, доступное каждому человеческому обществу.

Кроме консервативных и реакционных аргументов, слышались нередко мнения о рановременности университета для Сибири и из другого, более либерального лагеря. Так, одним из серьезных и заслуживающих внимания выставляется тот довод, что при малочисленности слушателей университет для Сибири будет слишком дорогой роскошью, что средства, предполагаемые на него, лучше употребить на стипендии в других университетах или на народное образование, в котором масса населения более нуждается. Опыт России доказывает, говорили по этому поводу, что одно высшее образование не составляет полного развития страны, что университетская наука часто дает одностороннее развитие, и университеты воспитывали «баричей»; в Сибири университет также будет достоянием богатых классов, а не народа. Сами учреждения приносят пользу только при подготовке народа, доказательством чего приводили неудачи земского сельского самоуправления за недостатком народного развития и воспитания. Преувеличенные надежды сибиряков на университет поэтому люди такого сорта старались охладить.

Напротив, как молодой колонии и юному обществу, начинающему свое развитие, ей предлагали сделать *опыт развития* на иных началах. Ей предлагали все средства и силы направить на первоначальные школы, предпочтя их всем реформам: земской, судебной и самому университету; подобно Американским Штатам, ей советовали широко раскинуть сеть первоначального народного воспитания, а потом на этом фундаменте устраивать дальнейшую судьбу свою и строить другие учреждения.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Как ни были серьезны и доброжелательны подобные доводы, но они не могли переменить сложившегося убеждения и не всегда выдерживали критику. Местные жители, правда, возлагали чересчур большие надежды на университет и выставляли его пионером реформ, но нельзя сказать, чтобы образованные сибиряки упускали из виду и другие реформы. Напротив, они смотрели на университет, как на могучий рычаг, который дает средства создать и другие учреждения. Сравнение отдаленной Сибири с Америкой и рекомендация следовать ей в деле подготовительного народного воспитания как ни были лестны для местного патриотического чувства, но они слишком расходились с грустной действительностью и положением края, чтобы быть принятыми.

Кто мог явиться творцом народной школы в широком смысле, и какие для того существовали средства в Сибири? Заботы о сельской школе здесь должны были выпасть на долю тех же заседателей и земской полиции. Насколько бы подобные школы удовлетворяли своему назначению — это вопрос. Большинство сельских школ в Сибири существует номинально, крайне искусственно и не достигает цели при крайне неудовлетворительном составе преподавателей. Творцом настоящей народной школы могло явиться только земство, которого в Сибири еще нет. Поэтому совет сосредоточить все внимание на народной школе, обойдя все реформы, без средств и учреждений, которые должны бы были руководить ею, являлся весьма мало практичным.

В ответ — не обольщаться реформами земской, судебной и другими, так же как ролью русских университетов, – сибиряки с полной справедливостью могли ответить своим противникам: «Вам хорошо говорить

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

о недостатках этих учреждений и относиться к ним критически, когда вы их достигли, и ваши идеалы и требования расширились, позвольте же нам самим достигнуть тех же учреждений, которым вы обязаны своим более широким миросозерцанием». Говоря о народной школе, не нужно забывать, что земство, гласные суды — такая же школа в народном воспитании и что первая без последних точно так же будет весьма мало действительна.

Недостаток средне-учебных заведений и гимназий хорошо ощущался сибиряками, но само увеличение гимназий, а стало быть, и контингента лиц для будущего университета, зависело не от них, оно было немыслимо без учреждения высшего учебного заведения, так как создание гимназий не подвигалось за недостатком в существующих гимназиях преподавателей. Таким образом, устранение университета и недостаток гимназий ставили Сибирь в безвыходный cercle vicieux[48] прежнего существования. Вот почему сибирское общество и местные сторонники университета не могли удовлетвориться представляемыми им возражениями, а самые идеальные обещания заставляли их только горячее желать вместо заоблачных журавлей получить реальную синицу в руки. Желание и стремление местного общества стояли на более действительной почве местных нужд и формулировались в определенные тезисы.

Трудно, конечно, сказать что-либо против первоначального народного образования Сибири, на важность которого указывают многие опекуны, но оно не устраняет вопроса среднего образования и вопроса университетского. Напротив, именно при развитии последних оно должно будет сосредоточить особое внимание

[48] С французского – «порочный, замкнутый круг». – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

общества ввиду особенностей сибирской жизни. Просвещение массы и рабочего населения совершается обыкновенно посредственно и непосредственно. Около цивилизованных центров и вблизи больших городов просвещение проникает в сельскую массу всеми путями. В стране, изолированной и отдаленной, как Сибирь, где нет больших просвещенных центров, не имеется этих условий. Благодаря свободному, равноправному и передвижному бывалому населению в Сибири, правда, замечается в крестьянине и простолюдине несравненно большая развитость и сметливость, но оно малограмотно[49].

Культурные привычки, хотя и быстро принимаются, но редко проникают. Нравы населения грубы. Поэтому знание здесь более чем необходимо. Ибо борьба с природой выступает здесь сильнее: благодаря удаленности жизни в лесах и промыслам одичание совершается быстро. Местное население притом находится в соприкосновении с инородческими племенами, которые, невольно влияя, понижают расу и заставляют еще ниже отступать невежественного человека. Кроме того, она живет под влиянием деморализующего ссыльного элемента. Вследствие того здесь происходит усиленное развращение и разнуздывание природы, ничем не уравновешиваемое и не смягчаемое. Распространение же народного образования должно иметь, по всем вероятиям, значение гуманизирующее.

Мы имеем основание говорить о нуждах народного образования в Сибири особенно теперь, когда идет дело

[49] В европейской России, в прибалтийских губерниях с земскими учреждениями — 1 на 168, в губерниях без земства — 1 на 471, в Сибири же — 1 на 664 человека. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

о создании университета; причем необходимо позаботиться, чтобы само знание не стало достоянием одного класса общества; чтобы сам университет не сделался орудием, которым воспользуются одни люди, ставящие своей задачей эксплуатировать труд, иначе — чтобы он не послужил для одних промышленных целей монополистов и богатого торгового класса. Без сомнения, плохой бы был выигрыш, если бы из грубых кабалителей образовались в стране только более утонченные. При односторонности развития местного общества этого можно опасаться. Вот почему необходимо желать, чтобы распространение народного обучения и образования дало ту же возможность знаний и для трудящегося населения. Оно явится полезным дополнением и помощью самому университету.

Если в европейской России можно еще мечтать — и только мечтать — об одном культурном классе из землевладельцев, то в Сибири по историческим условиям, по составу населения, по условиям земледельческого хозяйства даже и мечтать об этом невозможно. Здесь образование должно составить силу и средства народной жизни, непосредственно разделяемое всем населением.

Только при известном развитии население найдет средства помочь себе.

Не забывая девиза, что от просвещения и привития знания на Востоке зависят наша сила, могущество, богатство и вся будущность его, пора нам обратить внимание на наш Восток, пора сделать что-нибудь и для него. Обширный сибирский край с его разнообразными нуждами требует разрешения в нем многих существенных вопросов, касающихся не только его одного

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

исключительно, но и целого русского общества. Край богатый и разнообразный, пролежавший века без пользы, требует, наконец, разработки.

Неизбежное соединение железною дорогою Дальнего Востока с центром России, т. е. Азии с Европой, должно вызвать в крае предприимчивость; необходимо, чтобы на помощь ей пришли наука и знания, иначе предприимчивость будет направлена не туда, куда следует, а задохнется под давлением невежества. В жизни края выступает целый ряд вопросов: колонизационный, торговый и промышленный, вопрос о прекращении ссылки, об уничтожении кабалы инородца и эмансипации азиатского раба наряду с освобождением других дает здесь другой жизни и света!». Не пора ли в самом деле дать свет этому краю?..

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Будущность страны и условия ее преуспевания

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

XI

Наступающий момент сознательного отношения к своей истории. — Сибирь как колония России. — Характер земледельческих колоний по определению Рошера. — Успехи развития колоний у различных народов. — Английская и испанская колонизация. Всякая национальность вносит свой характер и институты. — Общие черты колоний. — Чего недостает русским колониям. — Необходимые условия процветания. — Будущность края.

Обозрев современное положение Востока и Сибири с ее современными нуждами и вопросами, совершенно естественно будет подвести итог ее прошлому существованию и выразить взгляд на будущее. Сделать это тем своевременнее, что край оканчивает 300-летие и вступает в новый фазис исторической жизни. Наступает время сознательно отнестись к его жизни, определить момент, переживаемый им, создать ему роль в будущем и рассмотреть те условия, которые могут благоприятствовать его развитию.

Русский народ своим расселением на севере и Востоке достаточно доказал свои колонизационные способности. Что России суждена по положению колонизаторская роль и что она сама похожа скорее на огромную колонию между Западом и Востоком, это угадывают европейские писатели, занимающиеся ее судьбой. Такой взгляд проведен Леруа Болье в последнем его сочинении о России[50]. Тем более характеристика колонии приложима к Сиби-

[50] L'Empire des Tsars et les Russes, par Leroy Beaulieux, p. 40, 41,42. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ри. Действительно, сравнение Сибири с Америкой весьма часто встречается и, так сказать, само напрашивается. «Вместо края, пригодного только для ссылки, Сибирь, и особенно Западная, — говорит одна статья по поводу трехсотлетия Сибири, — представляется обширным запасом земель для переселения того избытка русского населения, который, естественно, будет образовываться при существующей системе земледельческой культуры. Здесь наши «Соединенные Штаты», и ни одно государство не поставлено так выгодно, как Россия, в отношении возможности посылать своих эмигрантов не за моря, а селить у себя рядом»[51]. Другая статья по тому же поводу делает то же сближение. «Мы обращаемся к сравнению Сибири с другой страной, которая имеет много общего с ней в своем физическом устройстве и в первоначальной истории. Мы говорим о Североамериканских Соединенных Штатах, которые отличаются от Сибири только своими южными провинциями и широким развитием береговой линии. Но причины быстрого развития Соединенных Штатов лежат не на юге, и притом близкое соседство с двумя океанами для американской республики важно только в торговом отношении; для Сибири есть другие выгодные условия, которые, может быть, даже перевешивают преимущества Америки: близость и соседство разных азиатских государств, которые надолго еще могут быть обширными рынками для нашей внешней торговли, обмен произведений собственно с европейской Россией и т. д. Рассматривая карту Америки, невольно любуешься на ее равнины, горные цепи и могучие речные системы, которые имеют так много общего с рав-

[51] «Новое Время», 26 октября 1881 г., №2034. Сибирский юбилей. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

нинами, горами и реками Сибири; затем резко континентальный климат, орошение, обширные пространства, богатство царства растительного и животного, сокровища, скрытые в недрах гор, и здесь мы видим много общего с Сибирью, конечно, не выходя из пределов аналогии, которая, как всякая аналогия, не может быть приведена до мельчайших подробностей»[52].

Сибирь представляет колонию земледельческую, и в этом скрываются значительные ее преимущества. «Земледельческие колонии, — говорит знаток колоний Рошер, — отличаются от военных и торговых колоний тем, что они развиваются в местах пустынных, редко населенных звероловными или пастушескими народами; им свойственно произрастание злаков и обилие лесов, поэтому земледельческие колонии до прибытия колонистов представляют лесистую страну, и колонисты начинают свою жизнь с трудной, опасной для здоровья обработки новин. Колонисты должны быть здесь оседлы со всем своим имуществом и семейством и оставаться на всю жизнь колонией, потому что только дети могут пожать то, что посеяли отцы. Таким путем из колонии нередко вырастает нация — самостоятельная отрасль метрополии. Эти колонии происходят от излишка накопления рук в метрополии и потому к созданию их способнее густонаселенные страны.

Обыкновенно вследствие трудности отдаленных путешествий большими массами и неудобства перевозки земледельческих продуктов такие поселения основываются вблизи метрополии, примеры тому — Северная Америка и Англия, Южная Америка и Испания, Сибирь

[52] «Русские Ведомости», 25 ноября 1881 г., №288, 300-летний юбилей завоевания Сибири. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и Россия, северные малоазийские греки и Эолия, южные малоазийские греческие колонии и дорийцы. Климат подобных колоний должен быть не слишком отличен от климата метрополии». Рошер приводит в пример климат плато в Мехико, одинаковый с климатом Кастилии. Еще лучше, если колонии прилегают непосредственно к метрополии, как долина Миссисипи к Атлантическим штатам. Внутренний характер таких земледельческих колоний, по словам Рошера, демократический. «Кто шаг за шагом завоевывает в поте лица свой двор, кто каждую минуту должен быть готов защищаться от набега диких людей или хищных животных, тот не имеет ни малейшего желания отправлять барщину. При избытке земли, которую можно брать даром, редко создается поземельная зависимость; что касается личности, то культиватор в девственной стране воспитывает замечательную самостоятельность и независимость характера.

Принимая во внимание, что богатые люди считают тяжелым принимать участие в земледелии колоний, пролетарии же — дорогим, земледельческие населяются преимущественно людьми среднего состояния, людьми равного достатка. Снабженные просвещением земледельческие колонии достигают весьма быстро гражданственности и известного совершенствования. В древности такую колонию представляла Сицилия, которая до времени самого Цицерона считалась житницей. Здесь процветали земледелие и скотоводство, победителями на конских ристалищах были сицилиане, здесь даже расцвела буколическая поэзия[53] Феокрита. В новей-

[53] Буколическая (от bucolos — «пастух») поэзия — древнегреческий пасторальный жанр. Представители этого жанра воспевали нежный быт деревенских жителей, идеализировали сельскую жизнь в противовес дисгармоничной, суетливой городской. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

шее время тип земледельческих колоний представляют Северная Америка, Сибирь и Новая Голландия». Проводя подобную аналогию, не должно забывать, однако, что это сравнение только внешнее, так сказать, в общих типических признаках всех заселенных стран.

В частности же жизнь и история колоний до бесконечности различествует. Каждая нация создавала свой тип колоний и вела свою колониальную политику. Так, с давнего времени отличают греческие земледельческие колонии (клерухии) от римских военных колоний (апойкий). Английские колонии отличаются от испанских. Сравнения жизни и условий существования этих колоний у различных народов ввиду изучения колонизационного вопроса весьма поучительны. В истории европейской колонизации мы видим несколько периодов, точно так же как и различные побуждения, которые руководили нациями в основании колоний. Прежде чем выработалась определенная колониальная система и политика, различные народы пользовались колониями различно, назначая их военными пунктами, торговыми факториями, местами ссылки, наконец, делали колониями горнозаводскими или плантаторскими.

Колонии торговые и плантаторские были первыми формами поселений. Нации кидались на редкие произведения новой страны и стремились вывезти ее богатства; так, испанцы и англичане кинулись на золото и меха Америки, на табак, сахар в Вест-Индии, слоновую кость и пряности в Индии, алмазы в Бразилии и т. п. Скоро потребовалось для разработки этих богатств привезти рабочие руки. Так образовывались плантаторские невольничьи колонии. Характеристика их сделана также Рошером. В XVII столетии спекуляция на колониальные

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

богатства явилась страстью. Испания, Португалия, Голландия, Франция и Англия одинаково соперничали в этом. Старая колониальная политика сводилась к обширным спекуляторским компаниям в метрополии, игравшим на богатстве колоний, и к системе кредита вывоза и насаждения рабства в колониях. Способы эти соответствовали времени грубости и невежества наций и основывались единственно на самой жадной эксплуатации. Увлечение богатствами и хищнический способ в колониях были, однако, не вечны. Несостоятельность и невыгода поверхностного извлечения сокровищ была сознана, она повела к опустошению и расхищению. Сами колонисты сознали все невыгоды погони за золотом. «Честные и достойные сограждане, — говорил один из первых виргинских поселенцев, знаменитый Смит, — да не пугает вас простое слово «рыба», рыба вам даст такое же хорошее золото, «как рудники Гвианы и Потози». Действительно, новая Англия через несколько лет давала доходу уже 100000 фунтов в год.

Помбаль скорбел о тех богатствах, добывание которых влекло за собой разорение Бразилии. Основанием земледельческих колоний, покровительством торговых обществ, созданием караванного судоходства он надеялся добыть сокровища, драгоценнее тех, которые доставались работами в золотых рудниках.

Таким образом, в рудных и горных колониях являлась реакция и стремление вывести их на лучшую дорогу земледельческой и промышленной деятельности, одновременно началась борьба против рабства в колониях. Вместе с тем колонии из первичных форм плантаторских, горнозаводских превращаются понемногу в колонии земледельческие.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Судьба колоний земледельческих также была незавидна в первое время. Англия и другие нации создали колониям торговую зависимость. «Когда поселения были уже заведены и получили такое значение, что обратили на себя внимание метрополии, — говорит Адам Смит, — то первые заботы последней постоянно имели своим предметом захватить в свои руки монополию их торговли, стеснить их рынок и расширить на их счет свой собственный, и, стало быть, они не только не содействовали и не ускоряли движения колоний к благосостоянию, но подрывали и замедляли его» (Смит, о богатстве народов).

Такова была система протекционизма и меркантилизма, господствовавшая в XVIII в. во всех колониях. В это время Англия стремится быть единственным фабрикантом для своих колоний, создать из них рынок для сбыта своих произведений и искусственно запретить все отрасли промышленности в колониях — вот что было ее целью. Колонии обрекались, обыкновенно, производить одно сырье. И барыши падали на долю фабрикантов метрополии. За эту систему грубой эксплуатации как Англия, так и Испания поплатились горькими уроками, когда колонии созрели.

Иное отношение к колониям является в XIX веке. После отпадения Америки Англия провозглашает принцип «свободы торговли». Укрепив за собою рынки, подняв свою мануфактуру и набрав «колонию покупателей», она обеспечивает свои рынки, ей незачем запрещать промышленность колоний, когда ее убийственная конкуренция господствует. Она смело становится на этот путь. Оставляя за собою экономическое господство, в то же время она предоставляет колониям полную

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

политическую свободу, девизом ее новой колониальной политики является «покровительство гражданскому развитию колоний»[54]. Этот оборот обнаружил блестящие результаты. Английские колонии представляют ныне сформировавшееся гражданское общество и развернули богатую культуру.

Не то представляли испанские колонии, где опека, влияние феодальных начал, дух каст, монополии, католическое духовенство и гражданские стеснения и невежество населения сделали владения эти гораздо менее полезными. Как в английской, так и в испанской системе колонизации отразились свойства и характер наций, их создававших.

Англосаксонская раса принесла свой дух независимости, личной свободы и представление о лучших учреждениях. «В успехах североамериканских колоний обнаружилось, главным образом, превосходство английских политических учреждений», — говорит Адам Смит. Английские колонии поселялись отборными элементами реформаторов в лице пуритан, вслед за колонистами перенеслись понятия и просвещение Англии. Все, кто мечтал осуществить лучшие формы жизни, стремился в Америку. Англия в первое время предоставляет устраиваться колонистам, как они хотят, и не вмешивается в их дела. Американские общины устраиваются самобытно и оригинально. Опека является чуждой английской политике. Англия для поднятия сил колонии даже более расширила их права, чем в самой метрополии. Совсем наоборот происходит в испанских, португальских и французских колониях, где господствовали

[54] Новая колониальная политика выражена в речи Джона Росселя 8 февраля 1850 г. в Палате Общин. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

старые воззрения, где стеснения жизни явились сильнее, низшие представители администрации пользовались неограниченной властью, в таких колониях произвол был шире и управление хуже за отдаленностью.

Строгая регламентация жизни, опека развивались до крайней степени, метрополия стремилась руководить экономической жизнью колонии, назначая ей быть то звероловной, то пастушеской (Мексика), то горной (Бразилия), то земледельческой низшей формой, обрекая ее на выделку только сырья и препятствуя развитию промышленности. Иногда целые отрасли занятий запрещаются, как, например, земледелие или заводская промышленность, на привозную и отпускную торговлю налагаются произвольные пошлины. «Стеснение всякой промышленности, небрежность в проложении дорог и судоходства по великолепнейшим водным пространствам, наконец, обречение колоний на невежество было как бы систематической политикой Испании обессилить колонии и тем удержать их в зависимости», — говорит Гервинус.

Но такая ложная система повела к обратным результатам. Колонии действительно представили ничтожные и невежественные владения, они были истощены, но Испания все равно потеряла их и не сохранила с ними связи. Мало того, испанские владения в Америке, предоставленные себе в силу предшествовавшей истории, явились полуварварскими.

Различаясь в системе политики, колонии различались и в учреждениях. Каждая из наций стремилась насадить в своих колониях свои национальные учреждения. Проводя свою промышленную систему, свой меркантилизм, протекционную систему своей мануфактуры,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Англия пробует утвердить в колониях поземельное владение и крупную собственность. Попытки эти начались в Северной Америке, перенеслись в Австралию и в Индию. Плодоноснейшие земли Америки раздавались при Карле II вельможам.

Те же привилегии и раздачи земель продолжались при Стюартах. В Австралии средством к созданию крупного землевладения явилась система Уэкфильда распродажи земель и привоза работников в колонию, как необходимых рук для обработки. В Индии Англия стремится разрушить древнюю общину и создать особый класс из земиндаров[55] и англичан.

Система землевладения, однако, далеко не утвердилась, исключая плантаторские колонии Англии и южных штатов Америки, что породило впоследствии все бедствия рабства и междоусобной войны. Напротив, в северных штатах колонисты впоследствии должны были выкупить розданные земли и создать государственную систему более равномерного распределения земель[56]. Американские Соединенные Штаты склонились к мелкой поземельной собственности. Когда новая Голландия сделалась собственной законодательницей и в колониях были созданы избирательные палаты, она издала законы, ограничивающие расхищение земель и установившие более благоприятные для переселенцев условия (Land — act, 1862). Но раз совершенная раздача

[55] Земиндар (от перс. земиндар – землевладелец), в государствах средневековой Индии обычно наследственный держатель земли. После английского завоевания Индии (18 в.) земиндарами стали называть утвержденных в правах земельных собственников, плативших земельный налог по системе заминдари. – *Прим. Ред.*

[56] Histoire des Etats-Unis par Bancroft. L. II. Истор. Америки, Неймана. Землевладение, Васильчикова. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и продажа земли сильно затормозили земледельческое хозяйство в колониях.

Как Англия проводила свою экономическую систему протекционизма, а потом фритредерства, как создавала крупный класс землевладельцев и затем привила свои учреждения[57], так Испания внесла в колонии свои нравы, воззрения и институты. Прежде всего, она привела испанскую опеку в управление и свои завоевательные взгляды, создала рознь между завоевателями и туземцами, утвердила систему майоратов в колониях, внесла господство духовенства в лице иезуитов, приобретших огромное влияние, и образовала полутеократическое правление. Последствием этого в испанских колониях воцарились суеверие, деспотизм, невежество и рабство туземца. Жизнь колоний и окружающие условия только понемногу ослабляли и уничтожали эти традиции метрополии.

Кроме свойств племени и наследственных черт метрополии, в колониях развертывается, однако, под влиянием новых условий самобытная жизнь, эти новые факторы в девственной стране совершенно претворяют общество, изменяют его характер и придают ему небывалые подвижность и энергию, которые не доступны старым обществам. Уже Адам Смит замечает, что обширные земли и плодородие их создают широкое поприще для применения труда каждому переселяющемуся. Девственная природа производит ободряющее впечатление и воспитывает отвагу, поиски за богатствами, предприимчивость, отсутствие сословной розни и возможность всем одинаково трудиться, воспитывают

[57] См. очерки Английской колонизации Ядринцева. «Дело» 1872 г. кн., 8 и 9. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

равноправность и придают демократический характер новому обществу, отсутствие предрассудков и традиций, склонность к новизне, восприимчивость и необыкновенный практический ум — вот отличительные черты колонии. При благоприятных условиях подобные общества весьма быстро развиваются, усваивая же просвещение, так быстро прогрессируют в духовном отношении, что в короткий период жизни не только сравниваются, но и переживают старые общества.

Успехи развития земледельческих колоний замечены еще в древности.

Известно положение древних греческих колоний, как Сиракузы и Агригент в Силиции, Тарент и Лакры в Италии, Ефес и Милет в Малой Азии, которые не уступали в духовных качествах блестящей метрополии своей — Греции. Несмотря на то, что существование их началось позже, мы встречаем в них науку и искусство, философию, поэзию и красноречие в те же эпохи и на той же степени развития, как где бы то ни было в их метрополии. Школы Фалеса и Пифагора были основаны не в Греции, а в колониях[58]. Еще более блестящие примеры представляет рост новейших колоний. Развитие американских штатов в три столетия и успехи Австралии, сформировавшейся в одно столетие, слишком известны, чтобы повторять о них.

Из всех европейских колоний самые быстрые успехи были сделаны американскими колониями. Успехи эти заключались не столько в применении старого, сколько в создании новых форм жизни, имевших огромное

[58] См. «Причины благосостояния новейших колоний», гл. VII. О колониях, «Исследования о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

значение в истории мира и оказавших влияние на судьбу Европейского континента. Своим процветанием эти колонии обязаны гражданской свободе, дарованной Англией. В числе других условий, способствующих развитию, видную роль играет просвещение и степень распределения образования среди колонистов. Англосаксонская раса и в этом случае имела все преимущества перед полуварварской Испанией. Она выселила в Америку, начиная с пуритан, лучших и просвещенных граждан в лице Пэна[59] и других.

Это была великая мать великих мужей — «magna virorum mater!». При таких условиях колонии могли быстро прогрессировать; благодаря новой почве они достигают замечательного благосостояния, и развитие их идет быстрее старых обществ. Вот откуда приговор А. Смита, что колонии просвещенного общества, утверждающиеся в малолюдной и богатой стране, туземные жители которой уступают место новым поселениям, скорее всякого другого человеческого общества двигаются к богатству и благосостоянию.

По мере гражданского развития зарождаются и высшие духовные потребности колонистов. «В первый период колонизации мысли колонистов исключительно направлены к приобретению богатств, — говорит Леруа Батье. — Наклонность к накоплению и бережливости является главным стимулом, стремление к материальному благополучию есть почти единственная цель. В жизни колониста нет места умозрительным идеям; частная жизнь переполнена событиями и трудом до того, что для

[59] Пэн Томас (1737–1809) — американский просветитель, публицист, общественный деятель. Активный борец за независимость американского народа от Англии. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

жизни общественной не остается ничего. В эту эпоху замечается поразительное равенство между колонистами; нравы их бывают грубы, отсутствие высшего образования порождает невежество». Но с ростом колонии являются все потребности гражданского общества, в которых трудно отказывать. «Плохо знает человеческую природу тот, — пишет Болье, — кто воображает, что с нее достаточно одних материальных благ и пассивного счастья. Это может быть и справедливо в периоде детства или истощения, последовавшего за каким-нибудь кризисом, но это временное состояние не обратится в нормальное и постоянное.

Настанет момент, когда человек, сознав в себе силу и свободу распоряжаться собою, пожелает лучше вверяться своей звезде и на свой риск отдаться всем случайностям темного будущего, чем вяло плестись по торному пути под руководством другого к спокойному и верному благополучию. К чести человеческой природы, есть чувства более могучие, более неодолимые и пленительные, чем склонность к спокойному, доставшемуся без труда наслаждению. Есть другие удовольствия, кроме стремления к наживе, и хотя в первый период существования колоний жажда прибыли, повидимому, преобладает над всеми другими интересами, но наступает время, когда после устранения величайших препятствий и образования достатка, а иногда богатства являются другие побуждения, овладевающие душой и сердцем колониста» (Колонизация новейших народов. Леруа Болье, с. 514–515).

Надо заметить, что жизнь колоний бьет сильнее; зарождающееся общество кипит избытком сил, это молодой организм, в котором слагается гражданская жизнь,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и поэтому здесь требуется более простора. Организм детей для своего развития требует более деятельности для упражнения сил, чем организм взрослого. От напряжения этой деятельности зависят рост и накопление богатств, выгодное прежде всего для метрополии.

Современная канонизация, таким образом, дает важные уроки и разрешает вопрос как относительно выгоды колонизации, так и условий процветания колоний. Когда-то являлся вопрос о том: 1) получает ли государство выгоду, лишаясь значительной части своего населения путем эмиграции, и 2) «стоит ли хлопотать об основании поселений, которые при достижении гражданской зрелости в силу исторического закона могут выделиться в отдельные государства?». Опыт показал всю неосновательность подобных возражений.

Метрополия, выселяя излишек населения, избегает экономических кризисов и дает возможность выселяющимся лучше устраиваться; выселение в собственные колонии предпочтительнее всякой чужеземной эмиграции; убыль выселяющихся быстро пополняется приростом населения, создание же колоний в новых местах, в смысле расселения племен и народов, приносит новые выгоды для всего человеческого рода. Успехи развития благосостояния и процветания колоний выгоднее для метрополии, чем их бессилие и жалкое существование.

Мы видим, в конце концов, что успехи этого развития зависят: 1) от внесения труда, прилива колонизации и обогащения колонии силами; 2) от свободы пользования землей и низкой цены на нее; 3) свободы экономического и промышленного развития, устраняющего монополии; 4) от переносимого капитала старой страны

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в новую; 5) от просвещения колонистов и 6) от прав гражданских, даруемых им по мере их зрелости.

Обращаясь к русским колониям на Востоке, мы видим, что они ничуть не менее обладают благоприятными природными задатками для развития. Тот же простор, те же привольные места и еще шире, чем у других народов, богатая природа, девственная почва, предприимчивость и смелый ум русского колониста — все благоприятствует новой жизни и, однако, едва ли мы можем сказать, что наши колонии достигли полного развития и совершенства.

Несмотря на то, что русский народ своим расселением на севере и Востоке ясно доказал свои колонизационные способности, что перед нами находятся обширнейшие владения в мире, молодой край, полный задатков жизни, способный к развитию, край, которому предстоит, может быть, великое будущее, мы не можем скрыть от себя, что мы далеко еще не воспользовались всеми благоприятными условиями своего положения, или, лучше сказать, колонизаторской позиции.

На многих страницах современной жизни и истории этого края звучит горькая нота и рисуется мрачная картина его настоящего положения. Вот что говорит одна статья по поводу 300-летия, и ее слова звучат особой укоризной: «Америка в течение одного столетия достигла таких успехов и развития, о которых мы не смеем и помыслить еще; даже краснокожие индейцы перестали скальпировать своих белых собратьев, и между ними уже есть лица, с высоты кафедры проповедующие научные истины; недавние рабы-негры также цивилизовались, и немного времени им нужно будет, чтобы сделаться культурным народом.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Австралия, и та в текущем веке далеко шагнула вперед, развивая у себя такую высокую культуру, о которой сибиряки, вероятно, ничего не знают даже по слухам. Таитяне, еще недавно отрицавшие необходимость листика стыдливости, заседают уже в парламенте и решают весьма прилично и благоразумно свои дела; даже смертную казнь отвергли, как не отвечающую понятию о человеческом достоинстве. А Сибирь? При всей отсталости этой страны мы мало заботились об обновлении ее колонизацией. Колонизационный вопрос у нас только что нарождается. Мы задумываемся еще: заселять ли нам наши окраины? У нас часто люди передовые и государственные говорили против заселения окраин[60]. Вопрос о колонизации Сибири, разрешаемый в настоящую минуту, может иметь роковое влияние. От него будут зависеть рост, сила и прочность наших владений. Должно помнить, что колонизация есть союз народов,

[60] В 1862 г. во время прений в политико-экономическом комитете по вопросу о колонизации Мейндорф высказывает мнение, что метрополии вовсе не следует заботиться о колониях ввиду их будущей жизни. Прения эти помещены в газете «Век» 1862 г. Генерал-губернатор Горчаков высказывал опасения относительно сношения Сибири с Америкой и был против приобретения Амура, доказывая, что, войдя в сношения через Амур, сибиряки порвут всякие связи с Россией и американцы научат их неуважению (Русс. архив, 1878 г. П I, 262). Таково же было мнение статс-секретаря Буткова о проекте Муравьева-Амурского (воспоминания Венюкова «Русская старина», XXIV, с. 211). Подобные же опасения высказываются по поводу проекта заселить Амур чехами. Все эти мнения только мешали и задерживали заселение Сибири. Через несколько лет после богатых приобретений на Амуре в силу Айгунского трактата пришлось обратиться снова к вопросу о колонизации Амура. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

а не разъединение их. Тропа, проторенная русским народом, и из года в год тянущиеся переселения в обетованные места, на свободные земли, указывают сами собой разрешение этой задачи.

Нельзя не признать, что в этих пространствах свободных земель созданы самим народом гарантии, которые надолго обеспечивают судьбу славянского населения от случайностей будущей истории. Русские колонии отличаются от западных: английских, испанских и голландских той счастливой случайностью, что в них более, чем где-либо, сохраняется за колонистом и переселенцем право *дарового пользования землей*. Это великое божье право. Другой стороной, отличающей наши колонии, служит общинный быт нашего крестьянства, зарождающийся и в новых странах. Эта типическая общественная форма может получить богатое развитие при общем довольстве в новой стране на богатых землях. Как англосаксонская раса отразила лучшие черты своей природы и характера в своих колониях, так славянская раса должна выразить те же лучшие черты в своих.

Чего недостает нашим колониям, это еще полного гражданского развития, и мы еще недостаточно обратили на это внимания. Без этого гражданского развития они могут остаться вместо цветущих и богатых владений, приносящих огромные выгоды своей праматери, жалкими областями, отстающими от цивилизации, глухими и забытыми, какими оставались до сих пор. Весьма странно видеть, как после временных восторгов и патриотической гордости приобретением и величиной завоеванных владений мы как будто забываем о них и нимало не заботимся о их внутренней жизни. Страна будущего, «наша Мексика и Перу», наше «золотое дно» завтра

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

является забракованным местом ссылки и каторжного труда, безжизненной пустыней и краем, не имеющим политического значения.

Поэтому преемник Миллера, друг Сперанского историк Словцов произнес над историей ее следующий горький приговор: «Из черт, живописующих быт сибирский, видно, что Сибирь как страна, заключала в себе золотое дно, но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область» («Ист. Сибири», Словцов, гл. V, стр. 265).

Вопрос в том: надолго ли она такою останется?.. Не наступает ли время дать этой области развитие, создать в ней внутреннюю жизнь и гражданственность. Сибирь пережила все периоды, которые свойственны всем новооткрытым странам. Она была колонией звероловной, колонией горнозаводской, местом поисков золота, наконец, местом ссылки. Постепенное заселение, земледельческий склад, оседлость и гражданские формы жизни создали в ней ныне задатки жизни гражданской, воспользоваться которыми для создания прочного общества будет зависеть от нас самих. Задерживать гражданские потребности этого общества мы будем не в силах, хотя бы и хотели.

Необходимыми условиями дальнейшего существования этой страны, как sine qua non[61], ее развития и жизни являются: 1) колонизация и заселение, 2) право на безвозмездное пользование землей каждого прибывающего, 3) свобода земледельческого труда и поощрение развития местной промышленности, 4) облегчение и создание внутренних путей для обмена жизни на огромных расстояниях Востока, 5) предоставление полных

[61] Sine qua non — «без чего нет» *(лат.),* т. е. непременно.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

прав гражданства жителям этих областей наравне с гражданами метрополии, 6) просвещение и простор духовной жизни.

Мы окончим несколькими мыслями, высказанными нами по поводу 300-летия Сибири.

Рассматривая периоды пережитой сибирской истории, мы видим период завоеваний, покорений, усмирений бунтов, далее период колонизации, заселения, самоустройства и обзаведения, затем период искания богатств, увлечения ими, период эксплуатации даров и запасов природы, еще позднее наступает период культурного земледельческого развития и слагающейся гражданственности, но мы не видим еще пока периода духовной жизни народа. Между тем вложить дух в это огромное тело и есть одна из величайших исторических задач, остающаяся на очереди.

В настоящую минуту, на грани трехсотлетия, наступает и для Сибири уже этот период сознательной жизни и понимания своей роли в будущем. В сложившемся обществе с четырьмя миллионами русского населения на Востоке выступают стремления к развитию своих экономических, материальных и умственных сил; гражданские и образовательные потребности в этих стремлениях начинают играть известную роль. Этим сознанием своего общечеловеческого существования и сознательным отношением к своей жизни начинается новый период сибирской истории.

В последнее время выдвигается несколько весьма видных местных потребностей и нужд этого общества, которые не могут остаться без ответа в государственной жизни России. Они состоят в распространении на Сибирь гражданских прав, которыми пользуются уже

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

подданные европейской России. Сибирское общество ждет введения земства, нового гласного суда, распространения образования, гарантий личности и лучшего общественного существования.

Дарование самоуправления, водворение правосудия и справедливости для этого несчастного края становится тем необходимее, что Сибирь в продолжение всего прошлого существования испытала много притеснений, несправедливости и неустройств. Эти бедствия начались с воеводского управления; произвол господствовал в Сибири более, чем где-либо; край подвергался всевозможным злоупотреблениям, и жизнь его остается далеко не устроенной до последнего времени.

Между тем ныне выступают многочисленные общественные вопросы и нужды, требующие настоятельного удовлетворения. К таким принадлежат: отмена уголовной ссылки, мешающей безопасности и развитию гражданской жизни, организация переселений, устройство быта инородцев, принятие мер против мироедства и кулачества, улучшение участи золотопромышленных рабочих и многие другие.

Наконец, в крае является потребность умственной жизни, стремление к гласности, желание разрабатывать общественные нужды путем печати; общество желает гарантий для личности и защиты от местного произвола. Выражение всех этих нужд проявляется в последнее время довольно определенно и ясно не только в печати, но в ряде заявлений представителей обществ, выраженных ко дню трехсотлетия. Такие заявления сделаны Енисейской, Иркутской и Томской думами, причем положено ходатайствовать о введении реформ. Как выражение этих общественных желаний мы приведем

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

предложение гласного Енисейской думы Скорнякова, принятое думой:

«В нынешнем году, как известно, минет 300 лет Сибири; период, кажется, слишком долгий для того, чтобы развиться, окрепнуть и встать на ноги; но, оглядываясь на прошлое, сердце невольно сжимается, не видя ничего отрадного и ничего прочного. Есть только слабые кое-где зачатки, но все это бледно, чахоточно; видно, что чего-то для развития недостает. Мертвенность эта может удовлетворять только человека, долго жившего исключительно личными интересами, которому чужды всякие интересы своей родины; но для человека, который хоть сколько-нибудь заглядывает в будущее, для человека интеллигентного, для человека, так или иначе заботящегося о благе своей родины, мертвенность эта способна убить всякую энергию к деятельности, вселить опасное чувство равнодушия к жизни своей родины и таким путем убить в ней всякую жизненностъ и способность к развитию. Не пора ли очнуться нам? Не пора ли заявить свои кровные нужды теперь, на рубеже трехсотлетия Сибири, на ее трехсотлетней тризне?

В чем состоят ваши нужды, нужно ли говорить об этом; нужно ли повторять то, что давно уже высказано передовыми людьми Сибири и ее представительницею — печатью? Мне кажется, говорить об этом всегда нелишне, а тем более теперь, когда правительство выступило на путь преобразований и улучшений, когда лица, стоящие во главе управления, призывают общество к совместной с ними деятельности и, наконец, когда с высот престола раздались радостные слова государя, что, вступая на него, он посвятит себя, прежде всего, делу внутреннего развития, будет служить

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

России, ее благоденствию, надеясь заслужить любовь. Наше трехсотлетнее существование дает нам право говорить о своих пользах и нуждах, и теперь, мне кажется, лучшее для этого время.

Нужды Сибири, нужды наши слишком велики и обширны, велики потому, что мы дома почти 300 лет были пасынками России, были обделены всем, за исключением лишь известного законодательного акта 16 июня 1870 г., распространившегося и на сибирскую окраину. Наша мать Россия уже пользовалась многими коренными реформами, мы же, сибиряки, страдая от наших неурядиц, могли только плакаться и завидовать ей. Поэтому-то наши нужды и требования и должны быть обширны и велики; но это не должно смущать нас, потому что, приобретая коренные изменения и улучшения в нашей жизни, мы приобретем залог для нашего лучшего будущего, вступим в общечеловеческие права, делающие жизнь человека похожею на жизнь человека в полном смысле слова.

Наши первые и настоятельные нужды — это введение земства, гласного суда, свободы печати и слова, свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселений и прекращения ссылки в Сибирь.

Приобретая их, мы приобретем нужную и великую силу для борьбы с невежеством, с бедностью нашей жизни, произволом суда и администрации, обезопасим свою личность и имущество от вторжения разных хищников Сибири. Вот об этих-то нуждах наших наступила теперь пора, гг. гласные, позаботиться. Нам предстоит об них ходатайствовать пред государем на рубеже нашего 300-летия, чтобы с новыми полномочиями

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

вступить на новый путь общественной самодеятельности для служения благу нашего края»[62].

В этих заявлениях сказываются те ожидания, которые волнуют общество, а также сказывается вся важность переживаемого исторического момента.

Нет никакого сомнения, что развитие страны достигло в настоящее время известной гражданской зрелости, и момент трехсотлетнего юбилея совпадает с моментом ожидаемого полноправия. Необходимость сибирских реформ до такой степени ясно сознается ныне правительством и обществом, что трудно предполагать, чтобы настоятельные нужды населения не были удовлетворены. Русский народ, совершивший немало заслуг на окраинах, приобретший целую страну, доставивший в эти три столетия огромные богатства государственной казне, конечно, не будет лишен общих гражданских прав. Его способности к самостоятельной жизни, его таланты к самоустройству и общественному хозяйству достаточно выразились в новой стране при самых трудных обстоятельствах. Сибирское население, жившее вне опеки крепостного права, давно приобрело навык к самоуправлению, а борьба с обстоятельствами сделала его развитым, бойким и предприимчивым. В правоспособности свободного сибирского населения едва

[62] 26 октября 1881 г. по случаю празднования первой победы Ермака появилось немало обозрений и статей, рисующих современное положение этого края. Всей русской печатью были высказаны в это время одинаково пожелания гражданского преуспевания края, введения гражданских реформ, земства, нового суда и проч. Сибиряки того же 26 октября единодушно и горячо выразили надежды на обновление своей родины и дарование ей общих прав. Осуществятся ли эти желания и что ждет Сибирь к 300-летнему юбилею присоединения в 1883 г., покажет будущее. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ли могут встретиться сомнения: к этому самосознанию и самодеятельности уже призывал сибирское общество Сперанский 50 лет тому назад.

Таким образом, после предшествовавшей работы для этого края ожидается еще большее развитие внутренних сил. Если до сих пор народная жизнь и народные стремления в обширной колонии России, слагаясь инстинктивно и почти бессознательно, совершили многотрудную историческую работу, то есть полное основание предполагать, что те же силы, призванные к более сознательной жизни, способны будут тем более доказать свою жизненность при условиях внутреннего самоусовершенствования.

Пробуждение общественной самодеятельности, развитие образования на Востоке и осуществление подготовляющегося университета может создать иную, лучшую роль сибирской окраине, а европейские условия существования придадут этому безжизненному краю свет и тепло цивилизации.

Должно принять во внимание, что, несмотря на трехсотлетие, сибирское общество все-таки исторически молодое общество, а судьба молодых обществ и колоний весьма часто представляет завидное существование сравнительно со старыми обществами, пережившими долгую жизнь. Если первые изжили многое, потерпели много разочарований и огорчений, исчерпали богатства, истощили земли, наклонны к сохранению старины и к косности, обладают часто предрассудками старчества, принуждены бороться с неодолимыми препятствиями, созданными предшествовавшими ошибками, то вторые свободны от многих из этих неудобств. Они кипят избытком сил производительности, облада-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ют многими дарами природы, стоят у начала истории; дорога их торная, может быть, не сулящая многих превратностей; они не имеют предрассудков старого мира и, так сказать, на обломках старых цивилизаций свободны создать новую, лучшую жизнь, обвитую свежими розами.

Нередко великие идеи и плоды человеческого прогресса доступнее колониям, и они прогрессируют быстрее метрополий. На Западе нередко из них развертываются новые государственные организмы, создающие новые цивилизации. Мы далеки, чтобы мечтать о подобном будущем и сближать судьбы европейских колоний с нашей, далекой и глухой окраиной. Нечего говорить, как она стоит неизмеримо их ниже, здесь нет даже отдаленного сходства. Америка и Австралия, на которые часто указывают, в гораздо кратчайший период оказали величайшие успехи в смысле развития гражданской и культурной промышленной жизни. Но тем не менее и здесь есть известная разница в прожитых периодах, в условиях нового существования и в задатках жизни, и здесь не может не чувствоваться жизнь молодого, восприимчивого организма. Культурное развитие благодаря естественным богатствам и простору может явиться пышнее и богаче, общественный склад — самобытнее и оригинальнее, в новом положении страны могут явиться и новые задачи.

Географическое положение в Азии, связывающее европейский мир с азиатским, указывает этому краю некоторую своеобразную политическую роль и значение в будущем. Конечно, азиатские народности не всегда останутся в периоде косности, замкнутости и полуварварства. Когда-нибудь здесь предвидится великая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

общечеловеческая работа. Для того чтобы выполнить ее, необходимы все средства цивилизации и прежде всего собственное развитие.

Нельзя не предсказать, таким образом, для этого края все-таки известного значения и участия его в мировой истории. Стоя у начала исторического процесса, у колыбели нарождающегося существования, естественно остановиться мыслью на его будущем и сознать задачи, налагаемые современностью.

В интересах человечества, как и в интересах русской народности, наступает время призвать наши окраины к новой жизни, побудить их общественные силы к самодеятельности и тем положить начало новому историческому периоду. Признание совершеннолетия общества, дарование ему гражданских прав, удовлетворение общечеловеческих стремлений есть священнейший долг метрополии по отношению ко всякой молодой, развивающейся на ее руках стране: великая обязанность налагается на нее Провидением перед лицом всего человечества и будущей истории.

Какова бы ни была история этого края, у него нельзя отнять известной будущности. С верою в его жизнь, в его призвание соединяются ныне лучшие ему пожелания. Они окрылят вдохновением людей, ему преданных, и придадут энергию труду в новой стране. Нет сомнения, что русским колониям на Востоке – при условиях просвещения и цивилизации – не менее, чем другим народам, суждено будет пожать плоды общечеловеческого счастья.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Статистические сведения о современном состоянии Сибири

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Пространство и население азиатской России в 1879 г.

Губерния	Кв. верст	Кв. миль	Жителей	
			об. пола	на 1 кв. в.
Тобольская губерния	1297853*	26749,8	1206430	0,92
Томская губерния	759068	15688,6	1032579	1,36
Акмолинская область	479200	9903,9	454205	0,94
Семипалатинская область	428528	8856,7	525979	1,22
Енисейская губерния	2259562	46699,8	428517	0,19
Иркутская губерния	703650	14542,8	383578	0,54
Якутская губерния	3452656	71358,2	242001	0,07
Забайкальская область	547966	11325,2	488000	0.89
Амурская область	544984	8163,4	34859	0,06
Приморская область	1661373	34336,7	73217	0,04
	12134840	247625,1	4869365	0,4

* Пространство Сибири определяется в 226924,2 кв. мили, или 10979687 кв. верст, а включая две области — Акмолинскую и Семипалатинскую – 245701 кв. мили, или 11885415 кв. верст. По исчислению Венюкова, 268855 кв. миль, но сюда присоединены земли Пермской и Оренбургской губернии за Уралом и земли Оренбургских, Сыр-Дарьинских киргизов и зачуйские, без них протяжение равно 246158 кв. миль.

Нельзя не заметить, что все вычисления делаются доселе весьма приблизительно.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Тобольская губерния по Кеппену	28028 кв. м.	
Тобольская губерния по Готскому альманаху 1864 г.	27000 кв. м.	
Тобольская губерния по Венюкову	25663 кв. м.	
Тобольская губерния по календарю Суворина	25021 кв. м.	или 1210677 кв. в.
Тобольская губерния по Стрельбицкому	-	или 1297853 кв. в.
Тобольская губерния по губернскому показанию	-	или 1295758 кв. в.
Томская губерния по Кеппену	15714 кв. м.	-
Томская губерния по альманаху Гота	15733 кв. м.	-
Томская губерния по Венюкову	15566 кв. м.	-
Томская губернии по Швейцеру	15713 кв. м.	-
Томская губерния по календарю Суворина	15476 кв. м.,	или 748819 кв. в
Томская губерния по Центр, стат. комитету	15688 кв. м.,	или 759068 кв. в.
Томская губерния по военно-стат. сборнику	-	или 725000 кв. в
Томская губерния по свед. И. Завалишина	-	или 732027 кв. в

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Сведения о количестве земель и крестьянских наделах в Западной Сибири

Земли государственные	Вообще земель по межевым сведениям	Удобных земель	В пользовании крестьян	Наделы по волостям			
				Удобных земель на одну душу крестьянского населения	многоземельные более 18 десятин	малоземельные менее 18 десятин	неизмеренные
Округа:							
Тобольский	11110067	487714	284884	15,5	3	6	23
Тюменский	1775208	609973	370935½	20,7	6	11	5
Туринский	7967708	475068	169948	21,3	6	6	12
Ялуторовский	2057916	1193168	784855	16,4	5	23	-
Тарский*	7339791	1039857	645231	25,6	8	-	109
Тюкалипский (быший Омский)	6183337	2916339	985793	51,5	10	-	7
Ишимский	3769792	2283299	1488159	26,7	16	2	10
Курганский	2147917	1511943	1043760	17,4	7	22	-
Березовский Сургутский	} 92616019	-	-	-	-	-	-
Итого	**134976795**	**10517356**	**5773565½**	**24,8**	**61**	**70**	**166**
Томская губерния:							
Томский	25721190	552283	703589	22,6	5	-	5
Мариинский		1341111	391107	59,4	5	-	-
Каинский	7303460	1349870	1460914	28,6	7	-	4
Итого	**33024650**	**3243264**	**2555610**	**34,5**	**17**		**9**

* Сведения эти разработаны нами по местным межевым данным ввиду полного отсутствия поземельной статистики в Сибири.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Земли Кабинета Его Величества	Земель в пользовании	Сколько приходится на крестьянскую душу	Пропорции земли по волостям
Алтайский Горный округ заключает часть Томского	7264787	по 44 д. 1529 саж.	в 21 вол. с 77 селениями в 47 сел. по 100–150 дес.
Барнаульский Бийский Кузнецкий			В 14 сел. с 200 дес. В 10 сел. по 300 дес. В 2 сел. по 500 дес. В 4 сел. по 1000 дес.
Инородческий район Алтайского округа	11401400	494,9	В 34 волостях с 106 сел. В сел. по 2–7 дес. В 88 сел. по 7–14 дес. В 33 сел. не измерены
По всей Западной Сибири земель государственных	253999 кв. в.*		
Земель кабинета	328000 кв. в.		
Казачьих земель	48058 кв. в., или 4995233 д.	на каз. насел. по 76,6 дес.	

* Из числа этих земель пожаловано и продано до 250 000 десятин в частную собственность и 769545 десятин в числе оброчных статей.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Движение переселений в Тобольскую губернию с 1846 по 1878 гг.

Из каких губерний переселенцы	В 1846 г.	В 1847 г.	В 1848 г.	В 1849 г.	В 1850 г.	В 1851 г.	В 1852 г.	В 1853 г.	В 1854 г.	В 1855 г.	В 1856 г.	В 1857 г	В 1858 г.	В 1859 г.
Вологодской	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Воронежской	-	-	973	551	-	-	3224	10	-	54	65	-	-	543
Витебской	-	-	-	46	-	-	-	1700	139	-	-	-	199	185
Владимирской	-	-	-	-	-	-	91	-	-	-	-	-	-	-
Вятской	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Курской	-	29	318	419	-	-	1512	1809	297	29	19	-	114	453
Калужской	-	-	-	-	4	-	1596	2636	-	15	-	-	-	-
Орловской	63	46	135	164	284	143	528	1193	36	-	9	-	657	390
Оренбургской	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Московской	-	-	-	22	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Пензенской	140	-	-	-	-	842	149	163	-	-	-	80	-	338
Псковской	6732													299
Пермской	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Полтавской	-	-	-	-	-	128	398	-	-	-	-	-	-	-
Рязанской	186	-	8	-	-	63	37	-	-	-	6	-	-	238
Смоленкой	185	-	397	-	-	-	2679	4668	3		-	320	-	-
Саратовской	-	-	-	-	-	-	230	124	419	-	3	67	-	-
Самарской	-	-	-	-	-	-	-	-	-	28	-	-	-	-
Тульской	-	-	-	-	-	417	-	-	-	12	-	-	-	-
Тамбовской	-	-	-	141	17	-	69	16	-	4	-	-	-	-
Уфимской	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Черниговской	11	-	-	-	-	-	116	253	-	-	-	-	-	-
А всего	7315	75	1831	1343	305	1176	11046	12572	894	130	114	467	970	2446

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В 1860 г.	В 1861 г.	В 1862 г.	В 1863 г.	В 1864 г.	В 1865 г.	В 1866 г.	В 1867 г.	В 1868 г.	В 1869 г.	В 1870 г.	В 1871 г.	В 1872 г.	В 1873 г.	В 1874 г.	В 1875 г.	В 1876 г.	В 1877 г.	В 1878 г.	А всего
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	763	197	-	-	8	-	-	968
-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5427
74	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2343
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	91
-	-	-	-	-	-	-	-	42	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	42
158	150	30	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5337
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4251
-	-	-	-	-	-	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3662
-	-	-	-	-	5	213	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	218
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	22
-	-	87	505	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2312
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7031
-	-	-	-	-	144	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	146
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	526
-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	539
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8252
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	843
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	28
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	429
-	-	-	-	-	-	40	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	287
-	-	-	-	-	-	67	-	-	-	552	-	-	-	-	-	-	-	-	619
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	380
232	157	117	506	-	149	486	-	42	2	552	-	763	197	-	-	8	-	-	43753

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

С какого времени	Ялуторов-ский	Курганский	Ишимский	ТарскийI	Тюкалин-ский	А всего
С 1846 г.	5	7141	140	31	-	7317
С 1847 г.	-	75	-	-	-	75
С 1848 г.	8	1339	4	82	398	1831
С 1849 г.	464	80	599	57	203	1343
С 1850 г.	305	-	-	-	-	305
С 1851 г.	128	-	-	1019	29	1176
С 1852 г.	2004	64	3997	662	4319	11046
С 1853 г.	3567	4935	1739	1925	406	12572
С 1854 г.	-	3	741	38	112	894
С 1855 г.	7	-	4	82	37	130
С 1856 г.	-	-	21	25	68	114
С 1857 г.	-	58	-	342	67	467
С 1858 г.	-	-	-	313	637	970
С 1859 г.	-	157	36	1999	254	2446
С 1860 г.	6	-	13	213	-	232
С 1861 г.				157	-	157
С 1862 г.	-	-	3	114	-	117
С 1863 г.	-	1	-	138	-	506
С 1864 г.	-	-	-	-	-	-
С1865 г.	-	5	-	-	-	5
С 1866 г.		371	67		48	486
С 1867 г.	-	-	-	-	-	-
С 1868 г.	-	-	-	-	42	42
С 1869 г.	-	-	-	-	-	-
С 1870 г.	-	-	-	2	552	554
С 1871 г.	-	-	-	-	-	-
С 1872 г.	-	-	-	-	763	763
С 1873 г.	197	-	-	-	-	197
С 1874 г.	-	-	-	-	-	-
С 1875 г.	-	-	-	-	-	-
С1876 г.	-	-	-	-	-8	8
С 1877 г.	-	-	-	-	-	-
Итого	**6691**	**14229**	**7671**	**7199**	**7963**	**43753**

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В какие округа переселенцы переселились

Ведомость о перечислении крестьян в Томскую губернию с 1870 по 1879 гг., по сведениям Томской казенной палаты

Из каких губерний переселенцы	В 1870 г.	В 1871 г.	В 1872 г.	В 1873 г.	В 1874 г.	В 1875 г.	В 1876 г	В 1877 г.	В 1878 г.	В 1879 г.	Всего
Вятской	349	374	299	210	310	120	184	358	236	289	2729
Тамбовской	206	241	440	185	184	94	131	202	191	303	2177
Тобольской	30	147	79	303	256	125	254	303	230	377	2104
Воронежской	86	171	441	225	129	27	138	171	235	232	1855
Пермской	31	250	157	140	96	76	157	122	272	338	1639
Самарской	43	123	118	218	311	31	51	60	64	35	1054
Оренбургской	-	39	98	-	127	72	54	52	102	30	574
Пензенской	55	47	108	12	10	28	34	26	24	45	389
Курской	13		109	-	54	92	25	23	19	52	387
Владимирской	250	12	8	13	5	36	26	13	5	15	383
Тульской	4	2	254	-	2	9	8	16	37	24	356
Рязанской	3	28	13	4	67	42	43	64	49	38	351
Вологодской	119	9	36	46	14	9	55	18	21	9	336
Симбирской	105		10	-	2	13	34	10	31	32	237
Орловской	18		2	-	17	38	3	11	2	34	125
Нижегородской	5	17	13	-	3	21	26	9	4	10	108
Уфимской	-	37	-	2	-	40	8	5	-	4	96
Енисейской	7	32	4	2	14	3	-	-	10	12	84
Костромской	-	4	-	-	-	45	1	2	6	6	64
Казанской	25	17	11	3	-	2	6	7	1	3	75

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Из каких губерний переселенцы	В 1870 г.	В 1871 г.	В 1872 г.	В 1873 г.	В 1874 г.	В 1875 г.	В 1876 г	В 1877 г.	В 1878 г.	В 1879 г.	Всего
Саратовской	-	-	-	1	1	-	-	-	-	1	57
Харьковской	-	-	-	-	-	9	1	5	28	12	55
Смоленкской	9	-	1	23	-	11	5	-	1	4	54
Тверской	-	8	1	-	-	16	1	-	-	-	36
Семиреченской	-	-	-	-	-	-	-	-	13	19	32
Архангельской	-	3	5	-	5	10	2	-	-	3	28
Семипалатенской	-	1	-	-	-	-	-	-	12	16	29
Калужской	-	1	-	-	15	2	-	-	-	-	18
Могилевской	-	12	-	-	-	-	-	-	-	-	12
Гродненской	-	-	-	-	-	6	2	-	-	-	8
Амурской	-	-	-	-	-	-	-	-	8	-	8
Астраханской	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7
Виленской	-	-	1	-	-	3	1	-	1	-	6
Московской	-	-	1	-	-	3	-	-	-	-	4
Акмолинской	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	4
Екатеринославской	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	4
Иркутской	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	3
Минской	-	-	1	-	-	-	-	1	1	-	3
Новгородской	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	2
Черниговской	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	2
Якутской	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2
Ковенской	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2
Витебской	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1
Тифлисской	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
Киевской	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Итого	1419	1574	2210	1393	1608	1008	1254	1477	1606	1952	15501

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Ведомость о переселении крестьян из внутренних губерний России в Алтайский Горный округ, по сведениям Алтайского Горного правления

Из каких губерний пересе-ленцы	В 1866 г.	В 1867 г.	В 1868 г.	В 1869 г.	В 1870 г.	В 1871 г.	В 1872 г.	В 1873 г.	В 1874 г.	В 1875 г.	В 1876 г.	В 1877 г.	Всего
Пермской	36	206	57	60	224	165	75	76	144	63	11	14	1131
Самарской	84	9	11	16	59	69	181	237	219	8	13		906
Вятской	56	72	40	61	104	78	82	182	158	44	34	42	953
Владимир-ской	5	2	-	1	5	7	12	11	-	-	-	-	43
Оренбург-ской	7	18	7	6	26	28	64	92	146	23	12	3	432
Вологодской	22	4	12	24	12	15	7	8	25	9	3	-	141
Тульской	6	15	-	14	4	10	2	-	5	8	2	1	67
Воронежской	33	62	17	18	70	402	226	165	79	5	90	50	1217
Нижегород-ской	1	-	-	5	-	-	-	-	-	4	1	-	11
Пензенской	10	1	-	7	-	3		26	10	-	2	-	59
Курской	1	-	-	-	5	76	11	45	67	9		1	215
Тамбовской	39	47	17	202	108	259	242	265	124	42	15	16	1376
Астрахан-ской	6	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	11
Костромской	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	3
Архангель-ской	2	1	-	-	-	4	-	-	6	4	-	1	18
Московской	4		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4
Тверской	-	-	4	-	-	-	-	-	-	1	-	-	9
Орловской	-	-	-	1	-	-	78	30	9	-	-	1	119
Иркутской	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Могилевской	-	-	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	10
Саратовской	-	-	-	-	-	-	4	1		-	-	-	5
Харьковской	-	-	-	-	-	-	1	32	28	-	-	-	61
Уфимской	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Симбирской	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Тобольской	68	199	83	29	30	147	79	303	90	39	29	15	111
Енисейской	1	1	5	5	7	32	4	2	14	3	-	-	74
Итого	382	642	253	460	648	1295	1068	1475	1124	262	214	145	7979

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Из каких губерний	В какие округа Томской губернии на алтайские заводские земли				Всего
	Барнаульский	Бийский	Кузнецкий	Томский	
Всего в 12 лет переселившихся:					
Пермской	393	566	96	76	1131
Самарской	315	591			906
Вятской	450	203	207	63	953
Владимирской	20	23			43
Оренбургской	281	151			432
Вологодской	28	112	1		141
Тульской	40	27			67
Воронежской	244	972			1217
Нижегородской	5	6			11
Пензенской	30	29			59
Курской	162	53			215
Уфимской			1		1
Тамбовской	364	936	72	4	1376
Астраханской		11			11
Костромской		2	1		3
Тверской		9			9
Архангельской	15	3			18
Могилевской		10			10
Московской		4			4
Орловской	15	104			119
Симбирской		1			1
Саратовской	1	4			5
Харьковской	28	33			61
Иркутской	1				1
Тобольской	484	586	37	4	1111
Енисейской	36	24	11	2	74
	2912	4460	427	150	7979

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Статистические сведения о ссылке

	Препровождается ссыльных ежегодно
В 1867г.	12395
В 1868г.	8970
В 1869г.	16861
В 1870г.	12451
В 1871г.	14034
В 1872г.	13124
В 1873г.	17048
В 1874г.	18786
В 1875г.	19054
В 1876г.	19063
В 1877г.	17424
В 1878г.	17760
В 1879г.	18274

Распределение по категориям за 10 лет

Каторжных	18582
На поселение	23383
На житье	2551
Административных	78686
	123202

Распределение ссыльных с 1870 по 1877 гг.

	В Западную Сибирь	В Восточную Сибирь
Каторжных	1195	11925
На поселение	1488	21711
На водворение	292	12444
На житье	1543	336
Административных	57249	6193
	61767	**52609**

	Распределение ссыльных по полам, по сведениям 1876 г.		Семейства, добровольно следовавшие за ссыльными			
			взрослых		детей	
	муж	женщ	муж	женщ	муж	женщ
Каторжных	1993	157	4	248	210	219
На поселение	3252	139	2	398	358	344
По суду на житье	185	11	-	18	26	30
На водворение	1335	59	-	8	5	4
Административных	5687	232	7	1367	1514	1266
	12442	597	13	2035	2113	1863
Всего	14568	4495				
или	83%	17%				

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Болезни и смертность в партиях, по сведениям 1878 года

	Заболело	Умерло
В Тюменской пересыльной тюрьме на 17191 ссыльных	767 муж 276 женщ 479 детей	80 21 220
В Томской пересыльной тюрьме на 9425 ссыльных	1798	321
На баржах до Тюмени в 1878 г. на 10440	624	27
В Ачинске	1074	56
В Красноярске	1205	96
В Каинске	982	27

Число ссыльных в Западной Сибири

Округа	Ссыльных	1 ссыльный на число душ мест. сельского населения
Тобольский	2309	13 1/2
Тюменский	2014	14 3/4
Туринский	2965	7 1/2
ЯлVторовский	4866	15
Курганский	6145	14
Тарский	8737	4 1/2
Тюкалинский	15931	3 1/2
Ишимский	16167	5 1/2
	59134	
В Томской губ.		
Томский	13642	1 3/4
Каинский	7343	4 3/4
Мариинский	7843	2 3/4
	28828	

Число прописанных ссыльных в городах Западной Сибири

	Ссыльных	Мещан старожил
В Тобольске	539	2545
В Ишиме	632	345
В Ялуторовске	688	249
В Таре	955	1436
В KVргане	789	696
В Тюкалинске	180	397
В Туринске	416	749
В Мариинске	1501	1497
В Каинске	1149	693
В Нарыме	387	917
В Томске	1050	4470

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

	Число ссыльных		Недоимок на ссыльных		Число ссыльных
			Руб.	К.	
В Тобольской губернии, по сведениям 1876 г.		В Тобольской губ.	641930	23	
Было прописано	46756	В Томской губ.	191496	-	
Налицо было	34293	В богадельнях обеих губерний	-	-	181
В неизвестной отлучке	16829	На попечении сельских обществ	-	-	134
В Томской губерн. в 1878 г.		Содержалось в тюрьмах за новые преступления	-	-	
Прописано	28828	с 1870 по 1876 гг.	-	-	
Налицо	19032	В Тобольске	-	-	9828
В неизвестной отлучке	9796	В Томской	-	-	6728

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Статистические сведения об инородцах Западной Сибири*

Тобольская губерния Округа:	Тюрского племени		Финского племени		самоедов	Всего инородческого населения	Процент инородцев на число русских
	бухарцев	татар	вогулов	остяков			
Тобольский	3774	11010	2158	1270		18212	16.92
Тюменский	2844	6255	—	—		9099	9.34
Тарский	1975	6755	—	—	—	8730	7,06
Ялуторовский	134	5133	—	—	—	5267	3,05
Туринский	—	—	3913	—	—	3913	6,72
Березовский	—	—		15160	7916	23076	445,90
Сургутский	—	—	—	5923	—	5923	354,67
	8727	29153	6071	22353	6916	74220	13,12

* Настоящие сведения составляют результат наших самостоятельных исследований о современном числе и положении инородцев

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Томская губерния	Тюркского		Финского		Алтайцы монгольского племени			Всего инородцев	Процент инородцев на число русских
Округа:	татары	бухарцы	самоеды	остяки	Телеуты и потомки их смеш с русскими	Черновые татары	калмыки		
Томский	5891	152	2916	4211	1285			14155	7,94
Барнаульский	—	—	—	—	1236	—	—	1236	0,56
Мариинский	1870	—	—	—		—	—	1870	2,42
Кузнецкий	—	—	—	—	2985	17801		20788	16,48
Бийский	—	—	—	—	225	5791	17018	22034	12,84
Каинский	2225	—	—	—	—	—	—	2225	1,83
Всего	9986	152	2916	4211	5731	23594	17018	63608	7,0

Области	Киргизы				Всего	Процент инородцев на число русских
	у них аулов	Кибиток	муж. п.	жен. п		
Семипалатинская	560	106411	254528	218228	472656	428,04
Акмолинская	349	66106	171185	15462S	325814	854,92

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Земледелие

В 1879 г.	Тобольской губ.		Томской губ.		
	посеяно	снято	посеяно	снято	
				Четвертей	
Озимой пшеницы	3382	4954	5488	24818	
Озимой ржи	257496	042971	162886	720628	
Яровой пшеницы	284661	037953	255138	22793"	
Овса	695297	2192141	320383	404956	
Ячменя	58875	181035	52436	234663	
Гречихи	10706	24017	4919	31315	
Картофеля	154415	616428	66603	335013	
Прочих яровых хлебов	75704	321107	126282	536829	
Итого	**1540536**	**5420605**	**994135**	**1516156**	

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

	Акмолинской		Семипалатинской обл.		Всего в Западной Сибири	
	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято
	-	-	-	-	8870	29772
	9836	38903	1146	4353	431364	1806855
	21269	50461	12678	53544	57.3746	2369892
	14065	29397	6360	36988	1036105	3663481
	971	3476	1212	8362	113494	427536
	20	75	5	8	15650	55415
	4309	20529	3386	16450	228713	988420
	870	1788	1060	9507	203916	869231
	51340	**144629**	**25847**	**129211**	**2611858**	**10210602**
					Средний урожай	3,95

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Скотоводство

В 1879 г	В Тобольской губ.		В Томской губ.		В Акмолинской обл.			
	У оседлого населения	На 100 душ об.п.	У оседлого населения	На 100 душ об.п.	У оседлого населения	На 100 душ об.п.	У киргизов	
Лошадей	622899	52,9	800000	77,4	48051	41	703261	
Рогатого скота	564293	48	650000	63	53610	46	94595	
Верблюдов	-	-	-	-	148	0,1	95957	
Овец простых	855965	72	750000	72	66616	59	1258200	
Овец тонкорунных	1190	0,1	-	-	3345	2,8	77	
Свиней	220649	19	200000	19	3782	3,2	-	
Коз	43286	3,7	25000	2,2	2384	2	93891	
Оленей (в Березовском и Сургутском окр.)	93579	312	-	-	-	-	-	
Итого	**2401861**	**199**	**2425000**	**234**	**179936**	**155**	**2345981**	

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

		В Семипалаитской обл.				Всего в Западной Сибири			
	На 100 душ об.п.	У оседлого населения	На 100 душ об.п.	У киргизов	На 100 душ об.п.	У оседлого населения	На 100 душ об.п.	У киргизов	На 100 душ об.п.
	208	45843	88	589119	124	1516793	36,5	1292380	159
	57	34662	66	240112	60	1302565	55	434707	54
	28	238	0,4	74318	15,6	386	0,01	170275	21
	372	35298	68	2606215	549	1709879	72	3864415	476
	0,02	-	-	-	-	4535	0,19	77	0,009
	-	359	0,7	-	-	424790	18	-	-
	28	-	-	-	-	70670	2,9	93891	11,5
	-	-	-	-	-	92579	312	-	-
	694	**116400**	**224**	**3509764**	**740**	**5123197**	**215**	**5855745**	**721**
							1097842		

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Промышленность

Наименование фабрик и заводов. 1880 г.	Тобольской губ.			Томской губ.				
	Число заведений	Сумма производительности в руб.	Число рабочих	Число заведений	Сумма производительности в руб.	Число рабочих	Число заведений	
Бумажных	1	2505	24	—	—	—	—	
Винокуренных	11	714374	669	15	1269915	514	1	
Воскобойных	—	—	—	21	13287	63	—	
Водочных	5	173000	33	—	—	—	3	
Гончарных	26	4580	45	25	4801	57	—	
Для выделки муки	80	956560	522	—	—	—	1	
Канатных	15	7690	51	13	6060	53	—	
Кафельных	—	—	—	2	574	4	—	
Кирпичных	178	16199	190	78	47621	1006	24	
Кожевенных	397	2324060	1117	81	255612	592	27	
Картофельно-паточных	17	137905	234	—	—	—	—	
Колокольных	4	44	87	8	—	—	—	
Клееваренных	4	7700	36	—	—	—	5	
Лосиных и оленьих	3	800	6	—	—	—	—	
Маслобойных	159	57194	266	84	18868	202	1	
Мыловаренных	19	132800	50	30	37597	107	3	
Медеплавильных	—	—	—	—	—	—	1	
Овчинных	6	1773	10	—	—	—	10	
Для трепания шерсти	—	—	—	—	—	—	2	
Табачных	—	—	—	1	30456	56	—	
Пиво- и медоваренных	5	22020	22	17	204785	117	3	
Пимокатных	26	8400	37	—	—	—	—	
Свечных восковых	—	—	—	8	90982	45	1	
Свечных сальных	19	73390	51	15	45450	58	4	
Салотопенных	92	918394	279	17	41500	58	43	
Содовых	—	—	—	1	54000	39	—	
Спичечных	3	3740	11	3	13469	35	—	
Стекольных	14	56600	196	2	37530	238	—	
Суконных	1	193446	329	—	—	—	—	
Скипидарных	3	792	3	—	—	—	—	
Судостроительных	2	Свед. нет	496	—	—	—	—	
Чугунолитейных	3	138750	381	—	—	—	—	
Экипажных	—	—	—	14	11689	128	—	
Итого	1093	59588164	5066	427	2184196	3372	129	

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Акмолинской обл.		Семипалатинской обл.			Всего в Западной Сибири		
Сумма производительности в руб.	Число рабочих	Число заведений	Сумма производительности в руб.	Число рабочих	Число заведений	Сумма производительности в рублях	Число рабочих
—	—	—	—	—	1	2505	24
62992	80	1	211728	117	28	2259009	1380
—	—	—	—	—	21	13287	63
87479	20	—	—	—	8	259479	53
—	—	—	—	—	51	9381	102
3429	13	—	—	—	81	959989	535
—	—	—	—	—	28	13755	104
—	—	—	—	—	2	574	4
20093	238	60	9060	182	340	92973	1616
322217	226	23	124644	66	528	3026533	2001
—	—	—	—	—	17	137905	234
—	—	—	—	—	4	4487	8
7800	24	—	—	—	9	15500	60
—	—	—	—	—	3	800	6
900	2	1	150	1	240	77112	471
6651	3	7	4073	9	59	181121	169
248000	183	1	1404 ,	23	2	249404	206
111940	49	—	—	—	16	113713	59
200000	211	—	—	—	2	200000	211
—	—	—	—	—	1	30456	56
17897	15	—	—	—	25	244702	154
—	—	—	—	—	26	8400	37
20200	4	—	—	—	9	111182	49
11320	8	—	—	—	38	130160	117
871426	183	5	16275	14	157	1848595	534
—	—	—	—	—	1	54000	39
—	—	—	—	—	6	17209	46
—	—	—	—	—	16	94130	434
—	—	—	—	—	1	193446	329
—	—	—	—	—	3	792	3
—	—	—	—	—	2	—	496
—	—	—	—	—	3	138750	381
—	—	—	—	—	14	11689	128
1991344	1259	98	367334	412	1747	10501038	10109

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Просвещение

К 1880 г.	Тобольской губ.					Томской губ.				
	Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся	
	В губернск. городе	В окружн. городах	В округах	Мужчин	женщин	В губернск. городе	В окружн. городах	В округах	мужчин	женщин
Мужские гимназии	1	—	—	239	—	1	—	—	230	—
Военная гимназия	—	—	—	—	—		—	—	—	
Женские гимназии	—	—	—	—	—	1	—	—	—	369
Духовные семинарии	1	—	—	149	—	1	—	—	80	—
Учительские семинарии	—	—	—	—	—		—	—	—	—
Военная прогимназия	—	—	—	—	—		—	—	—	—
Женские прогимназии	—	6	—	—	518	—	2	—	—	1
Реальные училища	—	1	—	42	—	1	—	—	203	—
Духовные окружные училища	1	1	—	289	—	1	1	—	238	—
Горное окружное училище	—	—	—	—	—	—	1	—	207	—
Женское училище 2 разряда		1	—		16			—		—
Уездные училища	1	7	—	439		1	2	—	224	—
Войсковые окружные училища	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мариинская женская школа	1	—	—	—	253	—	—	—	—	—

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

	Акмолинской обл.					Семипалатинской обл.					Всего в Западной Сибири				
	Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся	
	В губернск. городе	В окружн. городах	В округах	мужчин	женщин	В губернск. городе	В окружн. городах	В округах	мужчин	женщин	В губернск. городе	В окружн. городах	В округах	мужчин	женщин
	—	1	—	160	—	—	—	—	—	—	2	1	—	629	—
	—	1	—	332	—	—	—	—	—	—	—	1	—	332	—
	—	1	—	—	349	—	—	—	—	—	1	1	—	—	718
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	229	—
	—	1	—	88	—	—	—	—	—	—	—	1	—	88	—
	—	1	—	224	—	—	—	—	—	—	—	1	—	224	—
	94	2	—	—	293	1	—	—	—	99	1	10	—	—	1056
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	245	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	527	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	207	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	16
	—	1	—	145	—	1	—	—	92	—	3	10	—	900	—
	—	—	1	48	—	—	—	—	27	—	—	1	1	75	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	253

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

К 1880 г.	Тобольской губ.					Томской губ.				
	Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся	
	В губернск. городе	В окружн. городах	В округах	Мужчин	женщин	В губернск. городе	В окружн. городах	В округах	мужчин	женщин
Сельские училища	—	—	199	3632	792	—	—	137	2609	42
Войск, станич. и пос. школы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Миссионерские школы	—	—	2	53	20	—	—	—	—	—
Ветеринарные и фельдшерские школы	1	—	—	23	—	1	—	—	20	—
Повивальные школы	1	—	—		39	1	—	—	—	20
Ремесленные школы	1	—	—	23		—	—	—	—	—
Приюты и благотворительные школы	2	1	—	126	160	—	—	—	—	—
Магометанские школы	—	1	26	435	125	2	—	—	80	3
Интернаты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Киргизские школы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Еврейские школы	—	—	—	—	—	1	—	—	17	6
Народные школы	—	—	—	—	—	1	—	—	128	—
Итого	12	33	227	6344	1971	21	16	148	5465	1146

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

	Акмолинской обл.					Семипалатинской обл.					Всего в Западной Сибири				
	Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся	
	В губернск. городе	В окружн. городах	В округах	мужчин	женщин	В губернск. городе	В окружн. городах	В округах	мужчин	женщин	В губернск. городе	В окружн. городах	В округах	мужчин	женщин
	6	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—	336	6241	1213
	—	—	80	1494	445	1	5	47	1028	167	1	5	127	2522	612
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	53	20
	—	3	—	114	—	—	—	—	—	—	2	3	—	157	—
	—	1	—	—	30	—	—	—	—	—	2	1	—	—	89
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	23	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	126	160
	1	7	2	231	80	7	5	—	642	92	10	13	28	1370	300
	2	6	2	92	76	—	1	—	20	—	2	7	2	112	76
	—	1	—	9	—	—	—	—	—	—	—	1	—	9	—
	—	—	—	—	—	1	—	—	10	—	2	—	—	27	6
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	128	—
	130	35	85	3500	1730	12	—	—	2156	489	50	103	507	17465	5349
												660		22814	

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Библиография

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ПРОИЗВЕДЕНИЯ АВТОРА

Собрания сочинений

1. Сочинения: в 2-х т. – Т. 1: Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / ред. С. Г. Пархимович. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 480 с. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение / ред. С. Г. Пархимович. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 336 с.

Отдельные издания

2. Русская община в тюрьме и ссылке. – Санкт-Петербург: Тип. А. Моригеровского, 1872. – 719 с.

3. Об алтайцах и черневых татарах: Чит. в заседании Отд. этнографии 23 марта 1881 г. – Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1881. – 27 с.

4. Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. – 1-е изд. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – 471 с.

5. То же. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Изд. И. М. Сибирякова, 1892. – 720 с: ил.

6. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – Санкт-Петербург: Изд. И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.

7. Сибирские литературные воспоминания: очерки первого сибирского землячества в Петербурге. – Красноярск: Тип. Енис. губ. союза кооператоров, 1919. – 27 с.

8. Жизнь и труды А. П. Щапова: биогр. очерк. – Красноярск: Красноярск. союз сибиряков областников-автономистов, 1919. – 20 с.

9. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Николая Михайловича Ядринцева из газет «Камско-Волжское слово», «Сибирь» и «Восточное обозрение»

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

за 1873–1884 г. / вступ. ст. Н. Козьмина. – Красноярск: Тип. Енис. губ. союза кооператоров, 1919. – 223 с.

Публикации в периодических изданиях и сборниках

10. Типы сибирского острога // Дело. – 1870. – Май (№5). – С. 209–240.

11. История одного странствия (Из Сибири в Архангельскую губернию по этапу) // Отечественные записки. – 1871. – Т. 199, №12. – С. 509–546. – Подпись: Семилуженский.

12. На чужой стороне: Из нравов переселенцев в Сибири // Азиатский вестник. – 1872. – Кн. 1. – С. 84–116.

13. Преступники по изображению романтической и натуральной школы // Дело. – 1872. – №6. – С. 161–193.

14. Крестовый поход науки на Восток // Камско–Волжская газета. – 1873. – №54–55.

15. Мост вздохов: рассказ // Неделя. – 1874. – №35.

16. Страна ссыльных // Там же.

17. Русская народность на Востоке // Дело. – 1874. – №11, отд. 1. – С. 297–340; 1875. – №4, отд. 1. – С. 167–198. В первой статье дан обзор работ, опубл. в «Изв. Сиб. отд. ИРГО» за 1871–1873 гг.

18. Положение ссыльных в Сибири // Вестник Европы. – 1875. – №11. – С. 283–312; №12. – С. 529–556.

19. В тайге // Сборник газеты «Сибирь». – Санкт-Петербург, 1876. – Т. 1. – С. 369–371.

20. То же // Литературный сборник / ред. Н. М. Ядринцев. – Санкт-Петербург, 1885. – С. 1–59.

21. То же // Восточное обозрение. – 1888. – №31. – С. 9–11.

22. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестник Европы. – 1876. – №5. – С. 93–116.

23. Современная мания к путешествиям // Отечественные записки. – 1876. – №8. – Отд. 2: «Современное обозрение». – С. 147–165.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

24. Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири: Исследования о сибирской кабале, монополии и мироедстве // Отечественные записки. – 1876. – №12. – С. 210–247.

25. Судьба русских переселений за Урал // Отечественные записки. – 1879. – №6. – С. 141–160.

26. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Западно-Сибирское отделение Русского географического общества. – Омск, 1880. – Кн. 2. – С. 1–147.

27. Привольные места в Сибири: Степи и море // Отечественные записки. – 1880. – №4. – С. 457–496.

28. Наши выселения и колонизация // Вестник Европы. – 1880. – №6. – С. 448–486.

29. Сибирская Швейцария: из путевых записок об Алтае // Русское богатство. – 1880. – №8. – С. 47–66.

30. Положение переселенцев в Сибири // Вестник Европы. – 1881. – №7/8. – С. 601–620.

31. Десятилетие переселенческого дела // Вестник Европы. – 1881. – №8. – С. 790–826.

32. Трехсотлетие Сибири с 26 октября 1581 г. // Вестник Европы. – 1881. – №12. – С. 834–849.

33. Странник на золотом озере: из путешествия по Алтаю // Восточное обозрение. – 1882. – №1. – С. 11–13.

34. Воспоминания и грезы (Восточного фельетониста) // Восточное обозрение. – 1882. – №2. – С. 13–15.

35. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества в Горный Алтай к Телецкому озеру и в вершины Катуни в 1880 г. // Западно-Сибирское отделение Русского географического общества. – 1882. – Кн. 4. – С. 1–46.

36. Из страны чудес и курьезов: фельетон // Восточное обозрение. – 1882. – №12. – С. 12–14. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

37. То же // Восточное обозрение. – 1884. – №3, №8, №17, №20, №24, №41, №45.

38. То же // Восточное обозрение. – 1885. – №5, №32. – Подпись: Сибиряк.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

39. То же // Восточное обозрение. – 1886. – №11, №27, №50. – Подпись: Сибирский фельетонист.

40. То же // Восточное обозрение. – 1888. – №18. – Подпись: Добродушный сибиряк; №50. – Подпись: Д. С.

41. То же // Восточное обозрение. – 1883. – №23, №38, №41.

42. То же // Восточное обозрение. – 1887. – №9, №16. – Подпись: Бытописатель.

43. Кондрат у себя дома: очерк нравов // Восточное обозрение. – 1882. – №39–40. – С. 17–18.

44. Инородцы Сибири и их вымирание // Русская мысль. – 1883. – №3. – С. 81–128.

45. Очерки общественной жизни на окраинах: фельетон // Восточное обозрение. – 1883. – №16, №18, №47, №49. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

46. Стрела // Ядринцев Н. М. Сборник избранных статей, стихотворений и фильтонов: из газ. «Камско-Волжское слово», «Сибирь» и «Восточное обозрение» за 1873–1884 г. – Красноярск, 1919. – С. 166.

47. На чужбине // Восточное обозрение. – 1883. – №29. – С. 13–14. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

48. Кондрат на поприще литературы: фельетон // Восточное обозрение. – 1883. – №32. – С. 10–13. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

49. Мнимые цивилизаторы Сибири // Восточное обозрение. – 1883. – №37. – С. 11–14. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

50. Западно-Сибирская низменность // Живописная Россия. – Санкт-Петербург, 1884. – Т. 11: Западная Сибирь. – С. 49–83.

51. Родные картины: фельетон // Восточное обозрение. – 1884. – №1. – С. 13–15. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

52. Песня с окраины: Памяти Н. Некрасова // Восточное обозрение. – 1884. – №4. – С. 10.

53. Сибирские литературные воспоминания // Восточное обозрение. – 1884. – №6, №26, №33, №34.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

54. М. И. Орфанов и его пребывание в Сибири // Восточное обозрение. – 1884. – №34.

55. Древние памятники; Письмена в Сибири // Литературный сборник / ред. Н. М. Ядринцев. – Санкт-Петербург, 1885. – С. 456–476.

56. Начало оседлости: Исследования по истории культуры угро-алтайских племен; Древние памятники и письмена в Сибири // Литературный сборник / ред. Н. М. Ядринцев. – Санкт-Петербург, 1885. – С. 139–177, 456–476.

57. Начало печати в Сибири // Литературный сборник / ред. Н. М Ядринцев. – Санкт-Петербург, 1885. – С. 352–406.

58. Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Там же. – С. 407–427.

59. Неожиданный гость на сибирских святках: святочный рассказ // Восточное обозрение. – 1885. – №1. – С. 11–12.

60. Первобытная музыка в связи с историей музыкальной идеи // Исторический вестник. – 1885. – №3. – С. 647–654.

61. Алтай и его инородческое царство: очерк путешествия по Алтаю // Исторический вестник. – 1885. – №6. – С. 608–644.

62. Скучающая публика и бедствующий переселенец // Восточное обозрение. – 1885. – №17, №19.

63. В деревню // Восточное обозрение. – 1885. – №31. – С. 10–13.

64. Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. – Иркутск, 1886. – Кн. 1. – С. 21–47.

65. Держи — ухо: рассказ из жизни захолустьев // Восточное обозрение. – 1886. – №5. – С. 11–14. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

66. Приисковая почта, или «не из тучи гром»: из таежных рассказов // Восточное обозрение. – 1886. – №8. – С. 11–14. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

67. Сибиряки-эгоисты и цивилизаторы-альтруисты: фельетон // Восточное обозрение. – 1886. – №2. – С. 9–12.

68. Н. В. Гоголь и его областное значение // Восточное обозрение. – 1886. – №18. – С. 8–10.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

69. В Сибирь — так в Сибирь!: из путевых очерков и картин // Восточное обозрение. – 1886. – №24, 43, 45. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

70. Исповедь елки: рождественский рассказ // Восточное обозрение. – 1886. – №52. – С. 11–13.

71. Драма из жизни Ушаковска // Восточное обозрение. – 1887. – №12. – С. 11–13. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

72. Смерть и дорогие могилы // Восточное обозрение. – 1887. – №17. – С. 8–10.

73. Без стыда – без совести! (Портреты и типы уголовной ссылки) // Восточное обозрение. – 1887. – №28, 37. – Подпись: Семилуженский.

74. Из записной книжки добродушного сибиряка: фельетон // Восточное обозрение. – 1887. – №39, 40, 42, 44. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

75. Воспоминания о Томской гимназии // Сибирский сборник. – 1888. – Вып. I.

76. О способах и средствах борьбы с кобылкою в южных округах Тобольской губернии // Сибирский сборник. – Иркутск, 1888. – Вып. I.

77. Уменьшение вод в Арало-Каспийской низменности и пределах Западной Сибири (По картографическим исследованиям за 100 лет) // Там же.

78. Майские впечатления // Восточное обозрение. – 1888. – №19. – С. 11–12.

79. Белые люди: рассказ из сибирской жизни // Восточное обозрение. – 1888. – №25. – С. 10–12. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

80. Светлые минуты: из воспоминаний прошлого ко дню открытия университета // Восточное обозрение. – 1888. – №29. – С.10–12.

81. Предчувствие: отрывок из путевых заметок // Восточное обозрение. – 1888. – №40. – С. 12–13.

82. Судьба талантов и ученых // Восточное обозрение. – 1888. – №41. – С. 8–10.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

83. Рождественский рассказ // Восточное обозрение. – 1888. – №51–52. – С. 12–13.

84. Искусство в Сибири // Восточное обозрение. – 1889. – №43. – С. 3–4.

85. Из Сибири: фельетон // Восточное обозрение. – 1889. – №46. – С. 9–11. – Подпись: Добродушный Сибиряк.

86. Вдоль да по Сибири: фельетон // Восточное обозрение. – 1890. – №37. – С. 7–9.

87. Из странствий по чужим землям // Восточное обозрение. – 1891. – №2, 14.

88. Рождество в тайге: рассказ // Восточное обозрение. – 1892. – №6. – С. 8–10.

89. В дальних странствиях. Из путешествия в Алтай // Мир божий. – 1893. – №1. – С. 91–104.

90. В Америку на всемирную выставку в Чикаго // Восточное обозрение. – 1893. – №26, 27, 30–32, 40, 44, 59.

91. Культ собаки и почетное ее погребение // Этнографичическое обозрение. – 1894. – №4. – С. 154–157.

92. Экономический кризис в черноземной полосе Южной Сибири // Русское богатство. – 1894. – №8. – С. 1–25.

93. Автобиография // Сибирский сборник. – 1895. – Вып. 3. – С. 64–78.

94. Сибирские мотивы; Жалоба; Возвращение крестоносца // Мир божий. – 1895. – №3. – С. 49–52.

95. Из наблюдений над переселенцами в Западной Сибири летом 1892 г. // Землеведение. – 1895. – Кн. 4. – С. 58–84: ил.

96. Ссылка и ссыльные в Сибири: очерк // Живописная Россия. – Санкт-Петербург, 1895. – Т. 12: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. – Ч. I. – С. 225–260.

97. Автобиография // Сибирский вестник. – 1895. – №149, 150.

98. Ночь в Avennue de l'Opera: рассказ // Сибирский сборник. – Иркутск, 1896. – Вып. 2. – С. 215–230.

99. Значение женщины в жизни писателя // Восточное обозрение. – 1896. – №51. – С. 2–3.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

100. Оборванный аккорд: рассказ // Восточное обозрение. – 1896. – №93. – С. 2–3.

101. Иллюзия: рассказ // Восточное обозрение. – 1896. – №100. – С. 2–3.

102. Калмычка: рассказ // Восточное обозрение. – 1897. – №3. – С. 2–3.

103. В лесу за белкой // По русской земле: географические очерки и картины. – Москва, 1904. – С. 372–377.

104. Хронология событий моей жизни: к автобиографии // На сибирские темы. Сборник в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома / под ред. М. Н. Соболева. – Санкт-Петербург, 1905. – С. 244–262.

105. Странник на золотом озере: из путешествия по Алтаю // Сибирские записки. – 1919. – №2. – С. 2–7.

106. На чужой стороне: из жизни уголовных ссыльных // Сибирь в художественной литературе. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1927. – С. 124–129.

107. На обетованных землях: из путешествий по Алтаю: очерк // Сибирь в художественной литературе. – Новосибирск, 1938. – С. 100–103.

108. То же // Алтай. – 1978. – №1. – С. 69–76.

109. Литературное наследство Сибири. Т. 4 / редкол. : Н. Н. Яновский (гл. ред.) [и др. ; вступит. ст. В. К. Коржавина, Н. Н. Яновского ; коммент. Ю. М. Мосткова, Н. Н. Яновского]. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000341522

110. Литературное наследство Сибири. Т. 5 / редкол. : Н. Н. Яновский (гл. ред.) [и др.] : вступит. ст. Ю. Постнова. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. – URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000200934

111. Новые потребности Сибири / подгот. к печати, предисл. Н. Яновского // Алтай. – 1984. – №4. – С. 126–130.

112. Сибирь как колония: главы из книги / предисл. Н. Кудимова // Алтай. – 1988. – №2. – С. 68–100: портр.

113. Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад: статья // Литературная Сибирь. – 1990. – Дек. – С. 12: порт.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

114. Сибиряки: из кн. «Сибирь как колония» // Сибирская газета. – 1992. – Ноябрь (№45). – С. 10.

115. Путевые очерки / послесл. А. Канеевой // Сибирские огни. – 1994. – №3–6. – С. 3–63.

116. Сибирская Швейцария; На обетованных землях: из путевых записок об Алтае // Хрестоматия по литературе Алтая. – Барнаул, 1996. – Ч. 1. – С. 109–125. – Библиогр.: С. 125 (6 назв).

117. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // В предгорьях Алтая: очерки истории и культуры. – Барнаул, [Б. и.], 1998. – С. 16–19.

Письма

118. Письма о сибирской жизни // Дело. – 1868. – №5. – С. 72–110. – Подпись: Семилуженский.

119. Письма о родине // Восточное обозрение. – 1884. – №49. – С. 10–12.

120. Письма сибиряка из Европы // Восточное обозрение. – 1885. – №36, 39, 42, 44, 48.

121. Письма Н. М. Ядринцева к А. А. Ионину // Сибирский архив. – 1914. – №5. – С. 221–227.

122. Письма Николая Михайловича Ядринцева Г. Н. Потанину (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. – Красноярск, 1918. – Вып. 1. – С. 8–232.

123. Письма Н. М. Ядринцева: [Д. А. Поникоровскому, 1880–1888 гг. / публ. Р. С. Скворцовой] // Алтай. – 1969. – №4. – С. 124–131.

124. Письма // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1980. – Т. 5: Николай Михайлович Ядринцев. О литературе. Стихотворения. Письма. Воспоминания. – С. 227–300.

125. Письмо Н. М. Ядринцева Семидаловым // Северо-Восток. – 1992. – №10. – С. 15.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Стихотворения

126. «Я жить хочу...»; «Лес Севера»; «Верному другу»; «Тоской измученный, усталый»; «Когда он умер...» // Первый шаг. Провинциальный литературный сборник. – Казань, 1876. – С. 200.

127. Родина; Балаган; Ветрянка // Сибирские мотивы: [сб. стихотворений]. – Санкт-Петербург, 1886.

128. Посмертные стихотворения: Сибирские мотивы; Крымский сонет // Восточное обозрение. – 1894. – №136. – С. 3.

129. Из ненапечатанных стихотворений Н. М. Ядринцева // Сибирская жизнь. – 1903. – Прил. к №121.

130. [Стихи] // На сибирские темы: сб. в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. – Санкт-Петербург: Общественная польза, 1905. – С. 53–56, 293–295.

131. «О земля родна!»; «Ямбы»: стихотворения // Сибирские записки. – 1918. – Кн. 4. – С. 2, 49.

132. Сибирский пельмень: стихотворения // Старая сибирская сатирическая поэзия / сост. Б. Жеребцов. – Новосибирск, 1938. – С. 50–51.

133. «Соболь»; «Пельмень»; «Родина»; «И я слышу чутким сердцем...»: стихотворения // Сибирские строки: Русские и советские поэты о Сибири. – Москва, 1984. – С. 60–62.

134. Родине; К родным цветам: стихотворения // О, колыбель моя, Сибирь...: Стихотворения. – Томск, 1991. – С. 39–43.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

135. Вагин, В. И. Экономическое значение Сибири в связи с потребностью знаний Н. М. Ядринцева // Дело. – 1876. – №9. – С. 84.

136. Географическая экспедиция на Алтай // Исторический вестник. – 1881. – №1. – С. 228–229.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

137. Пыпин, А. Н. История русской этнографии. – Санкт-Петербург, 1892. – Т. 4. – [Из содерж.: Н. М. Ядринцев]. – С. 373–377.

138. Н. М. Ядринцев // Всемирная иллюстрация. – 1893. – №1256. Краткий биографический очерк.

139. Попов, И. И. Памяти Н. М. Ядринцева и А. В. Потаниной // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. – 1894. – Т. 25, №1. – С. 1–28.

140. Потанин, Г. Н. Николай Михайлович Ядринцев: некролог // Этнографическое обозрение. – 1894. – №4. – С. 154–157.

141. О-въ, А. Н. М. Ядринцев: некролог // Журнал министерства народного просвещения. – 1894. – №8. – С. 59–62.

142. Глинский, Б. Николай Михайлович Ядринцев: биогр. очерк // Исторический вестник. – 1894. – №66.

143. Гурьев, Н. Николай Михайлович Ядринцев: некролог // Сибирский вестник. – 1894. – №66.

144. Студницкий, В. Ядринцев и его труды // Сибирский вестник. – 1894. – №79.

145. Левин, Н. Памяти хорошего человека // Восточное обозрение. – 1894. – №89. – С. 3–4.

146. Острогорский, В. Памяти Н. М. Ядринцева // Восточное обозрение. – 1894. – №104, 105.

147. Кеннан, Д. Памяти Н. М. Ядринцева // Восточное обозрение. – 1894. – №120. – С. 2.

148. Гурьев, Н. Николай Михайлович Ядринцев: некролог / предисл. В. Острогорского, воспом. Г. Потанина. – Москва, 1895. – 62 с.

149. Семевский, В. И. Несколько слов в память Н. М. Ядринцева // Русская мысль. – 1895. – Кн. 1. – С. 29–37.

150. Я-ва, К. [Яковлева К. А.] Стихотворения Н. М. Ядринцева // Мир Божий. — 1895. — Т. 3. — С. 49–52.

151. Поникаровский, Д. П. Воспоминания о Николае Михайловиче Ядринцеве // Сибирский сборник. – 1896. – Вып. 1. – С. 189–214.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

152. Головачев, А. Воспоминания о друге молодежи // Восточное обозрение. – 1896. – №56–58.

153. Неутомимый работник по исследованию Сибири... // Вестник Европы. – Москва, 1891. – №5. – С. 402–406. [О работе Н. М. Ядринцева «Сибирские инородцы, их быт и современное положение». Сибирь как колония].

154. Лемке, М. Ядринцев // Энциклопедический словарь: в 86 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Санкт-Петербург: Тип. акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ, 1900. – Т. 81. С. 501.

155. Фарафонова, Т. Н. М. Ядринцев // Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1877-XXV-1902. – Омск, 1902. – С. 1–22.

156. Фарафонова, Т. Из бумаг сибирского патриота // Восточное обозрение. – 1902. – №131, 139, 148, 160, 172, 188, 237.

157. Головачев, А. Ядринцевские четверги // Сибирская жизнь. – 1902. – №234.

158. Фарафонова, Т. Из бумаг сибирского патриота // Восточное обозрение. – 1903. – №128, 145.

159. Лемке, М. Николай Михайлович Ядринцев: биографический очерк: к 10-летию со дня кончины (1894–1904). – Санкт-Петербург: ред. газ. «Восточное обозрение», 1904. – 219 с: ил.

160. Фарафонова, Т. Из бумаг сибирского патриота // Восточное обозрение. – 1904. – №54, 62, 72, 77, 86, 94, 103, 114, 126, 130, 134, 140,145, 152, 164, 168, 178, 197.

161. Арканов, С. К биографии Н. М. Ядринцева // Восточное обозрение. – 1904. – №222. – С. 2.

162. Михайловский, Н. К характеристике Н. М. Ядринцева // На сибирские темы. Сборник в пользу Томских Воскресных школ и Гоголевского народного дома. – Санкт-Петербург, 1905. – С. 57–61.

163. Южанов, С. Н. Памяти Н. М, Ядринцева // На сибирские темы. Сборник в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. – Санкт-Петербург, 1905. – С. 62–68.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

164. Фарафонова, Т. Из бумаг сибирского патриота // Восточное обозрение. – 1905. – №8, 63, 75, 213.

165. Адрианов, А. В. Томская старина // Город Томск. – Томск, 1912. – С. 101–183. – [Из содерж: Н. М. Ядринцев]. – С. 148–152.

166. Дубровский, К. Н. М. Ядринцев в его стихотворениях // Сибирская жизнь. – 1912. – №251. – 11 ноября. – С. 3.

167. Курдюмов, М. Ядринцев Николай Михайлович // Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. – Т. 25: Яблоновский – Фомин. – Санкт-Петербург: Имп. Рус. ист. о-во, 1913. – С. 29–31.

168. Потанин, Г. Н. Воспоминания. Ядринцев // Сибирская жизнь. – 1913. – №98, 103, 109, 114.

169. Попов, И. И. Памяти друга Сибири // Сибирь. – 1914. – №126.

170. Дубровский, К. Славный сын Сибири // Дубровский, К. Рожденные в стране изгнания: [биографические очерки]. – Петроград: Тип. «Виктория», 1916. – [Из содерж.: Н. М. Ядринцев]. – С. 106–123.

171. Ландарма [Козьмин Н. Н.] По поводу писем Н. М. Ядринцева [к Г. Н. Потанину] // Сибирские записки. – 1916. – №2. – С. 71–78.

172. Шапошников, А. Памяти Н. М. Ядринцева // Жизнь Алтая. – 1916. – №123. – С. 2, 3.

173. Крутовский, В. Из истории одной дружбы. Н. М. Ядринцев – Г. Н. Потанин: очерк // Сибирские записки. – 1919. – №2. – С. 11–22.

174. Крутовский, В. Отрывки из воспоминаний о Н. М. Ядринцеве // Там же. – С. 36–45.

175. Крутовский, В. Ученые труды Николая Михайловича Ядринцева // Там же. – С. 65–70.

176. Дрожбин, П. Корифей сибирской общественности // Сибирский рассвет. – 1919. – №9. – С. 67–93.

177. Швецов, С. Тени прошлого. Отрывки из воспоминаний Н. М. Ядринцева // Утренники: литературный сборник:

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в 2 кн. / под ред. Д. А. Лутохина. – Петербург: М. С. Кауфман, 1922. – Кн. 1. – С. 99–100.

178. Попов, И. И. Минувшее и пережитое. Сибирь и эмиграция: воспоминания за 50 лет. — Ленинград: Колос, 1924. – 290 с.

179. Азадовский, М. Сибирь в русской художественной литературе. – Иркутск: Б. и., 1926. – [Н. М. Ядринцев]. – С. 13, 15, 16.

180. Ядринцев, Николай Михайлович // Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. – Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли»: Ч. 2: Шестидесятые годы / сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. – Москва: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. – Стб. 489–491.

181. Терентьев, А. Н. М. Ядринцев // Сибирские огни. – 1934. – №6. – С. 132–143.

182. Евгеньев-Максимов, В. Е. Некрасов в кругу современников. – Ленинград: Гослитиздат, 1938. – [О Н. М. Ядринцеве]. – С. 207–244.

183. Жеребцов, Б. Сибирский поэт и публицист Н. М. Ядринцев (1842–1894) // Жеребцов Б. Сибирский литературный календарь. – Иркутск: Иркут. обл. изд., 1940. – С. 85–89. – Библиогр.: С. 89–91 (35 назв.).

184. Няшин, Г. Д. Н. М. Ядринцев (1842–1894) // Няшин, Г. Д. Статьи, доклады и памятники 1942 г.

Из архива Г. Д. Няшина

185. Токарев, С. А. Николай Михайлович Ядринцев (1824–1894) // Отечественные экономико-географы XVIII–XX вв.: [сборник статей] / под ред. Н. Н. Баранского [и др.]. – Москва: Учпедгиз, 1957. – С. 211–217.

186. Ядринцев, Н. М. // Большая советская энциклопедия: в 50 т. / гл. ред. С. И. вавилов. – 2-е изд. – Москва: Большая Советская энциклопедия, 1957. – Т. 49. – Стб. 485–486.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

187. Раппопорт, Г. Л. Публицист и поэт // Раппопорт, Г. П. Страницы литературного прошлого Алтая: лит.-краевед. статьи и очерки. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1958. – С. 31–39.

188. Вежбицкий, Н. «Вы работаете в нашей газете...» // Советская печать. – 1958. – №4. – С. 8.

189. Кошелев, Я. Р. Русская фольклористика Сибири (XIX — нач. XX в.). – Томск: Изд-во Томского университета, 1962. – [Из содержания: Гл. 4: Фольклористика Сибири конца XIX — нач. XX в. Сибирские областники]. – С. 117–156.

190. Скворцова, Р. Писателю-публицисту // Алтайская правда. – 1963. – 3 марта. – С. 3.

191. Наумов, Г. В. Русские географические исследования Сибири в XIX – начале XX вв. – Москва: Наука, 1965. – [Из содерж.: Н. М. Ядринцев]. – С. 59–62: карт. – С. 92–93.

192. Ядринцев, Н. М. // Петряев, Е. Д. Краеведы и литераторы Забайкалья. Материалы для биобиблиогр. словаря. – [Иркутск]; [Чита]: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. – Ч. 1. Дореволюционный период. – С. 86.

193. Жиркова, М. О неопубликованных стихотворениях Н. М. Ядринцева // Полярная звезда. – 1965. – №4. – С. 139–145.

194. Кошелев, Я. Р. Новое о Н. М. Ядринцеве // Кошелев, Я. Р. Из истории культуры Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1966. – Вып. 1. – С. 65–94.

195. Атамановская, Н. А. О фельетонах Н. М. Ядринцева // Ученые записки Барнаульского государственного педагогического института. – Барнаул: Барнаульский пед. ин-т, 1966. – Т. 6, Вып. 1. – С. 45–62.

196. Раппопорт, Е. Рукопись считалась утерянной: гипотезы и заметки о поисках и находках. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1967. – 98 с.

197. Трушкин, В. Литературная Сибирь первых лет революции. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. – 312 с.

198. Михайлов, М. Г. Сибирью плененные. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1969. – С. 47–61.

199. Хваленская, Е. Ю. Фельетоны Н. М. Ядринцева в сибирской печати 70–80-х годов XIX века // Вопросы языка

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и литературы: [сборник статей] / под ред. К. Е. Майтинской. – Вып. 3, ч. 1. – Москва: Институт международных отношений, 1969. – С. 144–152.

200. Кандеева, А. Г. Н. М. Ядринцев – фельетонист газеты «Восточное обозрение» // Ученые записки Омского педагогического института им. А. М. Горького. – Омск, 1969. – Вып. 40. – С. 50–67.

201. Кандеева, А. Г. Ядринцев и Плещеев // Омская правда. – 1969. – 7 июля.

202. Мирзоев, В. Г. Н. М. Ядринцев // Мирзоев, В. Г. Историография Сибири: (домарксистский период). – Москва: Мысль, 1970. – С. 301–320.

203. Постнов, Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1970. – 403 с.

204. Кандеева, А. Г. Общественная и литературная деятельность Н. М. Ядринцева первой половины 60-х годов XIX в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири: материалы к «Истории русской литературы Сибири»: сборник статей. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. – С. 130–145.

205. Назарянц, Т. М. К характеристике просветительских взглядов Н. М. Ядринцева (60-е – начало 70-х годов XIX в.) // Вопросы русской и советской литературы Сибири: материалы к «Истории русской литературы Сибири»: сборник статей. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. – С. 146–163.

206. Раппопорт, Е. К. М. Ядринцев (1842–1894) // Литературная Сибирь: Писатели Вост. Сибири: [Биобиблиогр. справочник]. – [Иркутск]: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – С. 53–56: фото.

207. Скворцова, Р. Вторая экспедиция Н. М. Ядринцева на Алтай // Страницы из истории Алтая. – Барнаул: [Алт. кн. изд-во], 1971. – С. 63–65. – Библиогр.: С. 64–65 (12 назв.).

208. Трушкин, В. П. Пути и судьбы. Литературная жизнь Сибири 1900–1917 гг. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. – 348 с.

209. Постнов, Ю. Его называли заступником народным // Алтай. – 1972. – №4. – С. 80–83.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

210. Коржавин, В. К. Н. М. Ядринцев как исследователь сибирского крестьянства // Известия Новосибирского отделения Географического общества СССР. – Новосибирск, 1973. – Вып. 6. – С. 159–166. – Библиогр.: 11 назв.

211. Кандеева, А. Г. О прозе Н. М. Ядринцева 70–80 гг. XIX в. // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1974. – Вып. 1. – С. 99–121.

212. Орлов, М. Писателю-публицисту Сибири // Алтайская правда. – 1975. – 16 ноября. – С. 2.

213. Кандеева, А. Г. О литературно-публицистической деятельности Н. М. Ядринцева (1888–1894 гг.) // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1976. — Вып. 3. – С. 66–99. – Библиогр. в подстроч. примеч.

214. Куклина, Е. А. Идеи преобразования Сибири в поэтическом творчестве Н. М. Ядринцева // Куклина, Е. А. Вольная поэзия в Сибири: (Вторая половина XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1977. – С. 52–62.

215. Кочетов, А. Общественный деятель, публицист, исследователь // Кочетов, А. Их именами названы улицы. – Барнаул, 1978. – С. 172–174.

216. Ядринцев Николай Михайлович // Краткая литературная энциклопедия: в 8 т. – Москва, 1978. – Т. 9 (доп.). – С. 801–802.

217. Яновский, Н. Н. Из малоизвестных рассказов Н. М. Ядринцева // Алтай. – 1978. – №1. – С. 66–69.

218. Н. М. Ядринцев: памятка / сост. е. Глаз. – Барнаул: Алтайская краевая б-ка им. В. Я. Шишкова; Алтайское краевое отделение ДОК РСФСР, 1979. – 4 с.

219. [Н. М. Ядринцев и культура алтайского народа] // Кондаков, Г. Связь времен: Русско-алтайские литературные связи дооктябрьского периода. – Горно-Алтайск, 1979. – С. 8–23.

220. Кондаков, Г. В. Ядринцев и алтайский фольклор // Сибирский фольклор: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: [Б. и.], 1980. – С. 144–153.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

221. Шаракшинова, Н. О. Вопросы фольклора в кругу научных интересов Н. М. Ядринцева // Проблемы востоковедения в трудах ученых Восточной Сибири: тезисы докладов к региональной конференции (г. Иркутск, 10–12 апреля 1980 г.). – Иркутск, 1980. – С. 29–30.

222. Ядринцев Н. М. // Гордость Барнаула: [сборник очерков]. – Барнаул, 1980. – С. 32–34: портр.

223. Воспоминания о Н. М. Ядринцеве // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1980. – Т. 5: О литературе. Стихотворения. Письма. Воспоминания о Н. М. Ядринцеве. – С. 303–392.

224. Постнов, Ю. С. Н. М. Ядринцев – литературовед и критик // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1980. – Т. 5: О литературе. Стихотворения. Письма. Воспоминания о Н. М. Ядринцеве.С. 7–18.

225. Хроника жизни и творчества Н. М. Ядринцева // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1980. – Т. 5: О литературе. Стихотворения. Письма. Воспоминания о Н. М. Ядринцеве. – С. 393–398.

226. Яновский, Н. О книге Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония» // Алтай. – 1988. – №4. – С. 127–129.

227. Яновский, Н. Н. Поэзия Н. М. Ядринцева // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1980. – Т. 5: О литературе. Стихотворения. Письма. Воспоминания о Н. М. Ядринцеве. – С. 157–168.

228. Яновский, Н. «Я жизнь свою даю!..»: поэзия Н. М. Ядринцева // Алтай. – Барнаул, 1980. – №4. – С. 61–66.

229. Кондаков, Г. Талантливый писатель и публицист // Звезда Алтая. – 1980. – 10 дек. – С. 4.

230. Серебряный, В. ... И оживают забытые имена // Алтайская правда. – 1980. – 12 дек. – С. 3.

231. Малютина, А. Наследие Н. М. Ядринцева // Енисей. – 1981. – №6. – С. 44–47.

232. Тучин, Б. Вся жизнь — родной Сибири // Вечерний Новосибирск. – 1981. – 3 марта.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

233. Н. М. Ядринцев (1842–1894) // Очерки русской литературы Сибири: в 2-х тт. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1982. – Т. 1: Дореволюционный период. – С. 378–384, 424–433.

234. Куклина, Е. А. Идейно-эстетическая роль фольклора в поэзии Н. М. Ядринцева // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока: [сб. статей]. – Новосибирск, 1983. – С. 263–270.

235. Уманский, А. П. Памятник на могиле Н. М. Ядринцева // Памятники истории и культуры Барнаула / [В. Б. Бородаев и др.]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1983. – С. 70–71: фот.

236. Меламед, Е. Сибирские встречи // Алтай. – 1983. – №4. – С. 103–104.

237. Яновский, Н. Н. Верные сыны Сибири: Проза и поэзия Н. М. Ядринцева // Яновский Н. Н. Верность: портреты, статьи, воспоминания. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – С. 13–62.

238. Родионов, А. Три головы Николая Ядринцева // Свободный курс. – 2004. – 26 августа (№35). – С. 28: фото. *О судьбе памятника Н. М. Ядринцеву в г. Барнауле.*

239. Постнов, Ю. С. Н. М. Ядринцев – литературовед и критик // Постнов, Ю. С. Литературные очерки. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985. – С. 157–174.

240. Бальжиев, В. Н. М. Ядринцев – просветитель // Байкал. – 1985. – №4. – С. 136–137.

241. Чмыхало, Б. А. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин как теоретики «Сибирской литературы // Развитие литературной критической мысли в Сибири / ред. Л. П. Якимова. – Новосибирск, 1986. – С. 57–74.

242. Яновский, Н. Н. Н. М. Ядринцев (1842–1894) // Литературная Сибирь: критико-библиографич. словарь писателей Восточной Сибири / сост. В. П. Трушкин, В. Т. Волкова. – Иркутск, 1986. – Т. 1 – С. 124–128: фот.: библиогр.

243. Петренко, В. Письма из Шенкурска // Алтай. – 1986. – №4. – С. 88–90.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

244. 145 лет со дня рождения русского писателя, общественного деятеля Н. М. Ядринцева (1842–1894) // Страницы истории Алтая. 1987 г.: библиогр. указатель. – Барнаул, 1987. – С. 11–13. – Библиогр.: С. 12–13.

245. Чмыхало, Б. А. Н. М. Ядринцев и вопросы «Сибирской литературы» // Очерки литературной критики Сибири / ред. Л. П. Якимова. – Новосибирск, 1987. – С. 18–29.

246. Меднис, Н. Е. Поэтика литературно-критических статей Н. М. Ядринцева // Литературная критика в Сибири. – Новосибирск, 1988. – С. 130–138. – Библиогр.: С. 138 (12 назв.).

247. Яновский, Н. Н. Проза и поэзия Н. М. Ядринцева // Яновский, Н. Писатели Сибири: Избранные статьи. – Москва: Современник, 1988. – С. 3–60.

248. Яновский, Н. Неопубликованные ранее произведения Н. М. Ядринцева // Алтай. – 1984. – №4. – С. 129–130.

249. Кудинов, И. [Н. М. Ядринцев] // Алтай. – 1988. – №2. – С. 68–69.

250. Светлый деятель Сибири // Литературная Сибирь. – 1990. – Декабрь. – С. 3.

251. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX века: научное издание. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. – 351 с. – [Из содерж.: Н. М. Ядринцев].

252. Горюшкин, Л. М. Областники о хозяйственной самостоятельности Сибири во второй половине XIX – начале XX веков // Известия Сибирского отделения АН СССР. История, философия и филология. – 1991. – №1. – С. 37–44. – Библиогр. в подстроч. примеч.

253. Научно-практическая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева: тезисы докладов и выступлений / ред. С. Ф. Коваль. – Иркутск, 1992. – 45 с.

254. Языков, Д. Д. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц» (Р-Я) // Российский архив: история отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: альманах. – Москва, 1992. – Т. 2–3. – С. 428–460. – [Из содерж.: Н. М. Ядринцев]. – С. 458–460.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

255. Васильев, Г. «...Учителю любви к Родине»: к 150-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева // Алтай. – 1992. – №6. – С. 128–129.

256. Кудинов, И. «...Я жизнь свою даю!» // Алтай. – 1992. – №6. – С. 123–127.

257. Шиловский, М. Публицист, ученый, патриот // Наука в Сибири. – 1992. – Окт. (№38). – С. 7.

258. Бедюров, Б. Я. Рукописи не горят: к 150-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева // Звезда Алтая. – 1992. – 12 дек. – С. 1, 2.

259. Кудинов, И. Шесть дней в июне: повесть // Барнаул. – 1993. – №1. – С. 75–109.

260. Вольская-Лазеева, М. Ф. Казнили... портрет: к 150-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева // Земля сибирская, дальневосточная. – 1993. – №1–2. – С. 53.

261. Дмитриенко, Н. Николай Михайлович Ядринцев в Томске // Сибирская старина. – 1993. – №2. – С. 8–9: фото.

262. Томилов, Н. А. Патриот России и Сибири: [К 150-летию со дня рождения Н. М. Ядрнцева, 1842–1894] // Земля сибирская, дальневосточная. – 1993. – №1/2. – С. 52: ил.

263. Куклина, Е. А. «Вольная Сибирь» // Барнаул. – 1994. – №1. – С. 148–152.

264. Утугов, К. Человек живет не для одного поколения // Барнаул. – 1994. – №2. – С. 153–160: портр.

265. Кандеева, А. «По родным и чужим полям» // Сибирские огни. – 1994. – №3–6. – С.59–63.

266. Падалкина, О. В. К истории четырех художественных портретов // Материалы научно-практической конференции, посвященной 35-летию музея СГХМАК. – Москва, 1995. – С. 19–24. – Библиогр. в примеч.: С. 24.

267. Левашова, О. Г. Писатели областнического направления / О. Г. Левашова, Т. Г. Черняева, М. Г. Никитина // История Алтая: учеб. пособие: в 2 ч. – Барнаул, 1995. – Ч. 1. – С. 440–445. – Библиогр. и примеч.: С. 440–445.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

268. Николай Михайлович Ядринцев (1842 — 1894) // Хрестоматия по литературе Алтая: в 2 ч. – Барнаул: День, 1996. – Ч. 1. – С. 108: портр. — Библиогр.: С. 125 (6 назв.).

269. Юдалевич, Б. М. Литература [Алтайского края] // Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. – Барнаул, 1995. – Т. 1. – С. 258–281: ил. – Содерж.: Н. М. Ядринцев (1842–1894).

270. Розен, М. Ф. Очерки об исследователях и исследованиях Алтая (XVII — начало XX века): научное издание. – Барнаул: День, 1996. – 191 с.

271. Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894) // Учреждения и деятели сельскохозяйственной науки Сибири и Дальнего Востока: биобиблиогр. справочник. – Новосибирск, 1997. – С. 57. – Библиогр. в конце ст.

272. Утробина, Т. Г. Ядринцев / Т. Г. Утробина, Н. А. Яковлева // Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. – Барнаул, 1997. – Т. 2. – С. 423–424: портр.

273. Кудинов, И. Шесть дней в июне // Кудинов, И. Избранное. – Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2000. – С. 253–322. – (Библиотека «Писатели Алтая»: Т. 4).

274. Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894) // Алтайская социологическая школа: история, современность, перспективы развития / под ред. С. И. Григорьева, Ю. А. Трофимова. – Барнаул, 2000. – С. 15–18.

275. Тиунова, Н. От яви у великих не помрачеют лики // Вечерний Барнаул. – 2000. – 9 сентября. – С. 1.

276. Голованов, В. М. Николай Михайлович Ядринцев – сибирский этнограф и педагог (1842–1894) // Российский исторический журнал. – 2001. – №1. – С 53–59. – Библиогр.: 21 назв.

277. «Дабы не сгинули имена...»: Николай Михайлович Ядринцев. Памятные места Барнаула / сост. Коржова О. Н., Косова Л. И., Шамина О. В. – Барнаул: МУК «ЦБС г. Барнаула», 2002. – 14 с.

278. [Ядринцев Николай Михайлович] // Сибирский социологический вестник. – 2002. – №1. – С. 69–72.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

279. Петренко, В. С. «Каменные сердца — самое страшное, что встречается в жизни...»: к 160-летию Н. М. Ядринцева // Алтайская правда. – 2002. – 1 марта. – С. 5.

280. Кудинов, И. Последняя любовь: К 160-летию со дня рождения Н. Ядринцева // Алтайская правда. – 2002. – 1 нояб. – С. 25: фото; 7 нояб. – С. 18.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

281. Мезьер, А. В. Русская словесность с XI по XIX столетия: библиогр. указ. – Ч. 2. – Санкт-Петербург: Тип. Альттулера, 1902. – С. 469, 607.

282. Хронологический перечень сочинений Н. М. Ядринцева // Лемке, М. Николай Михайлович Ядринцев: биогр. очерк. – Санкт-Петербург, 1904. – С. 202–219.

283. Косованов, В. П. Библиография Приенисейского края. – Красноярск, 1930. – Т. 3. – С. 342–345.

284. История русской литературы XIX в.: библиогр. указ. / ред. К. Д. Муратова. – Москва — Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 95, 397, 483, 517.

285. Ядринцев Николай Михайлович // Русская литература Сибири XVII в. – 1970 г.: библиогр. указ. – Новосибирск, 1976. – Ч.1. – С. 393–402.

286. Н. М. Ядринцев (1842–1894): биобиблиогр. изд. / АКУНБ им. В. Я. Шишкова; сост. е. Глаз. – Барнаул, 1979. – 4 с.

287. Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894) // Русская литература Сибири XVII в. – 1970 г.: библиогр. указ. – Новосибирск, 1976. – Ч. I. – С. 393–402. *Библиографический список произведений, стихов, писем Н. М. Ядринцева, литературы о его жизни и творчестве.*

288. Ядринцев Николай Михайлович // Исследователи Алтайского края, XVIII – начало XX века: биобиблиогр. словарь. – Барнаул, 2000. – С. 254–257.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Приложения

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

СИБИРСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ
(Из путевых записок об Алтае)

В странствиях по Сибири я давно искал случая посмотреть Алтайские горы с Бухтарминским краем, привольную местность, обладающую прекрасным климатом, которая вполне может быть названа Сибирской Швейцарией.

В 1878 году, проехав пространство монотонных и бесконечных сибирских степей на Бийско-Каменогорском тракте, я коснулся наконец предгорий Алтая. Прекрасная зеленая равнина Алея уступала место новой природе.

Подъезжая к этим предгорьям и впиваясь взором в лазурную даль летнего воздуха, дрожащего и волнующегося над почвой, разогретой лучами жгучего летнего солнца, мы внезапно увидели синие абрисы далеких гор, которые выступали как бы массивные пресс-папье на бесконечно стелющейся равнине. Приближение массивных величественных громад вместо обыкновенных горок, к которым мы присмотрелись, и производит особое тревожное и приятное ощущение. Я никогда не забуду первого подъема на горы и созерцание окружающего вида. Первое впечатление – самое живое впечатление.

Хотя горы едва обрисовывались, но место заметно становилось волнистое. Несколько раз в своем воображении я сравнивал эти волны, лежащие как продолжение далеких возвышенностей, со складками огромной

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

зеленой мантии, спускающейся с царственных алтайских высот в долины.

К моему удивлению, в местном наречии я нашел совершенно тождественное название «подол горы». Множество алтайских деревень расположены на подоле, или на шлейфе, этой горной мантии. Среди видимых гор постепенно проступала темно-синяя или сизая сопка — это была Синюха Западного Алтая (название Синюхи, слишком распространенное на Алтае, применительно к покрытым хвоями горам); настоящая Синюха была исторической замечательностью Алтая. Пока горы были видны, верст за 20 или 30, на зеленых полях, там и здесь, начали появляться каменные обнажения — это были куски неправильных камней; чем далее, тем более их было набросано в самом причудливом беспорядке: они выступали остроконечными ребрами, валунами или накиданными кучами, но они не были безжизненными массами, порождавшими бесплодие каменистой пустыни; напротив, около каждого из них выбегала свежая зелень, ютилась березка, а иногда эти пирамиды осеняло величественное дерево, охватывая живыми корнями подножия камней.

В этих сочетаниях камней люди живого воображения отыскивали сходство со стволами, мертвыми головами, профилями застывших животных, башнями, развалинами древних замков и т. д. Чем далее в горы, тем рельефнее выходят каменные обнажения; появляются скалы известняка, гранита, мрамора. Иногда это виды целых разрушенных городов и крепостей, целые поля каких-то немых и фантастических изваяний природы, перемежающихся с зеленью. Роскошная растительность осеняет их: здесь видна цветущая жимолость, акация, калина,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

черемуха, а поля усеяны пестрыми и яркими цветами. Такова местность близ деревни Саушки при приближении к Колыванскому озеру и Колыванскому заводу.

Колыванское озеро и гора Синюха с расположенной у подножия ее Колыванскою фабрикою — две первые замечательные местности, останавливающие взор путешественников в преддверии Алтая. Слово «Колывань» на большой сибирской дороге (от Тюмени до Томска) пользуется весьма незавидной репутацией: это дрянной заштатный городишко на утомительной грязной дороге; название «город» в применении к нему вызывает обыкновенно презрительную улыбку в проезжающем из России. Город этот, собственно, административная фантазия; назначенный быть городом, он беспрестанно то оставляется за штатом, то снова возводится в звание города. Однажды он сбежал и квартировал несколько лет в деревне, пока его не разыскали и вновь не водворили на предназначенных пустырях. Не то Колывань — Алтая. Когда-то это имя было дано первым Демидовским заводам, открывшим драгоценные залежи руды; впоследствии оно присвоено было целому наместничеству (в 1792 г.). Ныне оно сохранилось как традиция и дано в наследство гранильной Колыванской фабрике, о которой мы поведем речь. Это же название носит одно из живописнейших озер Алтая.

Колыванское озеро и Колыванская фабрика редко посещаются проезжими, потому что они расположены в глуши и вдали от главного сибирского тракта, но кто из путешественников заглядывал сюда, выносил самые яркие, самые неожиданные впечатления. Колыванское озеро, расположенное среди полуразрушенных, выветрившихся гранитных пород, перемежающихся

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

с полями свежей зелени и живописными лесками, окружено романтическим пейзажем и производит фантастическое обаяние. Рассказывают, что одна девушка, привезенная сюда непредусмотрительными родителями для развлечения и лечения от душевной болезни, бродя среди уединенных скал и пропастей, совершенно помешалась. Люди более здоровые не могут не почувствовать своего рода припадка романтизма. Ребенок, воспитанный в этой местности, в лице дочери одного инженера, получил полный отпечаток романтизма в искании опасностей, в любви к скалам, пропастям, дикой отваге и склонности к фантастическому и оригинальному. Даже суровые и закаленные путешественники, весьма равнодушные иногда к красотам природы, не могут не почувствовать здесь восторга. В этом случае мы сошлемся на впечатление, вынесенное знаменитым нашим ученым Щуровским[63], доказавшим, что сердце геолога может быть столь же восприимчиво, как и сердце поэта.

«Чем более вступал я в этот гранитный хаос, тем скалы становились круче, громаднее, тем более располагались рядами, разделенными между собою весьма глубокими и лесистыми долинами. Вершины гор покрыты сосною и березою, а скалы их и самые долины поросли рябиною, черемухою, акациею, жимолостью и другими кустарниками. Спускаясь несколько раз в такие лесистые долины и поднимаясь на крутизны, я взъехал наконец на одну возвышенность, с которой открылось предо мною очаровательное зрелище, Колывань-озеро, как огромное круглое зеркало, лежало

[63] Щуровский Григорий Ефимович – русский геолог, основатель московской геологической школы. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в весьма фантастической раме, между самыми живописными гранитными скалами. Без всякого преувеличения найдете тут всевозможные сравнения с древними замками, с развалинами готических зданий, спадающими башнями, со многими искусственными произведениями, с некоторыми животными и человеческими фигурами. При первом взгляде на Колывань-озеро, на эту величественную картину, невольно обращается к нему все внимание. Перебегая взорами от одного предмета к другому, ни на чем не можешь остановиться; хотелось бы одним разом все запечатлеть в своей памяти. Я долго стоял на берегу озера, прислушиваясь к шуму и плеску волн. Было довольно ветрено, волны непрерывно неслись к берегу и с пеною расшибались о гранитный утес, у подошвы которого я любовался картиною». Здесь знаменитый ученый продекламировал «Утес» Бенедиктова и с сожалением оставил прекрасное Колывань-озеро.

Мы видели это озеро в тихую погоду, когда розовые и голубые блики тихо скользили по нём; светлая зелень то там, то здесь обрамляла берега, уставленные причудливыми пирамидальными скалами, как бы из сложенных друидских жертвенников, за которыми виднелись целые парки, рощи, луга, уходя вдаль и сливаясь с синевою зубчатых, причудливых гор. Местами на берегу лежали целые чаши и валуны гранита; чистые воды озера вымывали крупный гранитный песок. Безмолвие. Но тихие сменяющиеся переливы цветов, отражение причудливых контуров в воде делали вид действительно оригинальным. К сожалению, окружающее было пустынно: здесь нет швейцарских шале, беседок, скамеек, памятников, надписей; какой-то полуразрушенный навес около одинокой скалы сохранял след посещений местных

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

любителей природы. Окружающие деревни слишком погружены в неустанные заботы о хлебе; среди горькой крестьянской жизни им не до прекрасных видов. Поэтому Алтай отличается от настоящей Швейцарии тем, что здесь, чтобы полюбоваться прекрасным берегом реки, приходится пробираться через грязную скотскую стайку — как не раз приходилось нам — или среди величественных, чарующих душу картин оставаться одинокому, подавленному природою. Это впечатление пустыни, грозной и торжественной, свойственное сибирской, не оживляемой присутствием человека природе, создает несколько грустно-меланхолическое настроение, но рядом с набожно-созерцательным. Вы видите, что пустыня здесь беседует только с богом.

Иногда вид угрюмых гор производит тягостное впечатление, испытываемое, когда темные горы, как синие чудовища или огромные киты, окружают, сдавливают долину. Порою кажется: вот-вот они дохнут, пошевелятся; может быть, таково чувство зарождающегося в душе человека пантеизма[64].

Близ деревни Верхне-Ульбинской, среди этих суровых громад, мы увидели грустное дополнение — мрачную скалу, украшенную крестом. Какой-то одинокий, закинутый судьбою мечтатель бросился с этой скалы. Крестьянка, свидетельница этого события, передавала нам его так: закинутый сюда чиновник собирался уезжать, сильно скучал и ходил ежедневно на скалу, где просиживал часы; раз он взошел, и женщина, работавшая в огороде, увидела летевшего со скалы несчастливца. «Как мотылек вился», — говорила она. Он упал

[64] Религиозно-философское воззрение, отождествляющее Бога с природой – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в трещину скалы. Говорили, что у него была несчастная любовь; но смерть не выдала тайны. Скала стоит среди местности, откуда открывается величественная панорама; у подножия ее лежит огромный луг, вдали — висящие громады, под ногами — бездна. Может быть, подобные бездны, как струящаяся река, имеют иногда безотчетно манящее и кружащее голову притяжение. В различных местах Алтая попадаются эти кресты на скалах, как памятник гибели людей, как предупреждение, что эти прекрасные, очаровательные места скрывают свои бездны, которые поглощают жизни. Это должен помнить путешественник.

За несколько верст от Колыванского озера, у подножия Синюхи, лежит заводское селение с Колыванской фабрикой. Окружающая его местность представляет также не малый интерес. Около этих мест зародилось рудное дело Акинфия Демидова, поставившего в 1727 году, близ Синей сопки, первый плавильный завод в десять печей. Скоро, однако, за недостатком леса плавка была сокращена и осталось шесть печей. В 1766 году завод приостановлен, пока вырастет лес. В 1799 году завод был совершенно упразднен, и на место его переведена Локтевская шлифовальная фабрика. Здесь была открыта первая руда, а впоследствии — серебро.

Несмотря на то, что Демидов усеял заводами эту местность и открыл неисчерпаемые богатства, заводы не остались в его руках. Вскоре за открытием медных руд люди Демидова разыскали серебро; металлы отыскивались по старым чудским копям и шурфам, где люди медного века проложили дорогу новой культуре. Предания гласят, что Демидов, открыв серебро, удерживал это втайне и тайком выплавлял его, что открылось

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

благодаря измене штайгера. Тогда последовало высочайшее повеление императрицы Елизаветы Петровны — обревизовать рудники бригадиру Бееру, сделать пробы и отобрать рудники у Демидова. Так и было сделано: серебро нашлось, о чем уже заявил и сам Демидов. В 1747 году предписано было принять Бееру рудники и в уплату засчитать недоимки, следуемые с Демидова за его людей в казну. С этого времени все рудники и заводы, в том числе и Колыванский, находятся в ведении Кабинета. Таким образом, около Колыванской фабрики началась история всего горного алтайского дела.

Синюха представляет красивую выдающуюся сопку, поросшую когда-то прекрасным темным лесом; у подножия ее раскинуто Белое озеро более скромного характера, чем Колыванское. Дорога к заводскому селению выложена и идет по шоссе. Сама фабрика представляет хорошенькую игрушку; около нее есть живописная скала, гора Синюха для прогулок, увеселительный карбас на озере и архитектурная часовня в селении из цельного камня с мозаикой. Мы позволим себе, однако, остановиться более на трудовом и производительном значении этой единственной в Сибири гранильной фабрики.

Всем известно значение Екатеринбурга, славящегося каменными и гранильными произведениями, — они расходятся по всей России; уральские камни получили общую известность. Но едва ли многие знают о подобных же произведениях Алтая или, по крайней мере, видя их, не подозревают в блестящих, иногда удивительного размера поделках отдаленное происхождение их из недр далекой Сибири, из недоступных гор Алтайских, несомненно более величественных и прекрасных, чем Урал, и таящих не меньше сокровищ. В геологическом

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и минералогическом отношениях Алтай представляет массу редкостей: «самоцветные камни» составили предмет древнейших изысканий. Гранильная мастерская была устроена сначала в Локтевском заводе на Алее и к концу прошлого столетия перенесена на упраздненный Колыванский завод. Понемногу здесь начали выделываться чудовищной величины безделушки и украшения. В 1859 году здесь были выделаны три яшмовые колонны ценою в 13.147 рублей, в 1860 году — три колонны из зеленой яшмы на 10.183 рубля, в 1862 — камень из зелено-волнистой ревневской яшмы и ваза из серо-фиолетовой карганской на 7.150 рублей, в 1863 — один камень и чаша с прибором из карганской и другой камень из ревневской яшмы; в 1865 году приготовлены мелкие вещи из карганской и ревневской яшмы окаменелого дерева (агата), гольцовской яшмы и ваза в диаметре 16 вершков из карганской яшмы, все на сумму 11.570 рублей.

Таким образом, Колыванская фабрика наполнила наш Эрмитаж и множество дворцов самыми дивными произведениями. Оценка этих предметов, произведенная на деньги, далеко ниже их действительной стоимости. Предметы эти производились при обязательном труде, так как к заводам было приписано все алтайское население и в распоряжение их рекрутировалось множество мастеровых взамен военной службы. Сюда свозились целые скалы и остовы камней из далеких неприступных высот алтайских хребтов. Риддерская ломка находится за 346 верст от фабрики, здесь выламывают зеленую с розовыми пятнами брекчию для выделки крупных предметов. В 140 верстах стоит Арганская каменоломня, немного выше Большого и Малого Карганов, впадающих

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в Чарыш в диком ущелье с отвесными скалами, утесами, безднами и вечно грохочущими ручьями, которые носят местное название «громотух», «шумилих» и т. п.

Выломать и вывезти отсюда камни стоило неимоверных усилий. Старожилы рассказывали, что камень для яшмовой чаши из Каргана тащили на себе 200 человек. Эти тяжести плавят по горным рекам, потом везут гужом. Чего стоит одна перевозка!

Затем камни начинали обделываться, граниться. Это продолжалось целые годы. Мы видели эту работу на фабрике. При нас создавалась чаша из мрамора и яшмы; ее работали уже два года, и она должна была по новым ценам стоить около 27.000 рублей. Это была действительно изящная чаша из зеленой ямы. До сорока мастеровых ежедневно занято работой на станках. Все гранильные станки приводятся в движение одним водяным колесом, которое связано блоком и шкивом с отдельными станками; около каждого сидит со впалой грудью мастеровой и с утра до вечера направляет камень по точилу с наждаком.

Чтобы оценить эту тяжелую работу, достаточно сказать, что сделать какую-нибудь ничтожную пепельницу — нужно неделю труда; огранить какое-нибудь пресспапье нужно работы месяц и более — сколько же нужно было иметь времени для огромных поделок, требующих искусства! Для частных заказчиков мало-мало сносные вещи обходятся в 30—40 рублей, поэтому заказов почти нет. Жалование рабочие получают: при ежедневной работе лучшим мастерам 150 рублей в год; обыкновенные работники получают от 6 до 9 р. 30 к. в месяц, мальчики — 3 р. и 4 р. 50 к. в месяц. Поденная плата рабочим 20 и 25 к., мальчикам дают 10 и 15 к. Жалование это

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

несколько ниже, чем платит в хорошее время крестьянин своему рабочему. Экономическое положение мастеровых поэтому крайне не удовлетворительно. Заводское селение представляет всегда крайне бедный вид: убогие, покосившиеся домики, иногда с брюшиною в окнах; хозяйства около этих домиков — никакого.

Видом и удобством отличается разве единственный дом — управляющего. Надо отдать справедливость: где мы ни заезжали в Алтайском горном округе, мы находили всегда в домах управителей казенным хозяйством самый изысканный комфорт, дорогую мебель, художественные произведения, прекрасных лошадей и т. д. Подобная жизнь стоила при выписке всего из столиц от 5 до 10. 000 рублей в год. О получаемом содержании мы не имеем понятия.

Всегда около подобных домов разбиты прекрасные сады; их украшают клумбы цветов, уединенные беседки, иногда из соседнего пруда проведен фонтан. Здесь вы услышите фортепиано, увидите модный петербургский роман, встретите иллюстрированный журнал, найдете завтрак с прекрасными винами, вкусную сигару. Путешественники здесь никогда не жалуются, напротив, — рассыпаются только в благодарностях, и лично, в смысле ублаготворения собственной особы, желать им нечего. Барнаул особенно любит угощать путешественников, и даже знаменитые желудки бременской экспедиции, отличавшиеся огромным истреблением яств и питий, чему подивились даже сибиряки, остались вполне довольны, так как их угощали и дупельшнепами, и шампанским: подобные обеды стоили несколько сот рублей.

Казенное хозяйство Колыванской фабрики гораздо меньше других заводов, так как на содержание ее от-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

пускается всего 20 000 рублей в год. Жизнь служащих здесь поэтому более скромная. Обыкновенно сносною жизнью пользуются нарядчики, мастера; остальные рабочие влачат весьма жалкое существование. Не редкость семья, где хозяин или взрослый работник-сын, вечно сидя за станком, вкладывает в общий бюджет не более 6 рублей в месяц, а в семействе — беспомощная мать-старуха, сестры. Остаток времени от заводской работы ничтожный, сбыта сделанных на дому изделий нет. Между тем потребности мастерового шире крестьянских: он носит пиджак, семейство привыкло всякий день к чаю — и вот этот забитый, сухощавый человек всю жизнь борется за маломальское удовлетворение своего существования; вечно кругом его бледные лица, вечные вздохи, жалобы, безмолвие и монотонный звук колеса с раннего утра и далеко за полночь.

Несмотря на то, что рабочий получает самый скудный заработок в 6 и 8 рублей на фабрике, около него появились своего рода пауки и эксплуататоры, эти спутники нужды и неудовлетворенных потребностей, акулы экономического беспорядка, носящиеся везде, где ожидаются трупы рабочих. Как бы ни были скромны потребности мастерового, но при скудном заработке, при разных случайностях необходим кредит и заем, и вот почти в каждом заводе является благодетель, открывающий лавочку или снабжающий нуждающихся в счет жалования. Такие лавочки на приисках и на заводах держат многие служащие или их жены. На Колыванской фабрике также свой ростовщик, он же и мелкое должностное лицо на заводе. Он успел закабалить рабочих так, что они имеют необходимость в получении жалования, не дослужив еще месяца, для того чтобы купить для сво-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

его многочисленного семейства жизненных припасов, без которых обойтись невозможно. Жалование проходит через руки этого лица, и благодетельная супружница его завела лавочку. Ростовщичество мелкое, на гроши, но тем не менее разорительное для мастерового. Нужны деньги, а ему навязывают чай, гнилую материю, предмет стоит один рубль, а ставят два. Но чай не нужен, нужны деньги; получив товар, остается продать его за полцены; самому же заемщику остается вместо нужного рубля — полтинник, а на счету два рубля, вычитываемых при жаловании. Эта запись «беда» рабочего люда: чем дальше в лес, тем больше дров. Прежде, когда был крепостной заводской труд, до 19 февраля 1861 года, мастеровой должен был работать лет тридцать обязательно за один паек. Теперь он свободен уйти с фабрики, но его связала уже специальность. Занялся бы он земледелием, да какой он земледелец, — нет силы в руках, грудь высохла, и он идет, понурив голову, к своему станку. Не много радостей, не много светлых минут в жизни у подобного человека. У девушки первые минуты весны, когда играет румянец, трепетно замирает сердце, блещет девичий глаз и чутко прислушивается девичье ухо: «Где он, милый, где желанный?» Он придет в виде лихого чернокудрого парня мастерового, подарит ей жгучий поцелуй; наступит праздник на несколько дней, шитье скромного приданого, девичьи песни, свадебный пир; а затем потянется монотонная жизнь. Труженицы-матери, горькая нужда, плач детей и плач над детьми. Отблеск первой зари скроется в свинцовых тучах безутешной жизни. Еще мимолетней минуты веселья мастерового. Развивается ли он вполне, цветет ли он, когда с детства за вечным станком, — мы не убеждены; но вот выровнялся па-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

рень, вышел молодецкой поступью в картузе набекрень с гармонией, — сухарской песней вышел он в праздник на заводское село. Первый хоровод, первая любовь — это тоже его весна. Его встречает круг товарищей, залихватская песня и первая чарка, чарка зараз опорожненная, отуманившая голову, взбунтовавшая кровь, разгорячившая фантазию, распахнувшая дружбу. Но скоро пройдет это юное веселье, и станет эта чарка отравою рабочего: он кинется к ней забыть нужду, неприятности, — наступит дикий, безобразный разгул, циничная пьяная песня сорвется с уст, брань, проклятья; в эти дни солнце будет стоять над ним зловещим кровавым пятном... а потом еще скучнее, еще тяжелее потянется жизнь под монотонный звук рабочего колеса. Эта чарка сокрушит организм, работа пригнет, присутулит его, угрызения совести помутят взор и заставят опустить его долу, тревожный лихорадочный взгляд будет бегать, отыскивая бесполезно выхода; на бледном и тусклом лице выступит истома, появится робость и принужденность в движениях бедного человека. Таков путь мастерового.

Не удовлетворяемый заработком на фабрике, мастеровой пробовал искать выхода в работе на дому. Он собирает остатки яшм, порфиры, агаты и дома на станке гранит печатки, запонки, пресс-папье. Вещи эти он готов сбыть необыкновенно дешево, но в бедном селении частных заказов нет, фабрика заброшена в глуши, о ней никто не знает, и обделанные яшмы, порфиры, агаты пестрой яркой мозаикой валяются так же, как и их первообраз — неотделанный камень, в глухих и безвестных пустынях Сибири. Екатеринбургские счастливцы соперничают на рынке и заняли дорогу. Неимение частных заказов, недостаток сбыта, отсутствие помощи рабочему,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

отсутствие правильного кредита при помощи ссудных товариществ, недостаток обучения мастеровых лучшим видам гранильного искусства (рабочие делают вещи по допотопным фасонам) — вот что останавливает развитие этого дела на Алтае. Заведение это поэтому находится на степени падения. Наступит ли другое время процветания промышленности на Алтае, образуется ли более выгодный сбыт труда, явится ли гуманная, благодетельная рука на помощь истощенному мастеровому вместо старого ростовщика, — это вопросы будущей жизни Алтая.

Горный алтайский район переживает еще переходную эпоху после крепостного заводского труда. Следы горького прошлого кое-где видны ясно; нередко в заводских селениях встречаются отставные мастеровые, хилые, старые и больные. Если среди здоровых рабочих вы встречаете обыкновенные признаки бедности, то отставные мастеровые — голый пролетариат завода и уличные нищие, оставленные здесь как наследие крепостного права. Это беспомощные старики в отрепьях, изможденные, с высохшими руками, иногда выгнившими глазами, выкрикивающие хриплые жалобы, — валяющиеся в ногах и молящие о пропитании.

Отставной мастеровой не пользуется ничем, он потерял силы на работе, изболел. Некоторые из них добиваются трехрублевой пенсии, но это скудное награждение не пропитывает. Для них необходима была бы богадельня, но ее нет. Эти живые полусгнившие трупы производят тяжелое впечатление в заводских селениях. Вид этих людей, как и быта приниженных, хилых фабричных, составляет поразительный контраст с земледельческим населением окружающих деревень, где доселе сохранилась

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

сильная раса. Тип заводских мастеровых и фабричных резко отличается от соседних крестьян. Фабричные мастеровые отличаются от рабочих рудников и заводов, последние исключительно заняты тяжелыми земляными рудничными работами и плавкой металла. Одна жизнь — циклопов, другая — саламандр. Эти заводские рабочие носят местное название «бергалов». Бергал — грозное имя окружных местностей. Тип настоящего бергала контраст робких мастеровых Колыванской фабрики. Необыкновенный физический труд развил у него некоторые органы в ущерб другим. От сильного напряжения рук пальцы толстеют; руки, выбрасывающие 1200 пудов земли в день, работающие киркой о камень — не руки, а лапы; кулак напоминает гирю; от усиленного постоянною работою кровообращения увеличиваются в объеме органы дыхания и двигатель крови — сердце, раздражительное сердце; грудь выдается колесом.

Бергал в работе зверь. Пустую, но напрасную обиду ни за что не снесет. Выругает так, что любая барыня, услыхав, упала бы в обморок, или еще хуже — угостит палкой или ломом. Слыша над собой вечно брань, он сам олицетворенная хула. Человек давно без собственности, без будущности, он беззаветен, беспечен, разгулен, дерзок; вечно с насмешкой на устах; он не привык к жалости, ибо он не видел ее; озлобленный, беспощадный, он гроза, куда появляется. Этот заводской пролетарий давно потерял образ мирного, благодушного крестьянина. Вот что писал про алтайских рабочих один бытописатель: «В заводских рудниках живут мастеровые. Мастеровые происходят от крестьян, поступающих по очереди в рекруты, разительно изменяют свой характер, делаясь по большей части грубыми и склонными

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

к побегам, даже к убийствам. Особенно склонны к этому находящиеся в работе в горах, так что нередко посягают на убийство своих начальников. Вера их православная, и обряды религии они исполняют постоянно при наблюдении заводского начальства» (Данилевский. «Описание Бухтарминского края»). К этой довольно казенной характеристике недоставало только одного объяснения: отчего такими эти люди делались? Как вырождались захудалые мастеровые или озлобленные из окружающего могучего и нравственного крестьянского населения, — это может рассказать только история.

Над Алтаем носятся еще легенды о недавних прошлых временах крепостного заводского труда. Сядешь где-нибудь на завалинку под навесом в жаркий день и слушаешь от стариков повесть о бывших управителях, заводских распорядках, повинностях возить руду, обжигать уголь. Нередко эти рассказы, ведущиеся тихо, незлобиво, пробуждают невольную дрожь. Страшное время, благо тебе, что ты кануло в вечность! Да не повторишься ты более над бедным русским народом!

Сильная алтайская раса, однако, не исчезла сразу. Память об алтайских богатырях сохранилась в рассказе о карганских разбойниках.

В конце прошлого столетия в самых дебрях Алтая, около Карганского хребта, по реке Каргану, впадающей в реку Чарыш, была поставлена каменоломня. Здесь начали ломать знаменитые яшмы, окружное крестьянское население, в том числе деревня Карганская, привлечены были к повинности. Дикая и грандиозная местность окружала Карган и соседнюю деревню Чечулиху. К югу от Чарыша тянутся Карганские белки, к северу – Бащалацкие. Эти хребты доходят до снеговой линии, и белые

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

пятна снега лежат на высотах целое лето; горные реки и ручьи летят здесь со страшным шумом; на каждом шагу вздымаются дикие скалы. Но окрестности представляют до того величественный вид, что заставляют забывать об опасности. Здесь-то в борьбе с природой развертывались могучие силы крестьянства. Они поднимались на горы, опускались в бездны и везли отсюда огромные камни. Что за порода людей воспиталась здесь, можно судить по силачам братьям Белоусовым, которые должны играть роль в дальнейшем рассказе. Старший брат поднимал, говорят, щуром (ломом) двадцатипятипудовые глыбы камней; младший брат был подобной же силы, а сестра их останавливала на бегу коня за гриву. Такие люди жили в Каргане. Долго там было тихо и смирно, послушно доставлялся камень, чудодейственно добываемый из неприступных высот. Вдруг до заводского начальства в Колывани донесся слух: «Карган взбунтовался и ушел разбойничать». Предводителями явились силачи братья Белоусовы. Предание говорит, что было двадцать разбойников, все молодец к молодцу.

– Зачем же, дедушка, ушли они? — спрашиваете вы маститого рассказчика.

– Свое царство хотели в Белках основать.

– Какое же они царство в Белках могли основать?

– Воли захотелось, работа не под силу стала.

Силачи были Белоусовы и с ними Чахловы, никого не страшились; выйдут в долину, начнут стрелять, скот у крестьян забирали, порох, винтовки, а потом уйдут опять в горы; в пещерах спасались. Наконец, казака убили. Начальство согнало страсть народу: 400 человек крестьян было да 100 казаков. Разбойники кинулись

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в хребты, где невозможно было пройти; они взбирались сами, привязывали лошадей на арканы и поднимали их через белки. Но их повсюду преследовали. При переправе через одну речку убит был старший брат. Наконец, разбойников окружили – пришлось сдаться. «Не вяжите нас, так пойдем, веревки не помогут!» – говорил один из Белоусовых, зная свою силу.

Его связали сыромятными ремнями. «Крепче», — говорил он. Но когда был связан, он выпрямился и ремни лопнули, только огромные деревянные вилы остались надетыми на плечи и привязанные к ним руки спереди да деревянные колодки на ногах.

Усмирили эту силу. Белоусовы были жестоко наказаны и сосланы. Предание о Белоусовых подтверждается и рассказом ботаника Бунге, путешествовавшего в Алтае в 1826 году. Выходя из Колывани, он уже слышал, что в Каргане неспокойно. Карганскую деревню он нашел опустевшую. «Жители деревни Карганской, служившие рабочими на каменоломне, были недовольны падающими на их долю трудами, покинули деревню и, удалясь в соседние горы, образовали здесь разбойничью шайку. В деревне находились только старики и жены беглецов» («Путешествие д-ра Бунге»). Бунге даже удалось встретиться с разбойниками в деревне Чечулихе. А в довершение случайностей у него был даже проводник из Колывани, младший брат Белоусовых, как ловкий и сильный мастеровой. 12 апреля после ботанической экскурсии, один из рабочих, проживавший в Чечулихе и думавший возвратиться домой, принес известие, что на него напали близ деревни разбойники и взяли в плен его товарища. Бунге хотел послать своего проводника для переговоров, как вдруг около деревни раздался

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

выстрел, произведший смятение. Проводник возвратился и объявил, что разбойники уже подле самой деревни. Далее мы передаем буквально рассказ Бунге.

Крестьяне ломились в комнату Бунге и просили его о защите, которой он не мог им оказать, потому что и сам находился в беспомощном положении. Однако же он решил, что лучше всего идти ему самому к этим людям и отговорить их от всякого насилия как относительно крестьян, так и его самого. Двое из людей доктора последовали за ним. Он спустился с поката горы и с изумлением увидел двенадцать здоровенных человек верхами, из которых каждый был вооружен одною или двумя винтовками, парою пистолетов, саблею и длинным ножом. Один крестьянин, перед домом которого они остановились, принес ведерную бутыль водки, чтобы их умилостивить. Когда Бунге подошел к ним, они поклонились ему и назвали его по имени, желая этим показать, что хорошо его знают. Он стал увещевать их и просил от имени целой деревни не делать никакого насилия крестьянам, ни ему, так как впоследствии они будут строго наказаны.

Они уверяли, что ему как доктору, который необходим для каждого, нечего их бояться, потому что они и сами раньше были обязаны своею жизнью искусству доктора, что они часто видели его во время экскурсий и готовы помогать ему во всем, в чем он будет нуждаться, делить с ним в горах пищу и питье, снабжать лошадьми для верховой езды, а где нельзя проехать, перенесут его на руках, потому что он, доктор, как они слышали, хорошо обращается с их братом. Затем они провозгласили его здоровье, выпили вина и просили его отвечать на провозглашенный тост. Отговорки Бунге ни к чему

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

не послужили, а потому, желая облегчить положение крестьян, он должен был исполнить желание разбойников. Только это также не совсем помогло. Скоро бутыль водки стала пуста, потому что собравшиеся крестьяне тоже принуждены были выпить. Общество стало шумнее и пошло теперь из дома в дом. Добром или силою разбойники требовали и брали все, что им было нужно, а в особенности винтовки, порох, деньги и т. п. Хозяин Бунге, самый богатый крестьянин в деревне, которого они особенно имели в виду, должен был поплатиться 50-ю рублями и многими вещами. Вследствие усиленной просьбы разбойников доктор угостил их также вином и был очень рад, что отделался так дешево. Сделав обход по всей деревне, разбойники хотели сперва переправиться через Чарыш, но так как большая часть из них были пьяны, да и вода в реке прибыла, то некоторые из них решились переночевать на этой стороне и спросили на это разрешение Бунге. Шум делался сильнее. Крики их, беспрестанные выстрелы холостыми зарядами из пистолетов, их воинственный вид, рев ветра, плач женщин, лай собак, шум Чарыша — все это смешалось и составляло обстановку сцены, которая наводила страх. Бунге привелось прекратить еще сильный спор, возникший между некоторыми разбойниками и его проводником, которого они уговаривали идти вместе с ними.

Так как братья принудили его пить, и он был сильно пьян, то прибег скоро к насилию, которое могло бы иметь дурные последствия, потому что это был человек необыкновенно сильный и, доведенный почти до бешенства, готов был убить кого угодно из разбойников.

Способием одного из своих людей доктор успел, однако же, похитить у него нож и заряженную винтовку;

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

потом при помощи других его утащили и заперли. Разбойники расположились около большого огня, а жители нанесли им всевозможных припасов на ужин. Шум продолжался целую ночь. Но некоторые разбойники, менее пьяные, смотрели за порядком, имея постоянно в виду неожиданное нападение: у них не только были заряжены винтовки и пистолеты, но приготовлены патроны и пули, чтобы в случае надобности скорее заряжать.

На другой день хозяин Бунге угостил их чаем, и они отправились далее. День был холодный и пасмурный; шел то дождь, то снег; Чарыш сильно взволновался, так что было затруднительно переправиться. Многие разбойники уселись в лодки, которые часто черпали краями воду, но некоторые разделись и пустились вплавь, держась за хвосты лошадей. Быстрота течения уносила их далеко; часто лошадь и человек на минуту скрывались под водой.

Таким образом, рассказ очевидца-путешественника вполне подтверждает свидетельство о силе и выносливости этих людей.

До сих пор в горах на Бухтарме среди «каменщиков», охотников и на уединенных трактах попадаются люди необыкновенного сложения, крепости, полные отваги, смелости и отличающиеся полным крестьянским благодушием. В деревне Калкамонке на Бийской линии мы видели сами девицу, имевшую 64 сантиметра, или почти один аршин, в плечах и поднимавшую, по словам отца, до 12 пудов. Это потомки алтайских раскольников, о которых мы когда-нибудь будем вести речь.

Самое мрачное время миновало для Алтая с освобождением подзаводского населения 19 февраля 1861 года. Алтай переживает еще переходную эпоху, но заря новой

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

жизни уже золотит вершины его прекрасных гор более светлыми лучами будущего. Отовсюду в плодоносные долины Алтая спускаются трудолюбивые переселенцы-колонисты, стекаясь со всех сторон земли русской и ища здесь приволья после тяжкого малоземелья. Приветливы эти луга, бесконечны пространства, душисты и ароматичны травы, весело и ярко светит на них божье солнце, снует трудолюбивая пчела и несет пахучий мед в раскинувшиеся сотнями ульи алтайских пасек; желтеет нива на склонах мягких зеленых гор, шахматами красуются эти поля, наливается пышно колос на девственной почве, дающей огромные урожаи. Да будет благословен новый труд твой, русский пахарь; надо же снять тебе когда-нибудь полную жатву!

8 мая 1880 г.
«Русское богатство», №8.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

СТРАННИК НА ЗОЛОТОМ ОЗЕРЕ
(Из путешествий по Алтаю)

Величественные, девственные леса покрывают весь юго-восток Томской губернии, они тянутся по всему Кузнецкому и восточной части Бийского округов. Здесь начинается пустыня, пред которой еще останавливается русская колонизация.

В 1880 году мы двинулись в эту пустыню. Проезжая по лесным тропинкам этих дебрей, мы были приятно изумлены разнообразием растительности. Осина, береза, рябина, тополь, черемуха перемежались в пестрой зелени. Когда из долины р. Наймы, цветущей и покрытой сочными травами, мы совершили через горы перевал к Поспоулу, нас окружили огромные кедры, травы, папоротники и репей, которые поднимались выше роста человека, сидящего на лошади.

Дикий хмель обвивал деревья, подобно лианам. Среди кедров. и сосен разрастались рябина, акация, бузина; кусты черемухи, смородины, малины свешивали гроздья своих ягод. Местами выступал чистый лиственный лес. Когда мы поднимались на перевал, нас окружали прелестные парки из тополей, берез, сосен; зелень была свежая и сочная, эта зелень живописно сбегала по склонам. На вершине перевала шел дождь, и мы увидели радугу, опрокинувшуюся аркой, опершейся на соседние горы; вдали синели вершины хребтов и выдвигалась сопка одного из них — величественного Чаптагана.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

По дороге к Телецкому озеру, среди черни, мы следовали по узкой и грязной тропинке, которую загораживают буреломы, колоды, ручьи, иногда каменистые болота, так что всадник должен преодолевать различные препятствия.

Чудное волшебное озеро, которого с трудом достигают путешественники, но достигнув которое они испытывают неимоверное наслаждение неожиданных впечатлений, однако еще не появлялось перед нами, оно было скрыто от нас декорацией гор и темными лесами.

Мы находились в небольшой деревушке на отдыхе, с мыслями и мечтами о дальнейшем путешествии. Мысли наши бродили около заколдованного озера. До сих пор это озеро пустынно, и над ним витает только миф и таинственная легенда.

«Когда-то на это пустынное озеро зашел человек, рассказывают инородцы, он был голоден и искал пищи, искал людей, но людей не было; в руках этого человека был огромный кусок золота, но золото было бесполезно в этой пустыне, и он не мог на него купить несколько зерен ячменя. Тогда этот голодный человек, поняв все бессилие металла, доведенный до отчаяния, в бешеной злобе бросил драгоценный кусок в темные волны глубокого озера и проклял его».

Миф этот, полный своего философского смысла, объясняет название Золотого озера, или Алтын-Коль. Мрачные дикие скалы до сих пор негостеприимны для человека. Над ними как будто стоит еще тень несчастного скитальца, подобно брокенскому призраку[65] блуждая в туманах.

[65] Призраки Броккена (нем. Brockengespenst), также называемый горным призраком — тень наблюдателя на поверхности облаков (тумана) в направлении, противоположном Солнцу. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В 18 верстах от озера находится, однако, небольшое миссионерское селение Кебезень с жалкими избами и шалашами крещеных инородцев, здесь же помещается церковь и дом миссионера, почтенного старца, который, кроме духовных врачеваний, лечит окружающее население от зобов, давая настой грецкой губки. Этот первый оседлый стан переполнен сбродным людом: торгашами, обруселыми татарами, разными спекулянтами и хищниками черни, здесь же живут некоторые русские рыбопромышленники, ловящие на Телецком озере прекрасную рыбу, давно известную по вкусу, но доселе не определенную наукой. Зовут эту рыбу «сельдью», но на самом деле это не сельдь, а бог знает что! Словом, рыба вкусная, а до остального нам дела нет.

Кебезень — это последнее селение по направлению к Телецкой пустыне, но и до него добраться — надо совершить экспедицию, перебираться через лесные тропинки верхом, изредка останавливаясь в жалких деревушках инородцев. Среди прекрасных плодоносных долин гнездятся только пасеки (пчельники) и отважные пасечники, борющиеся с медведями, в большинстве же все пространство еще покрыто молчаливыми лесами, высокими мохнатыми сопками, бурными горными реками и производит подавляющее ощущение дикой природы.

В Кебезени мы чувствовали себя уже совершенно отчужденными от мира. Завтра мы будем в совершенной пустыне вдали от суеты, от житейских волнений, от горьких житейских драм, измучивших душу. Пора дать отдых нервам! В это-то время, когда мы смотрели на эти синеющие вершины гор, постоянно уходившие в туманной дымке и легко тронутые фиолетовыми

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

отблесками, когда мы любовались на тихое движение пурпуровых облаков, как ожерелья обнимавших вершины и пики, прислушивались к бурливому рокоту несущейся горной реки и отдавались новому живительному чувству, предчувствуя веяние великой врачующей природы, в это время, как бы по следам за нами, до нашего слуха еще раз достиг крик жизни.

Жители маленькой Кебезени гуторили и таинственно передавали необычайное событие, которое услышали и мы. Оказалось, что около деревни взят был неизвестный, беспаспортный, который сам явился и предъявил о своем существовании. Он объявил сверх того, что у него украден паспорт и деньги. Рассказ его возбудил крайнее недоверие во всех жителях, и личность казалась подозрительной. Слушая эти рассказы, я думал, кто бы мог забрести сюда.

Авантюрист, мелкий спекулянт, искавший наживы среди простодушных дикарей-инородцев, или известный в Сибири бродяга, проторяющий путь себе с Нерчинска в далекую, но милую ему Россию? Но что его загнало сюда, на бродяжеский тракт в середине людной, заселенной Сибири? Бродяга смело идет по сибирским деревням и питается подаянием хлебообильных сибирских сел. Если это сбившийся с пути путник, в таком случае положение его здесь безотрадно!

Во всяком случае, ввиду общего внимания, я желал его видеть. Приготовляясь встретить беглеца и ожидая фантастического рассказа, на что весьма способны ссыльные, я готов был приняться за раскрытие обмана и помочь жителям разъяснить загадочное происшествие. Жители уверяли, что на пустынной дороге, вблизи мирных инородцев не могло быть совершено у него

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

кражи. Я также знал, что инородцы честны и страшатся хуже всего подобных обвинений, зная тяжесть следствия. Заседатель сюда даром не приедет.

Симпатии мои были во всяком случае не на стороне неизвестного.

Недоумение мое увеличилось, когда я узнал, что незнакомец явился не один, но с мальчиком и лошадью. Когда его привели ко мне, я был озадачен его видом и фигурой и скоро узнал знакомый тип, не оставлявший никакого сомнения.

Несколько нескладная и как бы растерянная фигура, лицо простодушное, почти глуповатое, взгляд открытый, но упрямый, признак настойчивости характера, нескладная, тугая, с трудом выжимаемая речь, русая голова, крестьянские согнутые рабочие руки, следы долгого пути на ногах, в лице спокойствие, покорность и в то же время какое-то изумленное выражение и еще неостывшее недоумение перед случившимся. Подле стоял ребенок лет 12-ти с покорным тихим лицом.

— Ты новосел, переселенец российский? — пояснил я. — Мы-те, мы расейские, точно… да вот у нас пашпорт…

— Погоди, как тебя занесло, милый человек, сюда в эту трущобу?

— Да мы местов под пчельник искали, будто тут места хороши, да покосить бы маненько…

— Где же вы жили, откуда ты попал сюда?

— С Беи, из Енисейской волости, из Пильны, там два года жили, да вот, говорят, тут пчельники… да и покос.

— Как же ты с мальчишкой пасеку хотел устраивать? Много ли у тебя денег было?

— Пятнадцать рублев, да пашпорт в узелке, значит, мы с мальчонкой у речки пить стали, мальчонко-то го-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ворит: «Тятька, пойдем выше пить, тут поганый татарин пил». Ну, мы и пошли, а узелок-то на кочку положили. Поехали. Мальчонка говорит: «Тятька, узелок взял?» Я хватился, воротились к реке — платка нет, в платочке пашпорт, пятнадцать рублей было... Спрашивали татарку на покосе, говорит — не видела, а мы тут, значит, на кочке и оставили...

Сколько я ни расспрашивал, все выходило одно, то же подтверждал и мальчик, отдельно спрошенный. Для меня совершенно непонятна была эта небрежность, почти беспечность к самому дорогому имуществу.

— Скажи, пожалуйста, ну, зачем ты нес деньги и паспорт в платке, разве ты не знаешь вашего крестьянского обычая в мешочек зашивать да на вороте под рубахой держать. Вот я барин, да и то по-вашему научился делать, потому надежнее, видишь у меня мешочек на шее. Правду ли ты говоришь? Как же ты узелок этот в руках нес?

— Так в руках и нес. Мальчишка говорит, клади, тятька, на кочку, пойдем выше пить, татарин пил, мы и пошли...

Так я более и не мог ничего добиться. Близлежащий покос оказался вдобавок зайсана, инородческого родовича, начальника, человека богатого, и его сноха работала на покосе. Зайсан, узнав о подозрении, даже плюнул в мужика. Кебезень и его жители так же не доверяли его рассказу и возмущались.

А между тем несомненно, что новосел не обманывал. Это было олицетворение простодушия. Какая-то непостижимая случайность произошла с ним, какое-то фатальное несчастье преследовало его.

Положение новосела было между тем критическое. Хотя он являлся истцом, но как беспаспортный

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

находился под арестом, ему предстояло быть возвращенным за 100 верст в деревню, а потом, может быть, в Россию на местожительство.

Между тем новосел как будто не понимал своего положения.

После всех расспросов, препирательств и брани с зайсаном инородцем он вдруг обратился ко мне с каким-то наивным, заискивающим взором:

— Ваше благородие, позволь мне поробить здесь пока, я бы им на покосе помог, деньжонок заработал... да и местов подыскал... Позволь!..

Наивность была поразительная.

— Любезный друг, спроси у них, пустят ли они тебя, ведь ты вооружил на себя все население, с зайсаном поссорился, а земли им принадлежат. Да, наконец, ты даже без паспорта.

— Позволь поробить!.. — слышался один ответ.

Сколько я ни убеждал переселенца, я видел один упрямый взгляд, подтверждавший решение во что бы то ни стало «отыскать место». Стремление переселенца, его юридическое положение и отношение к нему окружающих, — все это составляло такой гордиев узел и такую кашу, какую я привык встречать в наших колонизационных местах.

Я лег спать, мечтая о выезде завтра в пустыню, но судьба переселенца не выходила из головы. Ведь надо же было этому пионеру колонизации забраться в эту трущобу, где мы, русские, с XVII столетия, то есть со времени похода Собанского[66], не могли поставить

[66] В 1632 г. отряд служилых людей из Томска поднялся по Оби до широты Барнаула, в следующем году отряд казаков под предводительством боярского сына Петра Собанского из Кузнецка прошел

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ни крепости, ни основать русского поселения, кроме жалких татарских хижин.

Сколько административных усилий было напряжено. Команды посылались, начиная с Шпрингера[67], и казачьи линии проводились, от Сайбыда по Бии пробовали дорогу пролагать, на Телецкое озеро при генерале Капцевиче[68] казаков садили и магазин для рыбы строили. Ничего не привилось: магазин разрушился давно и озеро пустынно, дорог по-прежнему нет.

И вот пришел теперь настоящий работник, виноградарь, истый завоеватель, земледелец с упорным трудом и мускулистыми руками: «Дайте поробить!» Что же мы с ним сделаем? А что как мы его отправим назад? Какое фатальное недоразумение! Какая ужасная судьба!

С какими средствами и силами, наконец, явился этот отважный завоеватель? Убогий, в одной рубахе и зипуне, на худенькой лошаденке, с ребенком на руках, один в глухих лесах, в грозной пустыне. Явиться при таких средствах разве это не героизм, равный безумию!

Он явился, не зная условий существования, в незнакомую среду, в селение, где вили себе гнездо только «хищники черни» и эксплуататоры инородца. Явился с девизом: «Позвольте поробить!»

к Телецкому озеру. Там же в 1639 г. побывал и атаман Петр Дорофеев. Эти походы дали первые сведения о природных особенностях Северо-Восточного Алтая, о жизни местного населения. – *Прим. Ред.*

[67] Иван Иванович Шпрингер (?—1771) — российский военный, генерал-поручик, основатель ... 3 марта 1763 года получил чин генерал-поручика и в сентябре того же года был назначен командиром войск Сибирского корпуса. – *Прим. Ред.*

[68] Капцевич Петр Михайлович (1772–3.7.1840, Оренбург), первый генерал-губернатор Западной Сибири. – *Прим. Ред.*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Он пришел, может быть, преждевременно, как везде, проторяя дорогу. И тем не менее это все-таки настоящий завоеватель, это сила, он оснуется когда-нибудь здесь и будет ему принадлежать будущее, будут принадлежать леса и дебри. Недаром он шел из Воронежской губернии без средств, прося по дороге только «поробить». Прошел всю Россию и Сибирь и основался здесь. Такой человек не умрет с голода нигде. Везде нужны руки, везде «надо поробить» — это его вера.

Да, это не брокенский призрак Телецкого озера, не несчастный с куском золота, не знающий, что делать с ним в пустыне. У него нет золотого слитка, но есть золотые руки. Он не погибнет, не проклянет эти берега, потому что сумеет бросить вечное зерно в почву и возрастить колос. Это дороже золота!

В смутных грезах мне виделся уже не убогий мужичонка, но титан — русский народ, пробивающий упорно путь себе через леса и урманы на заколдованное Телецкое озеро.

Мать-пустыня! Когда же, когда ты дашь приют этому труженику!

«Восточное обозрение»,
1882, №1.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Карандашный портрет Н. М. Ядринцева, выполненный К. О. Брожем

Н. М. Ядринцев во время экспедиции по Алтаю

Слева направо: просветители М. Я. Писарев, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, М. В. Загоскин, А. П. Нестеров. Фото П. А. Милевского

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1-го Апрѣля 1882. № 1.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Газета «Восточное обозрение»

СИБИРЬ

КАКЪ

КОЛОНІЯ

КЪ ЮБИЛЕЮ ТРЕХСОТЛѢТІЯ.

Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее.

Н. М. Ядринцевъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Первое издание «Сибирь как колония»

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

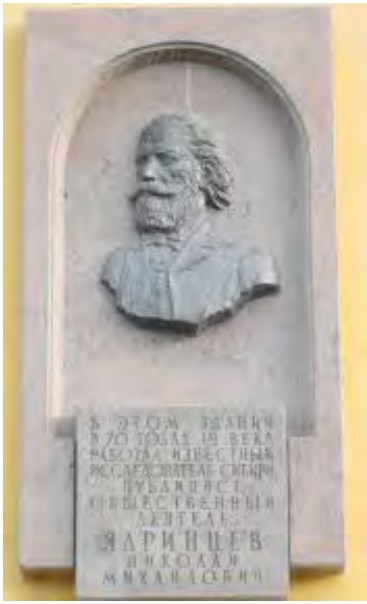
Из архивов США: каторжане в дореволюционной Сибири в восьмидесятых годах XIX века. Осужденные в Тюмени ждут, чтобы сесть на баржи для транспортировки по реке Обь в тюрьмы Сибири. Фото Джордж Кеннан, 1885 г.

Сбежавшие сибирские каторжники. Фото Джордж Кеннан, 1885–1886 гг.

Русский заключенный в кандалах – портрет. Фото Джордж Кеннан, 1885–1886 гг.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Могила Н. М. Ядринцева на Нагорном кладбище г. Барнаула



Мемориальная доска Н. М. Ядринцеву в Омске

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Первый Сибирский Томский Императорский (имени Его Императорского Величества Александра III) государственный классический университет, необходимости открытия которого посвящена последняя глава книги «Сибирь как колония». Фото девяностых годов XIX века

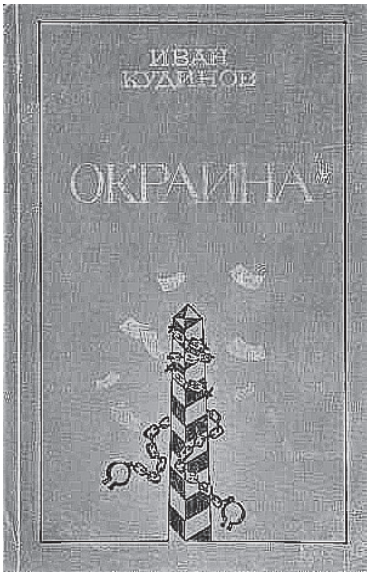
Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Первый Сибирский Томский Императорский (имени Его Императорского Величества Александра III) государственный классический университет, необходимости открытия которого посвящена последняя глава книги «Сибирь как колония». Фото девяностых годов XIX века

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Современные издания книг Н. М. Ядринцева

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru



Книги о просветителе алтайского писателя Ивана Павловича Кудинова

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Малая золотая медаль Русского географического общества, которой Н. М. Ядринцева наградили в 1881 году за две алтайские экспедиции

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Литературное
наследие
Алтая

Николай Михайлович Ядринцев

Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении

В 2 т. Том 2

Редактор-составитель: С. А. Мансков

Сохранены авторская стилистика, орфография и пунктуация

Художественный оформитель: А. Н. Шелепов
Корректор: С. А. Лукина
Верстка: Н. Е. Бреус

Подписано в печать 00.00.2019.
Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 17, 64. Гарнитура Orbi.
Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 2500 экз. Заказ 1822.

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ КОЛОРИТ».
630001, г. Новосибирск, ул. Сухарная, 35, корпус 7/3

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altgu.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altgu.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru